

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 28-10-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 28-10-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич – доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) – доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

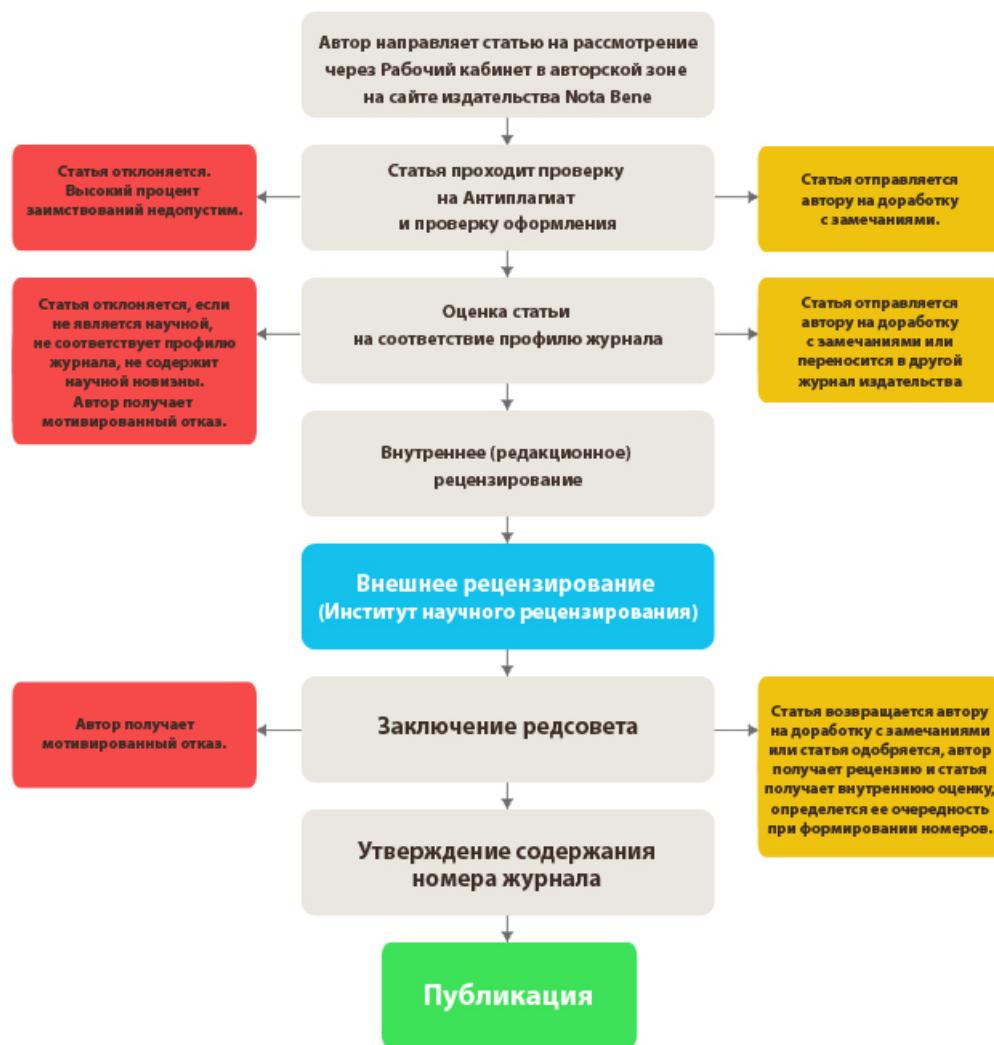
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Грибков А.А. Проблема потери целостности современного философского и научного знания	1
Рахинский Д.В., Панасенко Г.В., Равочкин Н.Н., Морозова О.Ф., Минеев В.В. Социальный контракт: способы теоретизации и философские перспективы	10
Гутова С.Г., Берилло И.В. Тайна человека в учении Блеза Паскаля: между мистикой и рациональностью	22
Сущин М.А. Что философия и когнитивные науки могут дать друг другу?	40
Зайцев А.В. Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX – начала XXI вв. (теоретико-методологический аспект)	51
Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г. Проблема свободы в философии Джона Локка: семиотическое прочтение	63
Данчай-Оол А.А., Монгуш С.О., Донгак В.С. Взаимосвязь культуры, интерпретации феноменов культуры и мировоззрения в системе этнопедагогики (на примере тувинской культуры).	82
Гагинский А.М. Бытие и данность в философии М. Хайдеггера	93
Глуздов Д.В. Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта	106
Ветров В.А. Социогуманитарные проблемы программ преконцепционного генетического скрининга	124
Ильинская С.Г., Сирина Е.А. Разные логики социального и политического анализа	138
Англоязычные метаданные	152

Contents

Gribkov A.A. The problem of loss of integrity of modern philosophical and scientific knowledge	1
Rakhinsky D.V., Panasenko G.V., Ravochkin N.N., Morozova O.F., Mineev V.V. Social Contract: About Approaches to Its Theoretization and Its Philosophical Prospects	10
Gutova S.G., Berillo I.V. The mystery of man in the teachings of Blaise Pascal: between mysticism and rationality	22
Sushchin M.A. What Can Philosophy and the Cognitive Sciences Give Each Other?	40
Zaitsev A.V. Dialogue between government and society in the digital public sphere (theoretical and methodological aspect)	51
Ukhov A.E., Kovrov E.L., Simonyan E.G. The problem of freedom in the philosophy of John Locke: semiotic interpretation	63
Danchay-ool A.A., Mongush S.O., Dongak V.S. Worldview foundations in the system of ethnopedagogy (using the example of Tuvan culture).	82
Gaginskii A.M. Being and givenness in the philosophy of M. Heidegger	93
Gluzdov D.V. Philosophical anthropology analysis of contradictions in the development of artificial intelligence	106
Vetrov V.A. Sociohumanitarian issues of preconception genetic screening programs	124
Ilinskaya S., Sirina E.A. Different logics of social and political analysis	138
Metadata in english	152

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Грибков А.А. — Проблема потери целостности современного философского и научного знания // Философская мысль. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.44094 EDN: XXVERPK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44094

Проблема потери целостности современного философского и научного знания

Грибков Андрей Армович

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник, НПК "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1, строение 7

[✉ andarmo@yandex.ru](mailto:andarmo@yandex.ru)[Статья из рубрики "Философия познания"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.10.44094

EDN:

XXVERPK

Дата направления статьи в редакцию:

16-09-2023

Дата публикации:

23-09-2023

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблема общественного развития, развития наук и в целом развития человеческой цивилизации – постепенный уход от опоры на систему устоявшихся общепринятых представлений и, в результате, потеря целостности философского и научного знания. Рассмотрена способность различных моделей достоверно описывать области познания, находящиеся за пределами области, на основе знаний о которой эти модели формируются. Рассматривается Общая теория систем, центральной идеей которой является существование изоморфизма форм и законов в различных предметных областях и на различных уровнях мироздания, через который проявляется целостность мира. Обосновывается необходимость опоры на систему общепринятых представлений о природе, обществе, этике и эстетике, даже если эти представления не являются бесспорными и окончательными. Констатируется необходимость возвращения философии ведущей роли в познании, поскольку только философия способна обеспечить целостность системы знаний. Констатируется, что таким

свойством обладают модели, способные вписываться в целостную картину мира. Выдвигается идея, что Общая теория систем может стать основой построения целостной картины мира. Для этого она должна быть расширена определением методологии формирования и описанием частных проявлений изоморфизма, а также дополнена онтологической частью, содержащей объяснение генезиса изоморфизма.

Ключевые слова:

целостность мира, система знаний, познание, изоморфизм, Общая теория систем, онтология, генезис, достоверность, модель, картина мира

Введение

Существенной проблемой общественного развития, развития наук и в целом развития человеческой цивилизации в последние десятилетия стал постепенный уход от опоры на систему устоявшихся общепринятых представлений о мире, о моральном и аморальном, о добре и зле и т.д. Квинтэссенцией этого распространяющегося негативного явления стало общеизвестное выражение «А кто знает, что правильно?».

Действительно, кто знает, что правильно? С другой стороны, как может существовать цивилизация, развивающаяся наука, если нет ориентиров, нет системы координат, в которой можно двигаться, определять свою позицию и отношение к происходящему, спорить (потому что есть с чем спорить – с устоявшимися представлениями)?

Ответ на сформулированные ответы один, но он образуется из двух составляющих. Во-первых, абсурдным является пренебрежение опытом человеческой цивилизации в части формирования системы знаний о природе, обществе и экономике, моральных, этических, эстетических и др. представлений. Являются ли эти представления истиной в последней инстанции? Безусловно, нет. И развитие человеческой цивилизации в огромной мере зависит от того, будет ли возможность оспаривать и корректировать эти представления. Отсюда вытекает вторая составляющая ответа на поставленные вопросы: принятие знаний и представлений, достигнутых человеческой цивилизацией не должно становиться догматичным, необходима свобода сомневаться, критиковать и предлагать альтернативные ответы на «давно решенные вопросы».

Но для того, чтобы можно было спорить и предлагать что-то новое, должно быть что-то старое, общепринятое, проверенное временем. Оно обычно не является чем-то антагонистичным человеческой природе и не противоречит устройству природы, не является противоестественным. Тем не менее, оно не должно быть свободно от критики. Если мы, конечно, хотим, чтобы развитие продолжалось.

Философия – фундамент системы знаний

Большую часть истории человечества фундаментом развития наук и системы знаний в целом была философия. Философия стремилась однозначно и понятно объяснять устройство мира и решать проблемы познания: истины, познаваемости мира, отношений субъекта и объекта познания, определения методов познания. Это не всегда получалось, но в каждый исторический период существовала какая-либо доминирующая философская концепция, с которой сверялись ученые, общественные деятели и мыслители.

Например, философские представления Аристотеля являются значимой частью системы

знаний человечества намного более двух тысяч лет (в 2016 году человечество отмечало 2400 лет со дня рождения Философа), из которых лишь последние 400 лет философия Аристотеля перестала быть основой представлений о физическом мире. Многие творения Аристотеля (например, формальная логика) актуальны до настоящего времени.

Идеи Аристотеля интерпретировались (нередко с существенными искажениями), истолковывались, подгонялись под собственное мнение различными учеными из области философии, науки или теологии [\[1\]](#). При этом невозможно отрицать факт огромного стимулирующего влияния философии Аристотеля, которая, с одной стороны, обладала очевидными достоинствами и представляла собой огромный интерес для изучения, и, с другой стороны, занимала положение общепринятой, одобряемой как учеными, так и церковью. Она задавала систему отсчета в философских изысканиях многих десятков поколений ученых по всему миру.

В эпоху Просвещения во Франции XVIII века философское мировоззрение образованной части общества приобрело свою завершенную форму в Энциклопедии и трудах энциклопедистов, в том числе П. Гольбаха – автора фундаментальной работы «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного» [\[2\]](#), которую современники называли «Библией материализма». Эпоха просвещения стала периодом наиболее активного развития культуры, науки и общественной мысли, захватившего не только Францию, но и всю Европу. И. Кант рассматривал Просвещение как новую философскую парадигму [\[3, с. 29-37\]](#), основанную на свободе открыто пользоваться своим разумом. Ядром философского мировоззрения эпохи Просвещения было осознание необходимости движения от религиозного мировоззрения к научному, основанному на разуме и рациональности. При этом необходимо констатировать, что философские и прочие взгляды энциклопедистов и других значимых деятелей эпохи Просвещения существенно различались. И это не было препятствием развитию.

Что же мы имеем в настоящее время? В качестве примера рассмотрим физические представления, где проблемы наиболее очевидны. Современная философия, в отличие от времен Аристотеля или Ньютона не имеет однозначного мнения о том, что такая материя, какими свойствами она обладает и как взаимодействует, что представляют собой время и пространство и т.д. Аристотелевская физика и метафизика [\[4\]](#) давали ответы (пусть даже и не вполне верные), механика Ньютона позволяла сформировать непротиворечивую картину физического мира.

Двадцатый век открыл ящик Пандоры взаимно противоречащих наблюдаемых фактов, одни из которых объяснимы в рамках классической механики, описание других может быть точно количественно выполнено посредством специальной или общей теории относительности или квантовой механики и т.д. Система знаний о физическом мире полностью утратила целостность. Новые теории больше не должны быть согласованными со всей системой знаний, используемые методы анализа не обязательно должны быть математически корректными (показательный пример – перенормировка в квантовой теории поля [\[5\]](#)). Доверие и уважение к философскому знанию неуклонно снижается, большое число апологетов находят различные позитивистские философские концепции, ставящие под сомнение необходимость философии.

Современная философия предпринимает отчаянные усилия для того, чтобы сохранить свою актуальность, соответствовать новым научным знаниям. Философия пытается обосновать запутанные, противоречивые и нередко недостоверные научные знания, обнаружить какой-то философский смысл там, где его нет. Показательным примером

является попытка подвести философскую базу под явление квантовой запутанности [6], возникающее вследствие принятой в квантовой механике интерпретации состояний пары рождающихся частиц как суперпозиции, т.е. являющееся не физическим эффектом, а познавательным, обусловленным непониманием современной физической наукой природы квантовых явлений. Усилия философии обосновать науку – беспersпективны, если научные знания недостоверны и представляют собой фантомы, порождаемые оперированием ничем не подкрепленными обобщенными понятиями и умозрительными теоретическими гипотезами, которые никогда не сверялись с действительностью.

Вектор взаимодействия философии и науки должен быть противоположным: не наука задает направления познания и формулирует вопросы, а философия. Задача науки заключается в поиске ответов на вопросы философии, которые потом дополнительно верифицируются философией с позиции логики целостности мира.

«Закрытые» и «открытые» модели

Существенный интерес представляет вопрос о «закрытых» и «открытых» моделях. Под «закрытыми» мы будем понимать модели, образованные на основе эмпирических знаний в ограниченной области познания (например, некоторого диапазона изменений исследуемого параметра), и несоответствующие реальности за пределами этой области. Под «открытыми» – модели, которые оказываются применимыми за пределами области познания, на основе данных по которой модели создавались.

При этом как «закрытые», так и «открытые» модели являются корректными. Всякая модель, как и система знаний в целом, никогда не соответствующую бытию (реальности) по своему содержанию (элементам и связям). Задача модели – соответствовать реальности по заданному числу параметров в заданных пределах изменений этих параметров. Оба типа моделей этому требованию соответствуют.

Обобщая понимание «закрытых» и «открытых» моделей можно утверждать, что для каждой модели, основанной на эмпирических знаниях из определенной (исходной) области познания, имеется область применимости, большая или равная этой исходной области.

В чем заключается принципиальное внутреннее различие «открытых» и «закрытых» моделей?

История науки знает большое число теоретических моделей, которые в конечном итоге оказались ошибочными, но внесли большой вклад в формирование научной картины мира: флогистон [7, с. 414] (теория конца XVII – начала XVIII веков, позволившая обобщить множество химических реакций), теплород [8, с. 95] (теория конца XVIII – начала XIX веков, объяснившая многие известные на тот момент времени тепловые явления), светоносный эфир (отвергнутая, но до сих пор окончательно не опровергнутая теория, впервые выдвинутая Р. Декартом в XVII веке, положенная в основу волновой оптики и электромагнитной теории Максвелла) и др.

Почему эти модели оказались полезными для познания мира? Что их отличает от других? По мнению автора данной статьи, обязательным условием (но не гарантией) полезности модели является ее внутренняя непротиворечивость и согласованность с другими моделями из смежных областей знания. Другими словами, модель должна вписываться в целостную картину мира. Это позволяет экстраполировать логику модели на более широкую область, чем область, на основе знаний о которой модель формировалась.

Важным примером продуктивности модели представления мироздания, не соответствующей требованию доказуемости [9], но обладающей внутренней логикой и непротиворечивостью, является вера в Бога. Религиозное мировоззрение во многих областях духовной жизни человека оказывается продуктивным [10]. Этические проблемы, проблемы добра и зла, целеполагания человеческой деятельности и определения ее смыслов – вопросы, на которые (в отличие от науки) в рамках религиозного мировоззрения имеются однозначные ответы. Вера в Бога дает человеку определенность, позволяет ориентироваться в жизни и принимать решения, гармонизированные с существованием целостного мира. Сила веры заключается в приобретении человеком эмоциональной и духовной опоры. При этом не так важно, что религия бесполезна для объяснения физических или биологических явлений, или не может помочь в решении проблем техники.

Наряду со случаем принятия религиозного мировоззрения, оно может служить развитию знаний и в случае неприятия. Существенная часть научных открытий, прорывов в философском осмыслении мироздания были достигнуты в противостоянии с религией и в ее отрицании, в борьбе с догматизмом церкви [11].

Является ли догматизм позитивным явлением? Конечно нет, однако разрушение целостности системы знаний, ее фрагментация на множество противоречащих друг другу обрывков знаний – еще хуже. И, главное, фрагментация, вседозволенность, разупорядочение – существенно более действенные способы замедлить познание, чем догматизм. Последний вызывает стойкое интеллектуальное отторжение и неизбежно преодолевается: тем скорее, чем уже его ограничения. Кроме того, не все проявления догматизма являются препятствием развитию. В частности, интерес представляет интерпретация догматизма в виде догматического знания, которое может продуктивно использоваться в качестве знания-основы [12].

Потенциальные возможности общей теории систем

Существует ли философская концепция, которая позволит достичь одновременно единства в представлении мироздания и его достоверности? Даже облегчим задачу. Будем вести речь о философской концепции, допускающей постепенное приближение к достоверному представлению мироздания без внесения радикальных изменений в ее логику и содержание.

Очевидно, что позитивистские представления, согласно которым знание формируется исключительно эмпирически или как обобщение эмпирических знаний, не предполагает единства в представлении мироздания. Конечно, обладание огромными, детальными и всеобъемлющими эмпирическими знаниями могло бы позволить сформировать цельную, внутренне непротиворечивую картину мира. Однако эмпирический опыт ограничен и на его основе возможно в лучшем случае обобщение знаний в ограниченной области. Корреляция этих знаний со знаниями из других областей возможна не всегда, а корреляция всех областей знаний между собой практически недостижима.

Построение системы знаний с опорой на метафизику, как это, например, имело место в натуральной философии – подход, возможности которого в формировании целостной картины мира несопоставимо больше, чем у позитивизма. Проблема познания в натуралистической философии заключается в необходимости достоверного определения сверхопытных начал и законов бытия, что не всегда удается сделать на основе априорных знаний и посредством обобщения опыта. Опыт развития наук показывает, что целостное

представление мироздания натурфилософия позволяет достичь, но достоверность этого знания не обеспечивается.

Причина этого заключается в том, что основной для натурфилософии дедуктивный метод мышления, даже дополненный индуктивным методом мышления (для верификации знаний и их обобщения для формирования метафизических знаний) недостаточны для построения картины мира. Они ограничены одномерностью логических построений: дедуктивное или индуктивное мышление всегда выстраивается в логические цепочки. Таким методом можно доказать или объяснить уже найденное знание, но в большинстве случаев (за исключением самых элементарных) не получается найти принципиально новое знание.

Незаменимым инструментом познания является интуиция, которая, если разобраться с ее генезисом, представляет собой неосознанное использование аналогии или, что тоже самое, реализацию традуктивного метода мышления – мышления, в котором посылки и вывод являются суждениями одинаковой степени общности. Для понимания устройства мироздания мы не только формируем логические построения, связывающие имеющиеся знания, но и ищем аналоги, предполагая, что законы и формы мироздания повторяются в разных предметных областях, на разных уровнях организации мироздания, то есть что существует изоморфизм форм и законов.

В арсенале средств теории познания имеется научная и методологическая концепция, построенная вокруг констатации существования изоморфизма форм и законов. Это Общая теория систем, существующая во множестве вариантов: текстология А.А. Богданова [\[13\]](#), теории Л. фон Берталанфи [\[14\]](#), Э. Квейда [\[15\]](#), Д. Гига [\[16\]](#), М. Месаровича [\[17\]](#), А.И. Уемова [\[18\]](#), Ю.А. Урманцева [\[19\]](#), Э.Г. Винограда [\[20\]](#), В.В. Лещенко [\[21\]](#) и др.

Большинством ученых, занимающихся Общей теорией систем, ей отводится исключительно прикладная функция. Более того, некоторые из основоположников Общей теории систем, например, А.А. Богданов, даже не считали общую теорию систем (текстологию) частью философии, которой должна быть свойственна «объяснительная» тенденция: «Для текстологии, если она и «объясняет», как соединяются разнороднейшие элементы в природе, в труде, в мышлении, то дело идет о практическом овладении всевозможными способами такого комбинирования; она вся лежит в практике; и даже само познание для нее — особый случай организационной практики, координирование особого типа комплексов» [\[11, книга 1, с. 57\]](#).

Понятно, что в современном, «прикладном» виде Общая теория систем не может быть той концепцией, которая объединит знания, сформирует целостную систему знаний. Для этого Общая теория систем должна быть расширена определением методологии формирования и описанием частных проявлений изоморфизма, а также дополнена онтологической частью, содержащей объяснение генезиса изоморфизма.

Констатация изоморфизма форм и законов мироздания в качестве основы формирования целостной картины мира предполагает использование аналогий, т.е. реализацию традуктивного метода мышления. Важной особенностью традукции является ограниченность возможностей получения точных и окончательных ответов на вопросы познания: аналог – это лишь указание направления дальнейшего познания, в ходе которого знания углубляются и детализируются (если это возможно). Общая теория систем, даже расширенная и дополненная онтологической частью, скованна ограничениями традуктивного мышления и поэтому не может служить инструментом

формирования детальной картины мира. Однако для достижения целостности системы знаний о мире возможностей Общей теории систем (расширенной и дополненной) может оказаться достаточно. Конечно, для этого потребуется провести огромный объем исследований, направленных: на развитие Общей теории систем, на углубление и расширение научных знаний (там, где в процессе формирования целостных представлений будут обнаруживаться пробелы в знаниях), на верификацию философских знаний имеющимся научным знанием, а научных знаний – с позиции логики целостности мира.

Выводы

Исходя из приведенных в данной статье размышлений можно сделать следующие основные выводы:

1. Проблемой общественного развития, развития наук и в целом развития человеческой цивилизации в последние десятилетия стал постепенный уход от опоры на систему устоявшихся общепринятых представлений.
2. Вектор взаимодействия философии и науки необходимо развернуть: не наука должна задавать направления познания и формулировать вопросы, а философия.
3. Для каждой модели, основанной на эмпирических знаниях из определенной (исходной) области познания, имеется область применимости, большая или равная этой исходной области.
4. Условием (но не гарантией) полезности модели является ее внутренняя непротиворечивость и согласованность с другими моделями из смежных областей знания. Другими словами, модель должна вписываться в целостную картину мира.
5. В арсенале средств теории познания имеется научная и методологическая концепция, построенная вокруг констатации существования изоморфизма форм и законов, являющегося следствием целостности мира. Это Общая теория систем.
6. Для того, чтобы Общая теория систем могла стать инструментом формирования целостной картины мира, она должна быть расширена определением методологии формирования и описанием частных проявлений изоморфизма, а также дополнена онтологической частью, содержащей объяснение генезиса изоморфизма.

Библиография

1. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Влияние Аристотеля на формирование научной и философской методологии // Педагогика. Психология. Философия. 2016. №4 (04). С. 45-51
2. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Том 1. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. 715 с.
3. Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Том 8. М.: «Чоро», 1994. 718 с.
4. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1976-1983
5. Ширков Д.В. Перенормировки в квантовой теории поля // Сообщения Объединенного института ядерных исследований. Дубна, 1985
6. Эрекаев В.Д. «Запутанные» состояния: (философские аспекты квантовой механики). Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2003. 80 с.
7. Фигуровский Н.А. Очерк общей истории химии. От древнейших времен до начала XIX в. М.: Наука, 1969. 455 с.

8. Guerlac H. Lavoisier – the Crucial Year: the Background and Origin of His First Experiments on Combustion in 1772. Cornell University Press, Ithaca, New York, 1961. 240 p.
9. Разумов А.Е. Вера, понимание, доказательство // Высшее образование в России, 2019, т. 28, № 4. С. 72-80
10. Усачев А.В. Философские аспекты современного религиозного мировоззрения // Культура и искусство, 2022, № 9. С. 1-16
11. Канаков Д.В. Феномен религиозного догматизма. К постановке проблемы // Философские науки, 2010, № 8. С. 74-83
12. Карпов А.О. Когнитивная роль догматического знания: реальность, мышление, обучение // Вопросы философии, 2019, №10. С. 99-109
13. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. М.: «Экономика», 1989
14. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. George Braziller Inc., New York, 1969, 289 p.
15. Квейд Э. Анализ сложных систем. М.: «Советское радио», 1969. 520 с.
16. Гиг Д. Прикладная общая теория систем. Книги 1 и 2. М.: «Мир», 1981
17. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы. М.: «Мир», 1978. 312 с.
18. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: «Мысль», 1978. 272 с.
19. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития / Сборник «Система, Симметрия, Гармония». М.: «Мысль». 1988. С. 38-124.
20. Винограй Э.Г. Основы общей теории систем. Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. 1993. 339 с.
21. Лещенко В.В. Теория общих систем и информационная модель мировоззрения общества / Системный подход в современной науке. Под ред. И.К. Лисеева и В.Н. Садовского. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. С. 309-32

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Проблема потери целостности современного философского и научного знания» выступает состояние современного научного знания и философского мировоззрения. Автор не без основания полагает, что процессы развития науки неразрывно связаны с общими установками, бытующими в общественном сознании и выражает тревогу по поводу доминирования научного релятивизма. «Существенной проблемой общественного развития, - пишет автор в начале своей статьи, - развития наук и в целом развития человеческой цивилизации в последние десятилетия стал постепенный уход от опоры на систему устоявшихся общепринятых представлений о мире, о моральном и аморальном, о добре и зле». Задачей своей статьи, он видит определение путей преодоления неопределенности современной картины мира.

Методология исследования, избранная автором, заключается в общем обзоре существующих тенденций в области науки и философии, их сравнительном анализе и постулировании вариантов возможного преодоления кризисных, с точки зрения автора, тенденций.

Актуальность исследования связывается автором с необходимостью выхода современной науки из «ситуации неопределенности», возвращения ей статуса системаобразующего начала в построении устойчивой картины мира. Помочь в этом возвращении научной определенности должна философия.

Научная новизна работы видится автору в том, что им намечены пути формирования целостной картины мира, включающие в себя расширение общей теории систем, методологию «формирования и описанием частных проявлений изоморфизма», а также установку на внутренне непротиворечивые объяснительные модели.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура работы включает ряд частей, выделенных автором. Введение, дает обоснование необходимости переосмыслиения исходных установок современной науки, признающих альтернативность моделей описания мира и существование принципиально непознаваемых параметров окружающей реальности. В части «Философия – фундамент системы знаний» автор, на примере Аристотеля, показывает «правильное» с его точки зрения соотношение науки и философии, с доминированием последней. Проблемы в современной научной картине мира, по мнению автора, связаны как раз с тем, что наука обособилась от философии и пытается самостоятельно определять цели познания. Автор убежден, что не наука должна задавать направление познания и формулировать вопросы, а философия. Задача науки должна заключаться в поиске ответов на вопросы философии. В части ««Закрытые» и «открытые» модели» обосновывается важность целостности и непротиворечивости объяснительных моделей мира, вплоть до того, что непротиворечивая догматическая модель оценивается автором более значимой и ценной, нежели научная, но фрагментированная. Выход из ситуации нецелостности современной картины мира автор намечает в третьей части – «Потенциальные возможности общей теории систем», в которой утверждает, что доказанное существование изоморфизма форм и законов, является следствием целостности мира и потому именно философия может задать правильный вектор развития науки.

Библиография статьи включает 21 наименование.

Апелляция к оппонентам активно присутствует в третьей части статьи, посвященной общей теории систем. Автор упоминает в связи с эти имена и теории А.А. Богданова, Л. фон Берталанфи, Э. Квейда, Д. Гига, М. Месаровича, А.И. Уемова, Ю.А. Урманцева, Э.Г Винограда, В.В. Лещенко.

Статья может вызвать интерес у читательской аудитории, специализирующейся в области философии науки.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Рахинский Д.В., Панасенко Г.В., Равочкин Н.Н., Морозова О.Ф., Минеев В.В. — Социальный контракт: способы теоретизации и философские перспективы // Философская мысль. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.48490 EDN: YZCEEG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48490

Социальный контракт: способы теоретизации и философские перспективы

Рахинский Дмитрий Владимирович

ORCID: 0000-0003-4971-7523

доктор философских наук

профессор, кафедра общественного здоровья и здравоохранения, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор, кафедра гражданского права и процесса, Красноярский государственный аграрный университет

660022, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, ауд. 354

✉ siridar@mail.ru**Панасенко Галина Васильевна**

доктор философских наук

профессор, кафедра социальной работы, Сибирский федеральный университет

660049, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Мира, 65, оф. 1

✉ galina-panasienko@mail.ru**Равочкин Никита Николаевич**

доктор философских наук

профессор, кафедра педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; профессор, кафедра истории, философии и социальных наук, Кубанский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

650003, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Марковцева, 12/1, оф. 24

✉ nickravochkin@mail.ru**Морозова Ольга Федоровна**

доктор культурологии

профессор, кафедра философии, Сибирский федеральный университет

660025, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Красноярский Рабочий, 89, оф. 15

✉ ofmorozova@mail.ru**Минеев Валерий Валерьевич**

доктор философских наук

профессор, кафедра философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева

660062, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Крупской, 16, оф. 26

✉ vvmineev@mail.ru[Статья из рубрики "Кафедра"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.48490

EDN:

YZCEEG

Дата направления статьи в редакцию:

02-10-2023

Дата публикации:

09-10-2023

Аннотация: Авторами ставится вопрос о содержании понятия «теория общественного договора» (теория социального контракта), обсуждается ключевое социально-философское содержание теорий социального контракта и современные взгляды на него. Объектом исследования является социальный контракт как философская концепция, предмет исследования — актуально развивающиеся способы интерпретации и применения данной концепции. Цель, на реализацию которой направлено представленное в статье исследование — осмысление путей развития концепции социального контракта и перспектив ее дальнейшего социально-философского использования. Выявляется значение концепции социального контракта для обсуждения онтологических оснований реализуемых в обществе норм и обязательств, возникающих между акторами социального взаимодействия. Анализируются теоретико-методологические новации, привлекаемые современными авторами для развития концепции социального контракта. В ходе осуществления данного исследования авторами использовались методы компаративного анализа (применительно к рассматриваемым способам понимания социального контракта), аналитико-интерпретативные методы, историко-генетический метод (в контексте рассмотрения путей развития концепции социального контракта). Научная новизна исследования заключается в формулировании предположений относительно философских перспектив развития концепций социального контракта, а также в обсуждении значения и способов применения данных концепций. На основании предпринятого рассмотрения авторами делается вывод об актуальной значимости концепции социального контракта в контексте рефлексии оснований норм, регламентирующих социальное взаимодействие между государством и его субъектами.

Ключевые слова:

социальный контракт, соглашение, согласие, равновесие, вертикальный социальный контракт, горизонтальный социальный контракт, пересмотр социального контракта, онтология социальных норм, контрактуализм, контрактариализм

Введение

Социальный контракт (в русскоязычных контекстах чаще встречается словосочетание «общественный договор», что, однако, не отменяет их взаимозаменяемости) — концепт

социальной философии, имеющий ключевое значение для обсуждения множества вопросов, касающихся онтологии норм, образующих социальный порядок, процессов их пересмотра и изменения, а также преодоления коллизий, которые могут возникать между разнообразными акторами социального взаимодействия. Представления о социальном контракте активно используются при обсуждении двух блоков социально-философских проблем — вопросов основания нравственных и правовых обязательств, возникающих во взаимодействии социальных агентов, и вопросов легитимации государственно-правовых институтов.

Чаще всего словосочетание «теория общественного договора» фигурирует в контекстах исторических ретроспектив развития теории государства и права, оно хрестоматийно соотносится с именами новоевропейских мыслителей, таких, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др. В то же время, несправедливо было бы считать социальный контракт только лишь достоянием прошлого социальной философии: для него, как и для многих других философских концептов, характерна «вневременность» (под которой стоит понимать по меньшей мере существенную устойчивость смыслового содержания, обеспечивающую сохранение концепта с ходом времени и движением философских дискуссий). «Договорные» представления актуально существуют и развиваются вплоть до сегодняшнего дня, дополняясь и усиливаясь всеми характерными для современной философии теоретико-методологическими средствами. В нижеследующем рассмотрении мы выявим наиболее значимые черты современных представлений о социальном контракте и сделаем предположение о философских перспективах их дальнейшего развития.

Предваряя последующее обсуждение, следует сделать несколько замечаний относительно англоязычных терминов «contractualism» и «contractarianism», которые применяются для обозначения представлений и теорий, для которых концепт социального контракта является фундаментальным. Пожалуй, первое указание на наличие содержательных расхождений между ними в отечественной литературе было осуществлено М.В. Гавриловым и А.Т. Юнусовым^[1, с. 91]: они полагают, что обозначаемые терминами представления различаются по историко-философскому основанию. Если термин «контрактуализм»^[2] используется в применении к представлениям, восходящим к работам Руссо и Канта, то «контрактарианизм» является обозначением нео-гоббсианских представлений. Однако, они сами указывают на неоднозначность такого разграничения, и потому вопрос о терминологическом соотношении, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем прояснении.

В действительности, такое основание для разграничения актуально используется и в зарубежной литературе (см., например, работу С. Даруэлла^[3]), но если посмотреть на содержательные основания разграничения, то становится ясно, что расхождение является несколько более глубоким, а историко-философские основания соответствующих представлений лежат гораздо глубже новоевропейских дискуссий о контрактных основаниях социальной реальности. Если обратиться к статьям Стэнфордской философской энциклопедии о контрактуализме (авторство Э. Эшфорд и Т. Малгана) и контрактарианизме (авторство Э. Кадд и С. Эфтехари), то можно обратить внимание на то, что в обеих статьях контрактарианизм соотносится с представлением о том, что формирование контрактов проистекает из стремления социальных акторов к защите индивидуальных интересов, тогда как контрактуализм согласуется с пониманием контракта как публичного оправдания и манифестации нормы, регламентирующей действия социальных акторов^[4,5]. В первом случае во главу угла ставится личный интерес участников взаимодействия, во втором — их моральный статус.

Представляется, что разнотечения между контрактариализмом и контрактуализмом отсылают к гораздо более ранним (впервые возникающим в философии древности) дискуссиям о том, является ли человек изначально «злым» или «добрый» по своей природе, направлена ли его активность только целью удовлетворения собственных интересов или же она ограничена признанием равноценности и равнозначности интереса другого. Так, если для социально-политической философии Мэн-Цзы характерно представление о том, что доброжелательность и любовь к ближнему имманентна человеческому существу, то в философии Сюнь-Цзы проводится мысль об изначальной злонамеренности и эгоцентричности человеческого существа, и, соответственно, такие значимые элементы культуры как мораль и право рассматриваются в ней как средства облагораживания человеческой природы [\[6, с. 167-169\]](#). Один из первых отчетливых случаев реализации идеи социального контракта как инструмента защиты интересов и благополучия индивидов также отмечается в эпикурейской философии [\[7, с. 111-112\]](#). В ходе дальнейшего развития истории социальной мысли, представления о человеке, как существе, которое приоритетно обращено к собственным интересам, или же, напротив, открыто к интересам и нуждам другого, различным образом развиваются и дополняются, тем не менее, сохраняя базовые установки, своего рода «антропологические идеалы», наделяющие человеческие существа теми или иными особенностями целеполагания в социальном действии. Контрактариализм и контрактуализм, исходя из этого, можно рассматривать как представления о заключении социальных контрактов между «эгоцентричными» либо «альtruистичными» агентами с точки зрения их моральных установок и целеполагания.

Расхождение между контрактуализмом и контрактариализмом может рассматриваться как поле дискуссий относительно проблемы оснований установления соглашений. Вопросы о том, какую роль играет равенство моральных статусов участников соглашения для его установления, о том, может ли соглашение полноценно реализоваться только на основании нахождения оптимальных способов удовлетворения обоюдных интересов сторон-участников, а также о том, каковы условия и «механика» общего согласия, составляющего содержание социального контракта — вот лишь некоторые из ключевых вопросов, определяющих расхождение между этими концепциями. Мы предполагаем, что обстоятельный анализ точек согласия и расхождения между контрактариализмом и контрактуализмом требует множества самостоятельных исследований. В рамках настоящего рассмотрения, в свою очередь, следует начать с вопроса о том, что представляет собой социальный контракт, является ли он метафорой, моделью, некой эвристически ценной абстракцией.

Социальный контракт как предмет осмыслиения

Ко всем контекстам обсуждения социального контракта (моральным и политико-правовым) применим один и тот же вопрос: что, собственно говоря, имеется ввиду под социальным контрактом? Является ли установление договорных отношений в подобных случаях метафорическим (в данном случае показательно замечание, сделанное в одной недавней статье: государственная власть представлялась мыслителями прошлого как договор правителей с обществом [\[8, с. 21\]](#)), или указывает на конкретные обстоятельства заключения соглашения? Наконец, можем ли мы ограничиться признанием того, что социальный контракт представляет собой не более, чем метафору, или нам стоит говорить о существовании класса «договорных» моделей, способствующих эффективному представлению генезиса и/или функционирования систем норм и взаимных обязательств в обществе? Для ответа на эти вопросы стоит рассмотреть

различные контексты использования представлений о социальном контракте.

Вероятнее всего, наиболее яркий пример буквального понимания установления социального контракта обнаруживается в «Богословско-политическом трактате» Спинозы. Древнееврейские государственные и религиозные институты прямо характеризуются как результат договора народа с покровительствующим божеством, подразумевающего принятия множества практических обязательств к исполнению [\[9, с. 201-217\]](#). Более того, установление договорных отношений согласуется с конкретным эпизодом ветхозаветной истории: с получением божественных заповедей Моисеем на горе Синай. Спиноза детально описывает политico-правовое устройство первого еврейского государства, возникшего на основании установленного контракта [\[9, с. 204-206\]](#). Конечно же, данный сюжет может быть рассмотрен как воспроизведение попытки теологической легитимации политico-правового устройства еврейского государства со стороны его родоначальников, а сам контракт — как метафора, а не конкретное историческое событие. Тем не менее, данный случай представляет собой один из немногих, в которых установление контракта ассоциируется с конкретным событием истории (пусть и в ее теологической интерпретации) отдельно взятого народа. Интересно, что в данном случае контракт полагается в основание как религиозно детерминированных моральных обязательств, так и политico-правового устройства.

Если обратиться к трактату Т. Гоббса «Левиафан», одному из ключевых произведений, с которым соотносится возникновение и распространение представлений о социальном контракте, то мы обнаруживаем скорее метафору контракта, ценность которой заключается в демонстрации взаимной передачи прав и распределения ответственности. Гоббс не говорит о контракте как о конкретном историческом событии, он использует продуктивную аналогию между контрактными взаимоотношениями и возникновением государства с целью описания и осмыслиения существенных черт последнего. Общим основанием контрактных отношений, по Гоббсу, является взаимное перенесение права [\[10, с. 92\]](#). В качестве цели перенесения права рассматривается получение блага индивидом, переносящим право на другого. Рассмотрев специфику контрактных отношений, Гоббс выстраивает обсуждение возникновения государства и права на основе продуктивной аналогии со сферой контрактных отношений. В первую очередь, метафора контракта используется для того, чтобы подчеркнуть искусственность государства как явления, его рукотворность [\[10, с. 118\]](#).

Гоббс не рассматривает социальный контракт в соотнесении с конкретными событиями мировой истории, но использует договорную аналогию как универсальный способ описания для всех ситуаций возникновения государственных образований. Для Гоббса социальный контракт также является иллюстрацией достижения наивысшей степени согласия, единодушия в перенесении права с целью обеспечения общей безопасности и благосостояния (интересно, что Гоббсом используется также и теологическая метафора: он говорит о государстве как о «смертном боже, которому мы обязаны своим миром и защитой» [\[10, с. 119\]](#)), однако «обожение» государства происходит в данном случае именно после единодушной передачи ему соответствующих полномочий, а не предсуществует этому акту). Контракту предшествует назначение (выделение) обществом из своей среды лица (группы лиц), на которых далее возлагаются полномочия согласно условиям контракта. Государство здесь является не стороной, а результатом контракта, т. е. зафиксированным на уровне возникших социальных отношений всеобщим единодушным волеизъявлением с целью сохранения мира, безопасных условий существования, порядка [\[10, с. 119\]](#). Несмотря на то, что Гоббсом выделяются два пути

формирования отношений власти — установление и приобретение, метафора социального контракта применима по отношению к обоим: исходя из его предположений о формах и разновидностях соглашений, установление отношений власти по приобретению может рассматриваться как соглашение, заключенное под влиянием страха (более того, «естественное состояние» не предполагает невозможности заключения контрактов с сохранением этого состояния, оно прекращается только установлением определенного всеобщего контракта) [\[10, с. 96\]](#). В свою очередь, возникновению отношений власти, основанных на установлении, предшествует *заключение соглашения каждого с каждым* [\[10, с. 120\]](#): в данном случае контрактная метафора применяется для характеристики всеобщего согласия, легитимизирующего решение о делегации властных полномочий.

Не меньший интерес в качестве источника формирования современных представлений о социальном контракте представляет труд Дж. Локка «Два трактата о правлении». Формирование гражданского общества рассматривается Локком как установление соглашения, предполагающего распространение законов общества на каждого из входящих в него индивидов [\[11, с. 316-317\]](#). Локк использует органические метафоры для объяснения функционирования сообщества (государства): оно рассматривается им как единый политический организм, движимый волей большинства (в этом состоит некоторое отличие от понимания социального контракта, сформированного Гоббсом, т. к. последним предполагается переходящее в реальное единство всеобщее единодушие многочисленных индивидов, становящихся сторонами соглашения). Действие большинства рассматривается как определяющее для силы государства, рассматриваемого в его политической целостности [\[11, с. 318\]](#). Делегирование властных полномочий в ходе акта согласия, таким образом, происходит не в пользу лица/группы лиц, выражающих всеобщую волю, а в пользу большей части сообщества [\[11, с. 319\]](#).

В противоположность воззрениям Гоббса на социальный контракт, Локк рассматривает механизм его заключения не как заключение соглашения, а как изъявление согласия на объединение и вступление в сообщество [\[11, с. 319\]](#). Интересно, что Локк полагает такое изъявление согласия исторически реальным явлением, а не метафорическим приемом, продуктивной аналогией для понимания генезиса государств: по мнению Локка, история практически ничего не сообщает нам о нахождении людей в естественном состоянии, поскольку врожденное стремление к социальности и испытываемые неудобства приводили к тому, что объединяясь, люди сразу же реализовали необходимые механизмы согласия [\[11, с. 319-320\]](#). Им прослеживается применимость предлагаемой модели формирования государства как заключения социального контракта согласием в пользу большинства на основе примеров древней истории (обращается к возникновению Древнеримского государства, а также фактам, сообщенным Дж. Акостой о развитии политической культуры народов, живших и живущих в разных частях Американского континента [\[11, с. 320-321\]](#)). Конечно же, в контексте настоящего рассмотрения представления Локка о социальном контракте интересны не с точки зрения возможности их рассмотрения как теории социогенеза и/или генезиса государства, а с точки зрения тех новшеств в проблематизации социально-философского осмысления контрактных отношений, которые ими привносятся. Так, введение представлений о ключевой роли большинства в установлении общественного согласия приводит к формированию вопросов, связанных с определением большинства и возможной изменчивостью его состава в зависимости от предмета, относительно которого необходимо достижение согласия, а также обоснованием справедливости решений, принятых на основании

согласия большинства и т. д.

Еще одной значимой фигурой в развитии представлений о социальном контракте является Ж.-Ж. Руссо. Социальный контракт рассматривается им как акт согласия, направленный на формирование такой ассоциации, которая способствовала бы обеспечению защите интересов каждого из ее членов, и в которой при этом каждый бы сохранял свою свободу, при этом вливаясь в некое коллективное моральное и политическое целое [\[12, с. 20\]](#). Для Руссо модель заключения таких контрактных отношений является сообразной задаче объяснения как социогенеза, так и формирования политико-правовых институтов: «Эта общественная личность <...> теперь называется республикой, <...>, которое именуется своими членами государством, когда оно пассивно, и сувереном — когда активно» [\[12, с. 20-21\]](#). Соглашение, согласно Руссо, является компенсаторным механизмом, т. к. не существует естественных оснований для установления властных отношений человека над себе подобными, но формирование законной власти является необходимым [\[12, с. 14\]](#). Контракт становится для Руссо универсальной моделью объяснения процессов формирования государств и обществ, при этом им поднимаются намечаются значимые вопросы, связанные с моральным и правовым статусом участников контрактных взаимоотношений, с возможностью одностороннего выхода из соглашения и т. д.

Можно обратить внимание на то, что даже на уровне работ, с которыми связывается формирование представлений о социальном контракте, сам контракт одновременным образом рассматривается и как самостоятельный предмет изучения (отношения заключающих договоры индивидов), и как метафора для целей обсуждения генезиса моральных и правовых норм и политических институтов, и как модель генезиса общества и государства, в отдельных случаях даже соотносимая с конкретными историческими событиями. Но возможно ли говорить о том, что существует «теория социального контракта (общественного договора)» именно как класс систем принципов? С этим можно согласиться, учитывая лишь то, что в каждом случае необходимо уделять внимание тому, что рассматривается под наименованием социального контракта — модель для обсуждения согласия индивидов относительно определенных установлений, или метафора, в достаточной степени демонстративная для иллюстрации перехода от состояния нерегулируемости и нормативной неопределенности социальных отношений к состоянию их нормативной стабилизации и упорядоченности.

Конечно же, нельзя говорить о том, что на основании представления о социальном контракте может быть сформирована полноценная социологическая, политологическая или историко-правовая концепция возникновения государства и права (скептицизм в отношении такой возможности встречается среди как отечественных [\[13, с. 133\]](#), так и зарубежных авторов [\[14, 223\]](#)). В то же время, теории социального контракта могут и должны использоваться для осмыслиения конкретных ситуаций установления соглашения, влекущего за собой принятие определенных обязательств и введение норм, регламентирующих деятельность. В контексте социальной и политической философии концепт общественного договора имеет широкое значение для иллюстрации и осмыслиения вопросов достижения социального (или, в меньших масштабах — группового) консенсуса относительно значимых вопросов. В конечном итоге, значение концепта социального контракта состоит в демонстрации возможности рационального обоснования принятия той или иной совокупности норм и принципов для регламентации социального взаимодействия. Принятие «контрактного» характера общепринятых установлений и принципов может позволить поставить важный вопрос о том, чем

определяется общее согласие членов общества в вопросе о необходимости их принятия. Представления о социальном контракте позволяют обратиться к истокам нормативного регулирования, которые являются имманентными для самого общества, а не внешними по отношению к нему.

При этом всегда необходимо учитывать, что любая модель представляет собой идеализацию, пригодную для решения определенных задач. Универсализация представлений о контрактной природе возникновения политических институтов, социальных норм и моральных обязательств едва ли может быть названа продуктивной и полезной для развития социального знания. Соответственно, способы теоретизации социального контракта и/или привлекаемые метафоры заключения договора должны быть содержательно релевантными тем исследовательским задачам, которые имеют место. Наиболее простым примером классификации «контрактных» моделей является дилемма горизонтальных и вертикальных социальных контрактов: в данном случае контракты классифицируются на основании положения сторон-участников их заключения. Горизонтальный контракт подразумевает равенство статуса сторон, тогда как вертикальный контракт предполагает наличие качественных различий [\[15, с. 11\]](#). Очевидно, что если горизонтальные контрактные модели могут успешно использоваться для описания возникновения обязательств и взаимной ответственности между равноправными участниками, то вертикальные модели представляются удобными для иллюстрации публичной ответственности государства и политических институтов (интересно, что рассмотренные выше новоевропейские концепции социального контракта сочетают в себе «горизонтальные» и «вертикальные» аспекты контрактных отношений). Социальный контракт, таким образом, может рассматриваться как эвристически ценная философская модель (или, в ряде случаев — метафора) для рассмотрения онтологических оснований возникновения норм и взаимных обязательств между одно- и разноуровневыми социальными.

Современные способы теоретизации социального контракта

В рамках современных социально-философских дискуссий реализуются различные с точки зрения своих теоретических и методологических установок подходы к обсуждению социального контракта. Их отличает привлечение данных и методов социальных наук, а также увеличение степени теоретической строгости рассмотрения: используются различные способы формализации, привлекаются вероятностные и статистические средства, включаются логические и лингвистические инструменты, выработанные в рамках аналитической традиции [\[16\]](#). Безусловно, спектр актуально существующих теоретических моделей является достаточно широким, в силу чего мы сосредоточим внимание лишь на наиболее значимых особенностях и ярких примерах их реализации. Рассмотрим некоторые из современных опытов рецепции представлений о социальном контракте с точки зрения их принципиальных методологических новшеств и отличительных черт.

Современные представления о социальном контракте отличаются тем, что на место обсуждения реального установления контрактных отношений (кроме отдельных случаев, связанных с анализом локальных контекстов) приходит рассмотрение гипотетических соглашений [\[4\]](#). Пожалуй, одним из специфических исключений из данного правила является концепция Д. Бьюкенена [\[17\]](#), предполагающая реальное общее соглашение, выявляемое с помощью фиксации результатов волеизъявления. Взгляд Бьюкенена, как справедливо отмечается в литературе, порождает множество вопросов, связанных с нормированием и оценкой результатов подобных процедур установления согласия [\[18, с.](#)

[\[53\]](#). Обсуждение социального контракта на сегодняшний день связано с моделированием рациональных оснований формирования консенсуальных решений, анализом динамики изменения социальных установок, становящихся предметом «соглашения» сторон социального взаимодействия. Представление о рациональном гипотетическом согласии социальных акторов на сегодняшний день играет большую роль для осмыслиения общезначимых проблем социальной реальности, таких, как применение силы [\[19\]](#) или осуществление масштабных социальных преобразований. Теоретизация социального контракта на сегодняшний день нередко связывается с поиском условий справедливости и допустимости нормативных решений, соотношением принципов, на основании которых нормативное решение может рассматриваться как справедливое [\[20\]](#). Справедливость рассматривается современными теоретиками социального контракта в различных контекстах ее реализации — как в моральном (яркий пример — исследование Т. Скэнлона [\[21\]](#)), так и в политическом, например, на уровне конституционного установления (цели такого рассмотрения преследуются в работах Д. Ролза и Д. Бьюкенена [\[17, 20\]](#)).

Значимой чертой современных представлений о социальном контракте, отличающих их от новоевропейских, является ориентация на рассмотрение социальных установок, а не индивидуальных обязательств. В центре внимания — формирование содержания консенсуса, а не согласование индивидуальных волеизъявлений. Для целей моделирования формирования содержания консенсуса привлекаются представления о теоретико-игровой рациональности поведения акторов социального взаимодействия: социальный консенсус рассматривается определенным кругом авторов как равновесие Нэша (например, Дж. Харсаны [\[22\]](#)). Сторонники использования инструментов эволюционной теории игр, такие, как Б. Скемз [\[23\]](#), предполагают, что социальный контракт следует осмыслять в терминах воспроизведения более успешных стратегий социального взаимодействия. Эволюционные модели социального контракта получают активное применение в контекстах моделирования устойчивого социального развития [\[24, 25\]](#). Перспективный характер таких моделей обусловлен натуралистичностью их содержания и формальной строгостью используемых методов, акцентом на количественных параметрах оценки эффективности стратегий.

Заключение

Вполне справедливым представляется заключить о том, что идея социального контракта представляет собой достаточно перспективный с точки зрения возможностей его развития концептуальный инструмент современной социальной философии. Ключевая цель его использования заключается в выявлении и последующем описании оснований установления и реализации социальных норм, формирования социальных институтов, а также возникновения условий осуществления взаимных обязательств. Контрактуализм и контрактарианство как тематические контексты применения моделей социального контракта с целью исследования моральных и политических вопросов, могут включать в себя как нормативные, так и дескриптивные «договорные» теории, направленные на различающиеся по масштабу исследования функционирования социальных норм и обязательств, а также процедур легитимации политico-правовых институтов. Обобщение результатов предпринятого нами рассмотрения вопросов содержательной специфики представлений о социальном контракте и современном состоянии их развития позволяет сделать следующие заключения:

1. Социальный контракт может рассматриваться как эффективный концепт для описания

онтологических оснований процессов конституирования и функционирования социальных регулятивов (в моральном и правовом аспекте), а также для выявления оснований легитимации политических институтов. Эти функции могут быть выделены уже при рассмотрении наиболее ранних случаев использования «контрактных» представлений в контексте социально-философской рефлексии. При этом, в зависимости от области применения представлений о социальном контракте, речь может идти либо об анализе действительных установлений по соглашению, либо о создании продуктивных аналогий с процедурами заключения договорных соглашений для удобства описания механизмов формирования и функционирования таких социальных явлений, как мораль, государство и право.

2. Разграничение современных и исторических представлений о социальном контракте на основании того, что первыми рассматриваются преимущественно гипотетические контракты (контракт сводится к «контрактной модели», условной ситуации), а вторыми делаются попытки утверждать, что возникновение таковых социальных явлений произошло в ходе реального события/событий заключения контракта, требует существенных уточнений и дополнений, т. к. анализ источников показывает, что для исторически существовавшие формы представлений о социальном контракте также включают эпизодическое признание его гипотетичности.

3. Современные способы теоретизации социального контракта предполагают предметную детализацию использования «контрактных» моделей (формируется множество локальных контекстов их использования применительно к моральным, правовым и политическим предметам обсуждения). Их отличает натурализация и формализация в теоретико-методологическом отношении, активное привлечение средств количественного моделирования явлений согласия, процессов установления соглашений, изменения стратегий взаимодействия социальных акторов. Так же, как и в ранних случаях их применения, «контрактные» модели и метафоры вовлекаются в процессы осмыслиения социальной справедливости и политической легитимности, однако, происходит переход от их спекулятивного к теоретически строгому и предметно конкретному применению.

4. Значимой перспективой развития представлений о социальном контракте является формирование онтологического концептуального фреймворка для описания как статических, так и динамических характеристик нормативных систем, регламентирующих поведение социальных акторов. Не менее значимым является и возможность использования современных моделей социального контракта для изучения процессов легитимации политических институтов, актов политического волеизъявления, а также политических соглашений, существующих в обществах.

Библиография

1. Гаврилов М.В., Юнусов А.Т. Формы и условия ответственности в моральной теории Т.М. Скэнлена // Философия и общество. 2022. № 4 (105). С. 89 – 128.
2. Никонов Л.В., Федюкин В.П. Что такое контрактуализм? // Философские дескрипты. 2016. № 16. С. 195 – 201.
3. Darwell S. Contractarianism / Contractualism. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2002. 296 р.
4. Cudd A., Eftekhari S. Contractarianism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 30.09.2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractarianism/> (дата обращения: 20.09.2023)
5. Ashford E., Mulgan T. Contractualism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 20.04.2018. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractualism/> (дата обращения: 20. 09. 2023)

6. Ю-Лань Ф. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 2017. 376 с.
7. Головин А.А., Филипповская А.А. Общественный договор: история и современность // Духовные основы и вызовы времени: сборник научных статей научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2022. С. 109 – 117.
8. Блажевич Н.В., Блажевич И.Н. Государственная власть в юридическом и этическом аспектах // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 2(64). С. 20 – 30.
9. Спиноза Б. Трактаты. М.: Мысль, 1998. 446 с.
10. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
11. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 668 с.
12. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Юрайт, 2020. 146 с.
13. Тарабан Н.А. Идея общественного договора на современном этапе политики-правовых исследований // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 130 – 134.
14. Burnyeat G., Johansson M.S. An Anthropology of the Social Contract: The Political Power of Idea // Critique of Anthropology. 2022. Vol. 42 (3). P. 221 – 237.
15. Гемпик Е.А., Кустова К.А. Город в координатах вертикального и горизонтального общественного договора // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 4(21). С. 8 – 21.
16. Равочкин Н.Н. Дискуссии о социальной реальности в современной лингвистической философии // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2023. № 3. С.123 – 129.
17. Бьюкенен Дж. Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997. 556 с.
18. Бойцова О.Ю. Общественный договор — основа доверия к власти // Обозреватель. 2012. № 4 (267). С. 50 – 58.
19. Прокофьев А.В. Принцип согласия и применение силы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 35 – 44.
20. Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. № 1(52). С. 35 – 60.
21. Scanlon T. What We Owe to Each Other. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 432 р.
22. Harsanyi J. Essays on Ethics, Social Behaviour and Scientific Explanation. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1976. 278 р.
23. Skyrms B. Evolution of the Social Contract. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 164р.
24. Huntjens P., Kemp R. The Importance of a Natural Social Contract and Co-Evolutionary Governance for Sustainability Transitions // Sustainability. 2022. Vol.14 (5). P. 1 – 26.
25. Seabright P., Stieglitz J., Van der Straeten K. Evaluating Social Contract Theory in the Light of Evolutionary Social Science // Evolutionary Human Sciences. 2021. Vol. 3. P. 1 – 22

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается теория общественного договора, её значение для философии права, этики и политической мысли. Помимо исторического контекста (а

в последние почти четыре столетия теория общественного договора остаётся ведущей социальной теорией) автор ставит вопрос и о перспективах развития и конкретизации этой ключевой линии западноевропейской общественной мысли. В процессе изучения текста статьи возникает одно значимое критическое замечание методологического характера, которое состоит в том, что автор не обращает должного внимания на социально-историческую обусловленность возникновения теории общественного договора и конкретные обстоятельства, способствовавшие его эволюции на протяжении истории буржуазного общества. Автор явно переоценивает «вневременность» рассматриваемой теории, в чём он, впрочем, и сам признаётся: «Несправедливо было бы считать социальный контракт только лишь достоянием прошлого социальной философии: для него, как и для многих других философских концептов, характерна «вневременность». По-видимому, автор всё же согласится с тем, что мы и сегодня не видим «верхней границы» того исторического периода, в продолжение которого используется понятие общественного договора, просто потому, что и сами продолжаем оставаться в границах буржуазного общества, правда, во многих отношениях уже иного, чем общество Гоббса, Руссо и Канта. Разумеется, все социальные концепции «историчны», но мы, повторим, можем судить пока лишь о «перспективах эволюции» теории общественного договора, а не об основаниях его преодоления как формы конституирования и легитимации государственной власти в буржуазном обществе. Помимо этого неизбежно возникает и возражение относительно использования термина «социальный контракт». Какой смысл автор видит в том, чтобы заменять им давно ставший естественным в русском философском и социологическом языке «общественный договор»? Из текста статьи вообще невозможно понять, на чём основывается это странное предпочтение. Более того, ситуация становится почти комичной, если учесть, что «социальный контракт» сегодня используется в качестве устойчивого выражения в системе социальной работы, указывая при этом, разумеется, на совсем другое понятие. Стилистика текста также нуждается в корректировке. Например, уже в самом начале статьи вместо «в русскоязычных контекстах» следует писать «текстах». Далее, часто встречаются повторение одинаковых конструкций, что недопустимо в русском языке: «имеющий ключевое ... вопросов, касающихся ... норм, образующих...» (три причастия недопустимы в русской речи!); или «которые применяются ... теорий, для которых...». Много просто неудачных выражений: «заключить о том, что» вместо требуемого «заключить, что», и т.п. Остались в тексте и пунктуационные ошибки, например, «ложные вводные слова»: «В действительности, такое основание...» (по-видимому, автор путает с «действительно», которое является вводным словом). Однако статья представляет интерес для читателя, особенно, в той её части, которая связана с перспективами конкретизации теории общественного договора в современных условиях. Высказанные замечания автор может учесть в рабочем порядке. Рекомендую принять статью к печати в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Гутова С.Г., Берилло И.В. — Тайна человека в учении Блеза Паскаля: между мистикой и рациональностью // Философская мысль. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.39039 EDN: YYXRHL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39039

Тайна человека в учении Блеза Паскаля: между мистикой и рациональностью

Гутова Светлана Георгиевна

ORCID: 0000-0002-7947-166X

доктор философских наук

профессор кафедры массовых коммуникаций и туризма, Нижневартовский государственный университет

628602, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нижневартовск, ул. Омская, 54, кв. 168

✉ svetguts.07@mail.ru

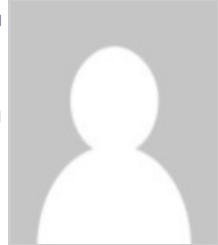
Берилло Иван Викторович

ORCID: 0000-0001-6900-3646

аспирант, кафедра массовых коммуникаций и туризма, Нижневартовский государственный университет

628605, Россия, Ханты-Мансийский округ-Югра автономный округ, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

✉ Superivanberillo@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.39039

EDN:

YYXRHL

Дата направления статьи в редакцию:

26-10-2022

Дата публикации:

10-10-2023

Аннотация: Статья посвящена выявлению антропологической сущности философских воззрений Блеза Паскаля, которые рассматриваются в контексте его персональной судьбы и общей направленности интеллектуально-философского движения Нового времени. Показывается неразрывная связь идей Паскаля со становящимся

картезианским научно-философским мировоззрением и, в то же время, кардинальные отличия его представлений о природе, значении и перспективах человека от узко-рационалистической трактовки этих проблем. Даётся характеристика основного философско-антропологического труда (Мысли) с точки зрения его структуры и метода. Проводится сравнение и оценка взглядов Паскаля и Сократа представителями современной европейской (В. Виндельбанд, Э. Кассирер) и русской (Б.П. Вышеславцев, С.С. Глаголев) философии. Показывается, что в своих представлениях о человеке, которые традиционно оцениваются как религиозно-мистические, Паскаль сохраняет определённую приверженность "геометрическому духу" картезианской философии. Это проявляется как в использовании математической терминологии в описании сущности человека, так и в конструировании феноменологической топики его существования. Последнее характеризуется в статье как векторная определённость или интенциональная экзистенция. Особое внимание уделяется понятиям любви и сердца в творчестве Паскаля. Отмечается, что через эти интуитивно-экзистенциальные символы философ реализует специфический метод осмысливания проблемы человека в триаде "мир - Я - бытие". Делается вывод, что антропологические идеи Паскаля могут рассматриваться как опыт апологии христианской религии и как одно из начал современной философской антропологии.

Ключевые слова:

Блез Паскаль, Мысли, антропология, человеческое существование, экзистенция, интенциональность, сердце, янсенизм, философия Нового времени, картезианство

Введение

Обращение к антропологическим взглядам Блеза Паскаля в настоящее время во многом обусловлено тем, что сама философская антропология, очевидно, находится в состоянии обновления. Необходимость в анализе, ставших уже классическими в истории культурного наследия идей, связана с новыми реалиями и очередным витком в осмысливании будущего человечества. В данном исследовании, опираясь на сравнительный метод в рамках историко-философского подхода, предлагается установить ключевые взаимосвязи между эпохой и творчеством известного ученого и оригинального мыслителя Блеза Паскаля, балансирующего между рациональностью и мистикой. В центре нашего интереса, таким образом, оказывается попытка осмыслить в современном ключе особое значение антропологических изысканий автора «Мыслей», который сосредоточил свое внимание на парадоксальности духовного измерения человеческого бытия. Удивительный факт заключается в том, что Паскаль актуален в каждую эпоху по-своему. Он словно отвечает каждый раз на вопросы, которые ставит перед нами сама жизнь. Один из таких вопросов указывает на границы современной науки, которая при всех своих технологических достижениях остается бессильной в определении смысла и решения конечной судьбы человека. Этим и объясняется сложившаяся в последние десятилетия в мировом интеллектуальном сообществе тенденция, связанная с усиливающимся интересом к жизни и творчеству Блеза Паскаля. Однако внутри данной тенденции наблюдается разнообразие подходов в интерпретации ключевых идей французского мыслителя. Так, например, в современных западных исследованиях, посвященных творчеству Паскаля, часто наблюдается интерес к его богословским взглядам (в их непосредственной связи с научными взглядами философа), представленным на примере его «знаменитого пари» [см.: 1-5]. Интересно,

что в этих исследованиях в основном акцентируется внимание на рационально-логических построениях ученого и в меньшей степени уделяется внимание экзистенциальной проблематике Паскаля философа. В отечественной традиции сохраняется преемственность в понимании паскалевской мысли как мощного духовного и мистического прорыва, устремленного за границы рациональности. Достаточно обратиться к трудам классиков Серебряного века [см.: 6] и некоторым современным исследованиям творчества Паскаля [7, 8, 9, 10].

Философская антропология: между наукой и религией

Важно подчеркнуть некоторые особенности философской антропологии, позволяющие нам взглянуть на проблемы исследования человека с нужного нам ракурса. Прямое обращение к проблеме человека в разные исторические периоды не представляет собой строгой последовательности, преемственности идей. Более того, даже в конкретные эпохи во взглядах на человека не наблюдается единства. Так было и в период Нового времени, когда философия развивалась в тесном контакте с наукой, которая начала систематическое исследование природы, основанное на наблюдении, эксперименте и использовании математики. Наукоцентризм доминантных направлений новоевропейской философии привёл к распространению сциентистских принципов на философское исследование человека. Важнейшим из этих принципов для того времени являлся механистический редукционизм, применение которого дало мощнейший импульс развивающемуся естествознанию и стремящейся опираться на его выводы метафизической философии. Эрнст Кассирер в труде «Философия Просвещения» приводит суждения Вольтера о том, что, не прибегая к помощи математического циркуля или к «светочу физического эксперимента», человек не может продвинуться ни на шаг в познании сути вещей, равно как и в освоении «эмпирического круга вещей» [11, с. 26-27]. Эти устремления новой философии отчётливо проявляются в обсуждении перспектив применения «геометрического духа» в исследованиях, выходящих далеко за пределы математики и естествознания. В этом отношении, вероятно, правы те исследователи, которые прилагают определение «картизанский» не только к прямым последователям Рене Декарта как инициатора и апологета господства «геометрического духа», но и к духу Нового времени в целом.

Говоря о значении этих тенденций применительно к философско-антропологической проблематике, следует указать на два существенных момента. Во-первых, здесь мы сталкиваемся со своего рода проектом «новой антропологии», рядоположенным достаточно успешно осуществляемым проектам «новой астрономии» Г. Галилея и И. Кеплера или «новой анатомии» А. Везалия и У. Гарвея. Суть этого проекта заключается в том, чтобы выявить и осознать глубинные сущностные качества человека теми способами, которые имманентны самому человеку и, в то же время, принадлежат к сфере всеобщих оснований реальности. Представляется, что наиболее полно и последовательно саму эту задачу и пути её решения сформулировал именно Рене Декарт, придавший математическим методам познания тот универсально-системный статус, который они обрели в классическом естествознании. Также важно то, что Декарт указал на необходимость построения всеобъемлющей системы достоверного знания на едином, самодостаточном и самоочевидном основании, которое он обнаружил в самосознании человеческого разума. Вильгельм Виндельбанд в своей «Истории новой философии» характеризует последствия этой программы так: «В этом отношении картезианская философия действует вполне радикально. Она хочет обратить всё прежнее знание в *tabula rasa*, выставить единственный принцип всякой достоверности и, исходя из него, построить совершенно новую систему всей науки» [12, с. 135-136]. В

соответствии с этим замыслом основная проблематика философского познания человека уже как будто разрешена заранее: фундаментальным сущностным качеством человека (не единственным, но первичным и универсально опосредующим) является его разум (интеллект, рассудок) как проявление универсальной *ens cogitans*; все остальные качества и аспекты человеческой природы (телесно-физические, душевые, нравственные, чувственно-эмоциональные и пр.) должны быть дисциплинированы разумом и направлены на обслуживание его самореализации в познавательной и деятельной сферах.

Во-вторых, картезианский проект универсального научно-философского знания неизбежно оказывается в противостоянии со всей предшествующей теолого-философской традицией в осмыслиении природы человека. Речь идёт не о радикальном атеизме, который отнюдь не свойствен философии XVII в., но скорее о принципиальном противопоставлении рационально-аналитического познания идеям, выработанным на основе опоры на авторитет (догматизм) или посредством интуитивных прозрений (мистицизм). Как следствие, если какие-либо идеи (в том числе, и философские) не получают строго дискурсивного оформления в централизованной и унифицированной системе дедуктивного знания, то они относятся не к достоверным теоретическим знаниям, а к сфере бесплодных схоластических построений или к сфере туманных предрассудков.

В общем, для философско-антропологических изысканий в их традиционном (а также и современном) понимании в универсальной системе картезианского научно-философского знания не нашлось бы места. Точнее, они должны были бы существовать где-то на периферии теоретического мышления, подобно тому, как сам Декарт нашёл для человеческой души единственно возможное вместилище — шишковидную железу, о значимых функциях которой современная ему медицина не имела сколько-нибудь ясного представления. Однако, как пишет соратник Виндельбанда по неокантианской школе Э. Кассирер: «В начале Нового времени появился мыслитель, придавший этой антропологии новые силы и блеск. В произведениях Паскаля она находит свое выражение и, может быть, наиболее впечатляющее выражение. Паскаль как никто другой был подготовлен к решению этой задачи. Он обладал несравненным даром освещать наиболее тёмные вопросы и обирать в единое целое сложные и рассеянные системы мысли. Нет, кажется, ничего неподвластного остроте его мысли и ясности стиля» [\[13, с. 13\]](#). Подчеркнём, что в этом высказывании речь идёт именно о традиционной для христианской теолого-философской мысли модели антропологического мышления, становление которой немецкий философ связывает с идеями Августина Аврелия. Подчеркивая актуальность современного прочтения французского мыслителя, можно согласиться с утверждением Н. А. Черняк, о том что: «Б. Паскаль – это мыслитель отнюдь не исторического прошлого, которому следует отдать память и должное уважение. Паскаль – мыслитель на все времена...» [\[10, с. 154\]](#).

Блез Паскаль: жизнь и творчество. Ученый и философ?

Анализировать творчество Паскаля, минуя изложения его жизнеописания, очевидно невозможно, поскольку взгляды мыслителя во многом продиктованы личным эмоциональным состоянием и отражают попытки философа привести в рациональную форму стихийно пережитое им знание. Блез Паскаль (1623-1662) – ученый, имя которого широко известно благодаря открытиям, знакомым из школьного курса физики: закон Паскаля, понятие атмосферного давления, основы гидростатики. Благодаря этим и другим достижениям Паскаль заслуженно принадлежит к числу основоположников и

главных адептов научной революции. При этом известно, что его философское творчество по существу отрицает многие достижения в области естествознания, что именно в этом отрицании он, собственно, пережил второе рождение. Впрочем, только ли о Паскале можно так сказать? На поверхностном уровне о Пифагоре знают в основном лишь по его теореме, о Л. Н. Толстом знают как об авторе шедевров мировой литературы. Но мало кто знает о том перерождении, после которого мыслители совсем по-иному, чем это принято в обществе, оценивали все, что ими было создано ранее.

Очевидно, что Паскаль был вундеркиндом: в возрасте десяти лет сочинил «Трактат о звуках», где сделал совершенно правильные выводы о способе распространения звуков через воздушную среду. В двенадцать лет он одолел «Начала» Евклида и не только понял их, но по-своему разбил суждения великого математика античности. В связи с этим, биограф французского мыслителя М. М. Филиппов писал: «Можно сказать без всякого преувеличения, что Паскаль вторично изобрел геометрию древних, созданную целыми поколениями египетских и греческих ученых. Это факт, беспримерный даже в биографиях величайших математиков» [\[14, с. 12\]](#). А в тринадцать лет Паскаль был активным участником математического кружка М. Марсена, называвшегося в учёных кругах «Парижской академией» [\[ПЕРЬЕ, с. 12\]](#). Совершив несколько важных открытий в области математики, он в семнадцать лет приступает к созданию счётной машины, которая в различных модификациях использовалась практически до середины XIX века. Следующие несколько лет Паскаль посвятил экспериментам с вакуумом. В частности, сформулировал закон, названный его именем, усовершенствовал барометр, идея которого была предложена Э. Торричелли, установил возможность измерения высоты местности с помощью барометра, вычислил общий вес атмосферного воздуха, изобрёл гидравлический пресс и несколько других полезных приспособлений. В ноябре 1654 г. произошёл несчастный случай, едва не стоивший Паскалю жизни: коляска, на которой он ехал вместе с друзьями, переезжавшая Сену по мосту, поврежденному и в каком-то месте не имевшему перил, чудом не свалилась с него в пролом, а впечатлительный Паскаль потерял сознание [\[15\]](#). В конце ноября того же года с ним произошло ещё одно «чудо»: он пережил опыт «боговдохновения», в результате чего в ту же ночь написал поэтический текст религиозно-экстатического содержания, известный как «Мемориал». После случившегося, в начале 1655 г., он удалился без пострижения в монахи в монастырь Пор-Рояль, где жил, строго исполняя все религиозные обряды и предписания, до конца своих дней. Умер Паскаль в возрасте 39 лет, по словам Ж. Расина, «от старости». Вот и вся короткая, но очень насыщенная жизнь Блеза Паскаля, после смерти прозванного «французским Данте», «Расином в прозе», «учителем человечества», «философом-пророком». Сам же он, после упомянутых событий в его жизни, переоценил все сделанное и уже не жил, а житийствовал [\[15\]](#). Впечатление такое, будто родился совсем другой человек, сохранивший связь с прошлым лишь по имени. В подробном исследовании жизни выдающегося мыслителя С. Стрельцова напишет: «Он — едва ли не самая легендарная личность нового времени» [\[16, с. 41\]](#).

Каким же должен быть человек, чтобы не ценить сделанное собой, при этом высоко ценимое научным сообществом и всем человечеством? Будто бы в этой короткой биографии уместилась жизнь, по крайней мере, двоих людей, один из которых вдруг спохватился и предпочел иную судьбу. В жизни Паскаля, как сквозь призму, видна судьба европейской культуры, начинающей каждый из этапов своего развития с «атомизма» и «досократиков» и оканчивающей идеями самопознания и нравственности. Этот «возвышенный мизантроп», как называл Паскаля Вольтер, писал о себе: «Побаиваюсь я математиков: чего доброго, они примут меня за теорему» [\[16, с. 29\]](#).

Однако в энциклопедических словарях, прежде всего, сообщается, что Паскаль – математик и физик. Но зачем же тогда он писал, что побаивается математиков? Алогизм, что для математика было бы непростительно, или нечто более глубокое и личное? Уже после случая на мосту Нейи, в Пор-Рояле, он одержал победу в европейском математическом конкурсе в 1658 г., написав большой том работ по анализу бесконечно малых величин. Кроме того, известно, что до самого конца своих дней при обострении периодических головных и зубных болей он занимался сложнейшими математическими вычислениями, отвлекавшими его от страданий.

Тайна человека: Сократ и Паскаль

Главное, чему Паскаль посвятил остаток своей жизни, – это его труд «Апология христианской религии», более известный как «Мысли». В этой работе он неожиданно для всех, кто был знаком с его предшествующими трудами, предстал как философ, далекий от систематичности. Текст «Мыслей» представляет собой около 800 отдельных фрагментов, большая часть которых сгруппирована в 27 глав. По выражению самого Паскаля это "порядок сердца". Это подчас давало повод исследователям творчества Паскаля сомневаться в том, что он вообще является философом в общепринятом смысле. Виндельбанд, к примеру, писал о «Мыслях», что они привлекают «не как философия, а как личная исповедь», что это творение «производит впечатление не великой работы мысли, а великой личности...» [\[12, с. 297\]](#). Будто бы «мысль» и «личность» друг друга исключают! О не оставившем после себя никаких записанных мыслей Сократе, Виндельбанд говорил, что его образ, «более чем образ любого другого философа, необходимо проецировать на его исторический фон, чтобы обрести правильный взгляд на него [\[17, с. 59\]](#). Между тем, судьбы Сократа и Паскаля сходны в одном решающем моменте: оба они в какое-то время своей жизни как будто развернулись и пошли вспять, поставив под сомнение всё пройденное ранее. Они удивлялись необоснованной претенциозности философских трудов современников («О природе вещей», «Об уме», «Обо всем познаваемом» и т.д.), ставили под сомнение систематическую философию и занимались тем, что уже в наше время М. К. Мамардашвили называл «реальной философией» [\[18\]](#). Иными словами, и Сократ, и Паскаль в какой-то из моментов своей жизни испытали некое пробуждение и обратились к личности в себе. С тех пор они жили с убеждением, что истинная мысль должна обслуживать потребности личности («демона», «гения», «сердца», «внутреннего человека»), а не потребности любознательного ума, направленного на познание внешнего мира и овладение им.

Томас С. Хиббс в работе «Ставка на ироничного бога», сравнивая Паскаля с французскими философами Монтенем и Декартом, определяет, что каждый из них по-своему трактует понятие общественного блага. Паскаль, обращаясь к Сократу, находит у него философию, богатую иронией, отмеченную стремлением к мудрости, которая полностью никогда не достижима. Хиббс пишет, что в отсутствие картезианской определенности или амбивалентности Монтеня, практика сократической иронии Паскаля признает беспорядок человечества, не препятствуя его поискам. Вместо этого поиск мудрости предупреждает ищущего о присутствии скрытого Бога. По мнению Паскаля, Бог, одновременно скрывает и раскрывает, исполняя философское стремление к счастью и хорошей жизни лишь путем подрыва самого самопонимания философии. Таким образом, Паскаль делает ставку на иронию Бога, который одновременно поражает и удивляет истинных любителей мудрости Для Паскаля как и для Сократа: философия – это поиск без достижения, любовь, которую невозможно достичь [см.: 19].

Важный факт биографии философа, на который обращают внимание его исследователи, связан со знакомством Паскаля с учением янсенистов – представителей неортодоксального течения во французском и нидерландском католицизме, которое послужило для него толчком к переоценке задач о мышлении. В 1646 г. он ознакомился с трактатом Корнелия Янсения (собств. имя – Корнелис Отто Янсен; 1585-1638) «О преобразовании внутреннего человека», а также – с книгами одного из лидеров янсенистской общины Пор-Рояля Антуана Арно (1612-1694) «Духовные письма» и «Новое сердце». В особенности его поразила книга первого автора, где негативно оценивалась суэтная мирская жизнь и осуждались три главных человеческих порока: гордость, любознательность и чувственность. В сущности, учение янсенизма не было особо оригинальным на фоне того мощного религиозного брожения, которое переживала Западная Европа в XVI-XVII вв., но его основные постулаты были потенциально привлекательны для той части образованного французского общества, которая стремилась как-то преодолеть яростное противостояние сторонников католицизма (во главе с иезуитами) и приверженцев «гугенотской ереси» – наиболее влиятельной во Франции версии кальвинизма. Ядром янсенистского учения являлась доктрина о фундаментальной роли первородного греха в формировании не просто качеств существования человека, а самой его природы. Согласно этому тезису, в земном бытии над каждым человеком довлеет божественное предопределение, а спасение его души невозможно без божественной благодати, неизъяснимой и непредсказуемой. Как следствие, устремления человека, направленные на удовлетворение «внешних потребностей» (в т. ч. и на познание законов окружающего мира) есть не проявления духовно-божественной основы личности, а лишь результат порчи человеческой природы, манифестация её ущербности.

В этих положениях нетрудно обнаружить воспроизведение идей Аврелия Августина (354-430), которые не были адаптированы христианской церковной доктриной, но в своё время стали одной из основ формирующегося протестантского мировоззрения. В частности, доктрина предопределения является одним из наиболее ярких маркеров кальвинистской теологии в её далеко идущих социально-этических интенциях. Тем самым, выдвинутое иезуитами обвинение Янсения и янсенистов в солидарности с одним из самых мощных протестантских течений, вполне обосновано с точки зрения чистоты католического вероисповедания (к которому причисляли себя обвиняемые). Впрочем, в рамках данной работы важны не столько злоключения янсенизма в коллизиях Реформации и Контрреформации, сколько влияние этих идей и обстоятельств на жизнь и творчество Блеза Паскаля. Он же, как известно, принял идеи янсенизма очень близко, о чём свидетельствуют его «Письма к провинциальному» (1656-1657), в которых он демонстрирует поразительный синтез утончённой логической аргументации с подлинной страстью неофита в защите уже осужденных Римским понтификом положений [20]. Не вдаваясь в подробный анализ этого произведения Паскаля, согласимся с мнением французского писателя, филолога и историка Фердинанда Брюнетьера, написавшего введение к очередному изданию «Писем». Он указывает на то, что обсуждение Паскалем фундаментальных теологических проблем – вопросов предопределения, благодати, спасения – носит вполне революционный характер. Но не благодаря каким-либо схоластическим ухищрениям (типичных для самих Янсения и Арно) или новшествам (сильная сторона иезуитов), а в силу того, что эти проблемы рассматриваются с позиции активно заинтересованного в их жизненно-практическом разрешении светского человека. Тем самым автор Писем сделал для моральной теологии то же, что Декарт и его последователи сделали для философии: «Он извлёк последнюю из монастырского мрака, из области тайны, открываемой на исповеди. Он предлагает рассмотреть её при

ярком свете дня» [\[20\]](#).

С такой же страстью Паскаль переоценивает свою прежнюю жизнь, всё больше склоняясь к тому, что присущее ему стремление к раскрытию законов реальности в научно-математическом познании и к применению их на практике есть ничто иное как проявление греховной гордыни. Как следствие, уверенность во всесилии человеческого разума также основана на гордыне, а действия, вытекающие из этой уверенности, только глубже погружают человека в круговорот бессмысленной суеты, затмевающей действительные смыслы и цели существования. Впрочем, можно сказать, что сомнения такого рода посещали Паскаля и до его знаменитого «обращения». Французский философ Эмиль Бутру в написанной им в самом конце XIX в. биографии своего соплеменника указывает на записку, презентирующую созданную Паскалем счётную машину. В ней изобретатель сообщает, что общая схема устройства сложилась у него сразу и практически не менялась, но работы растянулись почти на три года. Причину этого он видит в том, что хотя «геометрия и механика – науки математические – снабдили его достоверными принципами...», но «...они дают лишь общую теорию. Такая теория не может предвидеть неудобств, возникающих из свойств самой материи, или из тех условий, при каких будут действовать различные части машины» [\[21, с. 15-16\]](#). В этих словах присутствует более или менее ясное осознание противоречий между строгой математической или механической теорией и наличной действительностью, так сказать сопротивлением материала – физического и человеческого.

На более широкий контекст этого осознания указывает Кассирер, который в различных работах ссылается на высказанные Паскалем в неоконченном трактате «О геометрическом духе» сомнения в универсальности этого духа, о необходимости обращения к «утончённому» или «конечному» духу в исследовании таких предметов, как душа, мораль и феномены культуры [\[11, с. 30\]](#). И если современная ему интеллектуально-философская элита не поддержала это размежевание, то усилия самого Паскаля стали всё более направляться именно на постижение «конечных», «предельных» и даже «запредельных» вопросов человеческого бытия. Отсюда и утверждаемый им порядок мысли – начинать с себя, со своего Создателя и своего назначения. Огромную роль в этом сыграли нравственно-религиозные переживания Паскаля, осознавшего благодаря происшествию на мосту Нейи ненадёжность, непредсказуемость, неукоренённость действительного человеческого существования. Человек, понял он, – это не математик или полководец, и опасно, когда последние подменяют собой первого. Отсюда и его высказывание: «побаиваюсь я математиков». Так что приведенная выше оценка Виндельбандом паскалевых «Мыслей» если и правомерна, то с позиции философских систем и учений, менее всего направленных к тому, что сам Паскаль с некоторых пор стал ценить превыше всего. «Хорошо, – писал он, – когда кого-нибудь называют не математиком, или проповедником, или красноречивым оратором, а просто порядочным человеком. Мне по душе только это всеобъемлющее свойство. Очень плохо, когда при взгляде на человека сразу вспоминаешь, что он написал книгу» [\[22. с. 210-211\]](#). Почему же плохо, да еще и «очень»? Разве гордость человека, написавшего книгу, не может быть оправдана затраченным на ее написание трудом?

Что касается труда, то сам Паскаль по своему личному опыту знал его тяготы. Обладая от природы хрупким здоровьем, он и его принес в жертву своей страсти к научным исследованиям. И всё же он был убеждён: плохо, когда видят не человека, а написанную им книгу. Плохо потому, что это обстоятельство подменяет собой самого человека, следовательно, частное подменяет собой целое и всеобъемлющее качество. Но при этом изменяется естественный порядок вещей и утверждается какая-то

особенная непорядочность, таящая в себе нечто безнравственное. В этом суть пробуждения мыслителя, когда он внезапно осознал, что нравственность и природа – это не параллельные миры, что у них есть точка пересечения – человеческое естество. Мир Евклида, «Начала» которого так легко освоил двенадцатилетний Паскаль, оказался чисто интеллектуальным миром, где из точки на прямую можно опустить действительно только один перпендикуляр. А в жизни получается, что в отношении её перпендикуляры и законы нравственности, что из общей точки, взятой вне прямой, путь лежит и к законам ума, и к законам человеческого сердца.

Однако Паскаль не преувеличивал значения тех или иных законов. Человек, по его мнению, велик не умом, а сердцем: «Величие человека в том, что он сознаёт себя несчастным; дерево себя несчастным не сознаёт. Сознавать себя несчастным – это несчастье, но сознавать, что ты несчастен, – это величие» [\[23, с. 105\]](#). Человек – всего лишь «мыслящая тростинка», а потому: «Не в пространстве должен я искать своего достоинства, но в правильности мысли. <...> В пространстве вселенная объемлет и поглощает меня, малую точку; в мысли я её объемлю» [\[24\]](#). Эта сентенция развивается через подчёркивание ничтожества человека перед лицом пространственной необъятности и мозги вселенной, но неожиданно результируется в установлении субстанциальной связи мышления и морали: «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает. Итак, все наше достоинство заключено в мысли. Вот в чем наше величие, а не в пространстве и времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить как должно: вот основание морали» [\[23, с. 136-137\]](#).

Этот момент в рассуждениях мыслителя является точкой, в которой представлен дух новой картезианской философии («Мыслю, следовательно существую»), который вполне согласуется с идеями античной классики, в частности, с представлениями Сократа об этом предмете. Последний, согласно Ксенофонту, утверждал: «Когда подумаешь о тех качествах, которые у людей называются добродетелью, то найдешь, что все они развиваются путём изучения и упражнения» [\[25, с. 100\]](#). Действительно, обычный житейский опыт подтверждает связь мысли и нравственности. Разве мало в истории примеров людей, испытывавших потрясение от содеянного ими в состоянии здравого, казалось бы, ума? Разве наш личный опыт не подсказывает нам, что угрызения совести свидетельствуют, в конечном счете, лишь о допущенном недомыслии? Доведенная до конца мысль – это и есть, в сущности, наша совесть, а муки последней – от ограниченности мысли. Истоки греховности человека лежат в недоиспользовании того чудесного дара, благодаря которому человек, по Паскалю, благороднее даже Вселенной. Поэтому не так уж неожиданы его слова, звучащие, подобно кантовскому императиву, категорично и неумолимо. Хорошее («должное») мышление предполагает способность и смелость пройти до конца мысль о самом себе в ситуации радикальной неопределенности, «заброшенности». И это неминуемо приводит человека к нравственности, к Богу, как привело Будду, Сократа, самого Паскаля. Для него истина в том, что Бог, нравственность и благо – в сущности одно, единое целое, а человек отходит от истины, когда полагает их вне себя существующими, либо не понимает их единства. Он и Декарта упрекал не в том, что великий рационалист недооценил роль Бога, а в непоследовательности: «Я не могу простить Декарту: он хотел бы во всей своей философии обойтись без Бога, но не мог обойтись без того, чтобы Бог дал пинка

вселенной и тем запустил её ход; после чего Бог был ему больше не нужен» [см.: 24, с. 75]. Последовательный взгляд на мир, как и на человека, должен был бы привести к пониманию того, что Обратим любовь — это не есть существо, которое, не будучи нами, живет во всех нас без исключения. Но в мироздании есть лишь одно такое существо. Царство Божие в нас самих, оно — и мы сами, и не мы» [\[24, с. 284\]](#). Можно сказать, что картезианский дуализм субстанций — мыслящей и протяженной — дополняется третьей основой, одновременной причастной им обеим и выходящей за рамки номинальной определённости. Для Паскаля очевидна лишь её сущность — любовь. Вообще, здесь открывается единственный последовательно применяемый им в «Мыслях» метод — выявление третьей сущности в столкновении, взаимопроникновении субстанциальных антиномий (таких как величие и ничтожество, благо и порок, случайность и предопределённость и т. п.). Сам автор осмысляет этот метод как труднодостижимое равновесие разума и сердца. Геометрический метод не исключает у Паскаля возможности получения знаний с помощью чувственных способностей человека и связанного с ними опыта. Для мыслителя, очевидно, что лучшие истины, те, которые согласуются с «желаниями сердца». Именно Паскаль, как пишет Г.Я. Стрельцова, поставил: «важную проблему специфики науки о человеке в отличие от естественных и математических наук», тем самым обратив внимание человечества на возможные последствия разрыва между сциентизмом и гуманизмом [\[15, с.119-120\]](#).

Проблеме метода в философских и научных размышлениях Паскаля уделяется особое внимание и в работе А.Д. Гуляева, который заявляет, что: «Оригинальность Паскаля в том, что он определяет природу человека опытным, синтетическим путем» [\[26, с. 211\]](#). Указывая при этом, что: «Метод синтетического построения» есть ничто иное как: «... обширная гипотеза, отправляющаяся от таких то данных, исключительно принимаемых в соображение и показывает, что случилось бы, если бы только эти данные и были. А опыт показывает, что мы могли упустить?» [\[26, с. 211\]](#). Описать человека для Паскаля означает не свести его к абстрактному понятию, а напротив, приблизиться «к богатству его действительного содержания». Подчеркивая эту особенность метода Паскаля, Гуляев показывает, что он определяет весь дальнейший ход и результаты этического исследования философа [\[26, с. 213\]](#). А. Д. Гуляев подчеркивает тот факт, что Паскаль исходил из представления о пределах строго-научного познания, в отношении исследования реальных противоречий человеческой природы и невозможности разрешения антиномий на основании только научного опыта и рассудка. Гуляев называет метод Паскаля индуктивно-научным, что обстоятельно подвергается критике со стороны Г. Я. Стрельцовой. Действительно, природа человека, не столько метафизическое понятие, сколько то, что постигается опытным путем, в результате наблюдения, однако такая индукция не учитывает главное — невозможность сведения человека к эмпирическому наблюдению, даже если речь идет о самопознании отдельного человека [см. 26, с. 203]. Таким образом, метод Паскаля, как заявляет французский исследователь Х. Бушийу, показывает нам, что «беспорядок» фрагментов в «Мыслях» отражает сознательный выбор автора, «репрезентирующий замещение рассудка линией сердца или милосердия». Представление о том, что Паскаль-философ навёл бы порядок в этом хаосе мысли, если бы не заболел и не умер, не выдерживает критики, поскольку «сам Паскаль предупреждал, что его мысли шире апологетики» [\[27\]](#). «Паскаль ставит сердце и веру выше всего», пишет Норман Л. Гайслер в своей «Энциклопедии христианской апологетики», но он не фидеист, поскольку «Его доказательства на основе пророчеств несостоятельны», а идеи Паскаля далеки от духа Просвещения и гуманизма и могут лишь поощрять фанатизм [\[28\]](#). При этом Гайслер

соглашаясь с такой позицией Вольтера все таки пытается реабилитировать Паскаля обращаясь к идее вечной благодати, которую мы обретаем благодаря «правильно сделанной ставке» [\[28\]](#). Однако разного рода критические замечания в адрес паскалевского метода только еще более подчеркивают оригинальность мыслей философа и отсутствие в его учении о человеке односторонней редукции.

Человек в поисках себя в философской антропологии Паскаля

В поисках этого идеала Паскаль, разумеется, не мог обойти вниманием природу человека. Уже из только что приведенной цитаты видно, что он не строил иллюзий в отношении человека, прекрасно отдавая себе отчет в его двойственности и противоречивости. Причина двойственности – в односторонности и одномерности его самооценок; человек сравнивает себя то с тем, то с этим, между тем как он есть и то, и другое, равно как ни то, ни другое. Он остается тайной для себя, но не только не стремится её познать, но порой даже и не подозревает о ней: «Человек – самое непостижимое для себя творение природы, ибо ему трудно уразуметь, что такое материальное тело, еще труднее – что такое дух, и уж совсем непонятно, как материальное тело может соединиться с духом. Нет для человека задачи неразрешимее, а между тем это и есть он сам: "Modus quo corporibus adhaerent spiritus comprehendi ab hominibus non potest, et hoc tamen homo est» [\[22, с. 219\]](#).

Непонимание себя самого – это, пожалуй, характернейшая черта человека, представляющего себя либо материальным телом, либо духом. Чтобы понять себя в действительности, он не должен уравниваться ни с животными, ни с ангелами, т. е. осознавать онтологическую двойственность своей натуры. Но еще больше заблуждений в отношении себя самого кроется в оценках своих социальных ролей. Причина их в том, что человек зачастую самолюбиво оценивает себя выше, а не ниже того, чем он является на деле: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками» [\[22, с. 285\]](#). Но праведник, полагающий себя грешником, оценивает себя более адекватно, чем люди противоположного типа, поэтому заблуждающийся праведник ближе к величию, поскольку осознает своё действительное ничтожество. И все-таки Паскаль не был сторонником ни восхваления, ни порицания человека, или насмешки над ним, понимая, что источник человеческих заблуждений лежит в любой односторонности. Человек не идеален, он не ангел и не животное, но его несчастливая особенность в том, что, «чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное» [\[23, с. 213\]](#). Отсюда и симпатии мыслителя к тем, кто «тяжко стеная», стремится обрести истину. Может быть, человек её и не обретёт на пути самопознания, зато наведет «порядок в собственной жизни, а это для нас самое насущное дело» [\[23, с. 213\]](#). Благодаря последней цитате может сложиться ощущение, что великий и во многом уникальный (хотя бы для своего времени) опыт Блеза Паскаля завершается вполне банальным предложением в духе: «давайте жить дружно!» Но тогда зачем все эти сложности с предопределенением и благодатью, драматические игры с антиномиями (величие – ничтожество, ангел – животное, праведник – грешник, бесконечность – пустота)? И причём здесь вообще апология христианской религии? Поскольку предложение сначала обустроить собственную жизнь, и лишь потом заниматься «вещами, так сказать, трансцендентальными» вовсе не требует таких эмоциональных затрат и интеллектуальных вложений.

Дело в том, что говоря о наведении порядка в собственной жизни, Паскаль имеет в виду отнюдь не повседневно-бытовое, и даже не социально-нравственное понимание жизни.

Здесь он действительно предвосхищает существенные мотивы постклассической философии, в частности экзистенциализма. Для него (по крайней мере, в «Мыслях») человеческая жизнь или существование всегда предстаёт как некая векторная схема, размеченная направляющими точками «мир» (повседневность, обыденность, суета) – «Я» – «бытие» (смыслообразующая трансцендентальная данность или Бог). Внешний статус «Я» в хаосе текста «Мыслей» почти всегда обозначен как точка, ничтожество, тростинка и т. п. – в общем, исчезающе малая величина. Но при этом всегда присутствует со- и даже пред-поставление с величием, необъятностью, божественностью. «Я», направляющее своё бытие в «мир» обречено остаться всего лишь эквивалентом геометрической точки, неотличимой от мириадов других точек необъятного мироздания; «Я», устремляющееся к самопреодолению через самопознание, может раскрыть себя, подобно геометрической точке, развёртывающейся в сферу. Таким образом, человеческая самость, «Я» у Паскаля предстаёт как интенционально определённая экзистенция. Другая важная особенность человеческого бытия по Паскалю: «характеризует соотношение феноменологической топики и проблем одиночества и двойничества (удвоения и раздвоения). Мыслитель обращает внимание на то, что двойник, созданный человеком для внешнего мира (для общения с людьми), при существовании внутренней феноменологической пустоты, неорганизованной топики и незаполненности этой топики смыслосодержательными образованиями, постепенно и незаметно для самого человека приобретает "прописку" внутри этой топики, претендует на статус "внутреннего человека"» [\[29, с. 174\]](#).

Эти метафоры позволяют показать, что Паскаль и в своём «религиозно-мистическом периоде» не порывал связей с изначально близким ему «геометрическим духом» а лишь ввёл принципы его действия в новый контекст – в сферу экзистенциальных измерений реальности. Поскольку же философ быстро удостоверился, что экзистенция не поддаётся строго математическому (и вообще строго дискурсивному) определению, то ему пришлось ограничиться конструированием того схематического пространства (или топики), в котором интенциональная, векторная определённость человеческого существования уже может быть хотя бы образно обозначена. Об этом, в частности, говорит А.С. Гагарин, обращающийся к философскому наследию Паскаля: «Если экзистенция принципиально не структурирована, то феноменологическая топика по определению должна быть структурна, в ней должна (имманентно) присутствовать, воспроизводиться некая "координатная сетка". Как экзистенция ускользает от определения <...>, так и феноменологическая топика сопротивляется нанесению "параллелей и меридианов", однако в топике удаётся обозначить пульсирующие узлы, точки пересечения и, самое главное – центр (или центры)» [\[30, с. 17\]](#).

Именно это сопротивление заставляет Паскаля, с одной стороны, отказаться от правил строго рационального дискурса, а с другой стороны, постоянно возвращаться в самых различных фрагментах «Мыслей» к тем же самым антиномиям бесконечно малого и бесконечно большого в попытке как-то ухватить бытие человека в единстве «пульсирующих узлов». Французский философ и здесь постоянно обращается к опыту современной ему научной мысли (соответственно, и к своим интерпретациям наличных научных представлений). При этом в своих метафорических описаниях места человека в мироздании он надолго обогнал своё время, фактически говоря о структурной бесконечности, неисчерпаемости как мира в целом, так и его элементарных частиц (у него – атомов). Однако для Паскаля важно не это прозрение само по себе, а именно указание на центральное положение человека; центральное не в смысле реального центра Вселенной или даже «венца творения», а в том плане, что человек в своём

сокровенно-мысленном осознании себя соединяет противоположности бесконечно малого и бесконечно большого. И этим самым открывает путь к соединению несоединимого, к разуму сердца.

Движение от науки к религии, которое проделывает французский мыслитель, особенно созвучно представителям русской философии, об этом пишет в своем труде Б. Н. Тарасов, имея в виду не только своеобразие мысли Паскаля, но и особенности его жизни. Духовные искания философа не могло оставить равнодушными лучшие умы отечественной культуры и Тарасов неоднократно подчеркивает эту близость: «Русская философия изначально стремилась освободиться от оков рационализма и эмпиризма, позитивизма и утилитаризма и раскрыть необоснованность претензий на научный абсолютизм и окончательную системную завершенность секуляризированного автономного разума, который тем самым, говоря языком Паскаля, в философских сектах ограничивает, обедняет и обеспложивает многогранную полноту, широту и сложность, глубину и высоту реальной действительности» [\[31, с. 278\]](#). Он сравнивает критикуемую Паскалем западную школьно-схоластическую традицию с ее обособленностью от целостной личности и целостного знания, стремлением к «позитивистскому отрицанию духовных измерений реальности», к подмене философии «наукообразными построениями», с религиозно-мистическими исканиями в русской философии. В западной аналитике, по словам Б.Н. Тарасова, знание «дробилось», «бытие оказывалось в плenу рационалистических представлений», а «человек скучоживался» и Паскаль это предчувствовал и интуитивно отвергал [\[31, с. 277\]](#). В этом смысле его противостояние можно рассматривать как методологический бунт, где «тайна человеческого бытия» становится камнем преткновения для западного рационализма и эмпиризма.

Творчество Паскаля в отечественной философии и литературе высветило свою многогранность, вызывая одновременно и критику и восхищение. Достаточно сослаться на известную работу «Гефсиманская ночь» Л. Шестова, где он прямо констатирует: «От Паскаля не ждите мягкости и снисходительности. Он бесконечно жесток к себе, он также бесконечно жесток к другим. Если вы хотите искать с ним — он вас возьмет с собой, но он вперед заявляет вам, что эти искания не принесут вам радостей» [\[32, с. 290\]](#). Паскаль, по мысли Шестова, намеренно уводит человека от определенности и покоя, он предоставляет ему бездну, пропасть, поддерживая в нем состояние тревоги и неуверенности. Этот экзистенциальный призыв Лев Шестов называет загадочным «методологическим правилом Паскаля» [\[32, с. 305\]](#). Вообще надо заметить, что в трудах отечественных классиков философской мысли присутствует глубокий анализ творчества Паскаля и одновременно в нем раскрывается поэтический восторг, мистический, романтический трагизм и радость божественного откровения, нравственная убежденность, вера и рациональные обоснования. Об этом подробнее в трудах Г. Я. Стрельцовой, Б. Н. Тарасова, М. М. Филиппова и многих других не менее известных исследователей творчества Паскаля [\[14, 15, 31\]](#).

Русский религиозный философ Б.П. Вышеславцев в своей работе «Вечное в русской философии» (1955) посвятил Паскалю целую главу, что не было случайностью. Этим он не стремился показать, подобно известному православному богослову С.С. Глаголеву, что Паскаль — один из немногих католических мыслителей, близких духу православия [см.: 33, с. 72-73], а скорее обозначить все те же «пульсирующие центры», вокруг которых, хотя и на разных пространственно-временных орбитах, вращается живая антропологическая мысль. Он также сопоставляет автора «Мыслей» с Декартом, считая, что первый открыл нам через любовь мистическую сущность человека, подобно тому, как

второй открыл мыслящее Я силами разума. Но более того: «Сам Паскаль был "сокровенным сердцем человека" – потому он нам любезен и дорог. Кроме его научного гения, кроме его богатого знания о человеке, кроме его прекрасного стиля, мы ощущаем скрытую, божественную самость, огневой центр его любви и обильной души, центр, который через столетия шлёт свой свет миру» [\[33, с. 298\]](#). Если признать правоту Вышеславцева, то философия Блеза Паскаля действительно предстаёт и как апология христианской религии. Таким образом, мы видим в этой религии не Бога схоластиков и ортодоксов, а живого Богочеловека. И она же есть одно из начал современной философской антропологии. Потому хотя бы, что тема природы и перспектив человека здесь рассмотрена в принципиально критическом ключе, в полном соответствии с картезианским принципом сомнения.

Выводы

В результате анализа антропологических воззрений Блеза Паскаля, можно сделать вывод, что основные идеи, представленные в "Мыслях", могут рассматриваться как своего рода опыт апологии христианской религии, и в то же время как одно из начал современной философской антропологии. В этом произведении мистицизм Паскаля во многом определяется отрывочностью и даже нарочитым пренебрежением рационально-логическими построениями. Более того, в истории философии принято противополагать рационализм мыслителя его мистицизму, рассматривая математический метод ученого в противопоставлении интуитивистскому методу антропологии философа. Однако целостность представлений Блеза Паскаля как мыслителя подтверждается его методологической позицией, в которой геометрическое пространство и математический мир есть не что иное, как поле для доказательства одновременно великого и ничтожного человеческого существования. Большое и малое в человеке – это самая сложная математическая задача, величайшая тайна, скрытая в Боге и одновременно самое простое решение вселенной. Признание парадоксальности человеческого бытия Паскалем есть своего рода «диалектический маневр», который предполагает то самое мистическое «Отступление от разума» [\[9, с. 64\]](#). Возможно, тайна человеческого бытия, так мучавшая мыслителя, отразилась и в его жизненных метаниях, показывая пример неразрывности рационального и мистического начала, в котором человек из единицы превращается в бесконечность. Не случайно отмечая особое дарование мыслителя, о нем говорили: «Паскаль был одинаково выше и древних, и новых» [\[34, с. 234\]](#). Совершенно точно, что загадка Блеза Паскаля как ученого и философа еще не до конца разгадана.

Библиография

1. Armour L. " Infini rien": Pascal's wager and the human paradox. Southern Illinois University Press. 1993.
2. Brown G. A. Defence of Pascal's wager. Religious Studies. doi:10.1017/S0034412500016322
3. Cargile J. Pascal's wager. Philosophy. 1966.
4. Janzen, G. Pascal's Wager and the Nature of God. SOPHIA 50, 2011. 331–344 р. <https://doi.org/10.1007/s11841-010-0213-5>
5. Moriarty M. Pascal: Reasoning and Belief. Oxford: Oxford University Press. 2020. 432 р. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198849117.003.0020>
6. Алташина В. Д. Блез Паскаль и русская культура: от «былинки» до «тростинки» / Блез Паскаль: pro et contra, антология /вступ. стат., сост. В.Д. Алташиной. – СПб.: Издательство РХГА, 2013. – 1095 с.

7. Антонов К.М., Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение, № 15, 2006, С. 189-191
8. Иванов М. С. Человек в религиозной философии Блеза Паскаля // Богословский вестник. 2019. Т. 35. – № 4. – С. 72-86.
9. Цыпина Л. В. Отступники разума: Паскаль, Кьеркегор и диалектический парадокс человеческого существования // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. 2016. – Вып. 2. – С. 63-72.
10. Черняк Н. А. Духовный опыт Б. Паскаля // Вестник Омского университета, – Т. 24, – № 3, 2019, – С. 153-156.
11. Кассирер Э. Философия Просвещения. – М. : РОССПЭН, 2004. – 399 с.
12. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т.1. От Возрождения до Канта. – СПб., 1902. – 466 с.
13. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: Переводы. – М. : Прогресс, 1988. – С. 3-30.
14. Филиппов М. М. Паскаль, его жизнь и научно-философская деятельность. – СПб.: типо-лит. И.Г. Салова, 1891. – 78 с.
15. Стрельцова Г. Я. Блез Паскаль – М.: Мысль, 1979 – 237 с.
Паскаль Б. Мысли. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
16. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. – М.: Республика, 1994. – 495 с.
17. Виндельбанд В. О Сократе // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. – М., 1995. – С. 58-79.
18. Мамардашвили М. К. Проблема сознания и философское призвание // Вопросы философии. 1988. – № 8. – С. 37-47
19. Hibbs T. S. Wagering on an ironic God: Pascal on faith and philosophy. – Baylor University Press, 2017. 216 p.
20. Паскаль Б. Письма к провинциальному. Перевод с французского О.И. Хома. – Киев : Port- Royal, 1997. – 592 с.
21. Бутру Э. Паскаль. – М.: ЛКИ, 2008. – 216 с.
22. Паскаль Б. Из «Мыслей» // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI-XVIII веков. – Л. : Худож. лит : Ленингр. отд-ние, 1987. – С. 202-286.
23. Паскаль Б. Мысли. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
24. Паскаль Б. Мысли (О религии). – М. : типография Бонч-Бруевича, Пер. с франц. П. Д. Первова. 1899. – 290 с.
25. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Наука, ИФ РАН, 1993. – 592 с.
26. Гуляев А.Д. Этическое учение в "Мыслях" Паскаля. – Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1906. – 276 с.
27. Douchilloux H. Apologie et théologie dans les Pensées de Pascal // Rev. fr. de la France et de l'étranger. 2002. – Т. 182, N 1. – Р. 3-19
28. Гайслер Н. Л. Энциклопедия христианской апологетики / Норман Л. Гайслер; [Пер. Гаврилов В.Н.]. – СПб. : Библия для всех, 2004. –1184 с.
29. Гагарин А. С. "Человек – это звучит...": экзистенциалистика человека как "крапинки на картине мироздания" (М. Монтень) и "мыслящий тростник" (Б. Паскаль) // Границы историко-философской науки. К 70-летию профессора К.Н. Любутина: Сб. науч. трудов / Под ред. А.В. Перцева. – Екатеринбург, 2005. С. – 168-182.

30. Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. – № 9. – С. 7-26.
31. Тарасов Б. Н. «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. –2-е изд. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 896 с.
32. Шестов Л. Сочинения : в 2 т. – Москва : Наука, Т. 1. – 1993. – 667 с.
33. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М. : Республика, 1994. – С. 154-350.
34. Вовенарг Л. Введение в познание человеческого разума. Фрагменты. Критические размышления о некоторых писателях. Размышления и максимы / Пер. Ю.Б. Корнеева, Э. Л. Линецкой; общая ред.Н. А. Жирмунской; – Л. : Наука. 1988. – 440 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой интересный опыт обобщения тех аспектов философского творчества Паскаля, которые связаны с его попытками решения «загадки человека». Во всяком случае, именно на такое понимание нацеливает избранное автором название статьи. К сожалению, представленный текст не вполне соответствует этому названию, можно сказать, он «избыточен», поскольку во введении, да и в некоторых других частях, присутствует информация, которая не связана непосредственно с «проблемой человека», в связи с чем, думается, эти фрагменты можно изъять из текста без ущерба для его научной ценности. С другой стороны, во введении можно было бы более определённо охарактеризовать представление автора о задачах исследования, тогда, может быть, он не останавливался бы, например, столь подробно на биографии мыслителя, хорошо известной отечественному читателю. (В этой связи автор мог бы просто сослаться на замечательную книгу Г. Я. Стрельцовой из серии «Мыслители прошлого» (1979), к сожалению, она вообще не указывается в библиографии, в отличие от большой монографии (1994) этого самого крупного современного отечественного исследователя наследия Паскаля, в которой, однако, рассматривается уже другой круг вопросов.) Самой значимой теоретической ошибкой автора, как представляется, стало то, что он не уделяет должного внимания проблеме специфики метода изучения человека. В отечественной литературе она была сформулирована ещё в блестящем исследовании А.Д. Гуляева «Этическое учение в «Мыслях» Паскаля» (1906), которое также странным образом не указано в библиографии. Даже если и не соглашаться с его представлением о принципиальной значимости «эмпирических» составляющих учения Паскаля о человеке, невозможно отрицать роль А.Д. Гуляева в концептуализации самой проблемы «метода философской антропологии», что, конечно, необходимо было учесть автору статьи. К достоинствам статьи следует отнести хороший стиль, статья читается легко, как правило, автору удаётся находить способ ясного выражения своей мысли. К сожалению, в некоторых местах автор оставляет в тексте много неточностей, опечаток, ошибок, что, возможно, явилось следствием спешки при подготовке статьи к печати. Приведём лишь один характерный пример. Так выглядит первое предложение заключения: «В результате

анализа антропологических воззрений Блеза Паскаля, (зачем запятая, – рец.) можно сделать вывод, (пропущено «что»? – рец.) его основные идеи, представленные в "Мыслях" («не замкнут» причастный оборот, – рец.) могут рассматриваться как своего рода опыт апологии христианской религии (да не «своего рода», это просто изначальное название книги, которая нам известна (благодаря племяннику философа) как «Мысли», – рец.), согласно персональной интенции автора (что такое «персональная интенция»? – рец.) и в то же время как одно из начал современной философской антропологии, существующим (с каким главным словом согласуется «существующим»? – рец.) благодаря принципиально критическим исходным установкам (последнее положение оставлено без обоснования, – рец.»). Разумеется, все подобного рода погрешности должны быть устраниены до публикации, а указанные «избыточные» фрагменты устраниены из текста. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Тайна человека в учении Блеза Паскаля: между мистикой и рациональностью» выступают антропологические изыскания Паскаля, изложенные им в эссеистическом труде «Мысли». Автор статьи видит своей целью установление ключевых взаимосвязей между эпохой и творчеством известного ученого и философа. Особое внимание автора привлекает своеобразный дуализм, демонстрируемый Паскалем, балансируя между рациональностью и мистицизмом. Методология исследования исходит из уверенности в том, что творчество Паскаля не может быть понято вне его биографии. В статье в рамках историко-философского подхода, используется сравнительный метод. Кроме того автор выстраивает своеобразный диалог между пониманием человека самим Паскалем и позициями его исследователей.

Актуальность исследования связана с состоянием обновления философской антропологии, справедливо конструируемой автором, и поиском новых подходов к пониманию многогранной природы человека. Нельзя не согласиться с автором статьи, утверждающим, что «Паскаль актуален в каждую эпоху по-своему. Он словно отвечает каждый раз на вопросы, которые ставит перед нами сама жизнь». Впрочем, подобное утверждение можно адресовать практически каждому философу, прочтение которого меняется от эпохи к эпохе.

Научная новизна работы заключается в двойном ракурсе рассмотрения философии Паскаля – в контексте его времени и его судьбы и с позиции значимости идей философа для последующих поколений.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют обозначенным во введении задачам. Структура включает авторское членение и подзаголовки. Основное содержание разделено на четыре, примерно равные, части. В первой части – «Философская антропология: между наукой и религией» обосновывается дуальность философских размышлений в области антропологии. Появление «Мыслей» Паскаля автор связывает с обновлением ракурса размышлений по ключевым научным вопросам 17 века, показателем чего можно считать появление «новой астрономии» Г. Галилея и И. Кеплера и «новой анатомии» А. Везалия и У. Гарвея. В этой ситуации обновления,

Паскаль предлагает попытаться осознать глубинные сущностные качества человека теми способами, которые имманентны самому человеку. Во второй части «Блез Паскаль: жизнь и творчество. Ученый и философ?» автор отмечает основные вехи биографии мыслителя, акцентируя поворотный момент жизни Паскаля – «чудесное» двойное избежание им смерти. В третьей части «Тайна человека: Сократ и Паскаль» автор сопоставляет античного мудреца с Паскалем, замечая, что и Сократ, и французский ученый «в какой-то из моментов своей жизни испытали некое пробуждение и обратились к личности в себе». В заключительной, четвертой части «Человек в поисках себя в философской антропологии Паскаля», автор описывает знакомством Паскаля с учением янсенистов, его увлечение трактатами Корнелия Янсения «О преобразовании внутреннего человека» и Пор-Рояля Антуана Арно «Духовные письма» и «Новое сердце» и связывает с их влиянием паскалевское переосмысление своей жизни. Философ на фоне религиозной мистики приходит к уверенности, что вера во всесилие человеческого разума также основана на гордыне и греховна. Поэтому личность и природа человека могут быть не поняты, а пережиты, прочувствованы, постигнуты верой – истина в том, что Бог, нравственность и благо – в сущности одно, единое целое.

Библиография статьи включает упоминание тридцати четырех работ, в том числе зарубежных авторов.

Апелляция к оппонентам используется автором в полной мере. Он обращается, в первую очередь, к исследователям творчества Паскаля и его биографиям, таким как Томас С. Хиббс, Фердинанд Брюнетьера, Эмиль Бутру, Вильгельм Виндельбанд, Эрнст Кассирер, к их числу относятся и современные отечественные авторы: Г.Я. Стрельцова, А.Д. Гуляева, Х. Бушайу. Отдельно стоит отметить авторский экскурс в русскую философию и оценку личности и творчества Паскаля Львом Шестовым и Борисом Вышеславцевым.

Статья написана легким образным языком и будет интересна как философам и антропологам, так и всем, интересующимся историей философии, творчеством и личностностью Паскаля, проблемам соотношения рационализма и мистицизма.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Сущин М.А. — Что философия и когнитивные науки могут дать друг другу? // Философская мысль. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68745 EDN: VBGWQO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68745

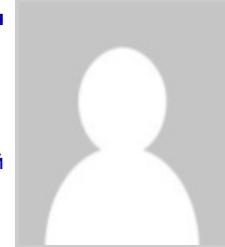
Что философия и когнитивные науки могут дать друг другу?**Сущин Михаил Александрович**

ORCID: 0000-0002-8805-6716

кандидат философских наук

старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21

[✉ sushchin@bk.ru](mailto:sushchin@bk.ru)[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.10.68745

EDN:

VBGW QO

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2023

Дата публикации:

21-10-2023

Аннотация: В статье исследуются возможные пути взаимодействия философии и конкретных когнитивистских дисциплин: психологии, нейронаук, области исследований и разработок искусственного интеллекта, лингвистики и антропологии. Автор отталкивается от идеи В.А. Лекторского о диалоге философии и когнитивных наук. Философия и когнитивные науки вступают в продуктивный диалог, в котором может происходить их взаимное обогащение, усиление или ослабление тех или иных научных или философских теорий, а также теоретический прогресс. С одной стороны, утверждается, что философия может оказать наибольшее влияние на развитие когнитивных наук на путях прояснения вопросов, относящихся к ведению философии науки. Таковые включают в себя вопросы о теоретическом прогрессе когнитивных

исследований, о характере отдельных когнитивистских теорий (а также совокупностей теорий, таких как коннекционизм, предсказывающее кодирование и др.), об отношении когнитивных дисциплин друг к другу и т.д. Кроме того, философы могут внести вклад в критические дискуссии об основаниях когнитивных наук и их ключевых понятий репрезентации и вычисления, а также играть активную роль в оценке этических следствий развития новых когнитивных технологий и нейротехнологий. С другой стороны, конкретные когнитивистские дисциплины могут проливать новый свет на традиционные философские проблемы (проблему сознания и мозга, проблему свободы воли и т.д.) и обогащать философию науки новым конкретным материалом.

Ключевые слова:

философия науки, когнитивные науки, теоретические комплексы, проблема теоретического прогресса, практики, диалог, репрезентация, вычисление, когнитивные технологии, нейротехнологии

Введение

В большинстве случаев философию рассматривают как одну из шести дисциплин, входящих в комплекс современных когнитивных наук (по-видимому, имея в виду прежде всего часть исследований в областях философии сознания, эпистемологии и философии науки, затрагивающих вопросы когнитивных наук). Помимо философии, к комплексу когнитивистских дисциплин традиционно относят когнитивную психологию, когнитивные нейронауки, область исследований и разработок искусственного интеллекта, когнитивную лингвистику и когнитивную антропологию.

Широко известно, что философы внесли (Х. Патнэм, Дж. Фодор, Д. Деннет, Э. Кларк, Я. Хохви и др.) значимый вклад в разработку некоторых важнейших теоретических представлений и понятий современных когнитивных наук. Между тем четкого понимания места и роли философии в составе когнитивистских дисциплин в настоящий момент нет. При этом вопрос о роли и месте философских исследований в составе комплекса современных когнитивных дисциплин ставится и обсуждается достаточно редко. В этой работе в качестве отправного пункта возьмем позиции, изложенные в статьях трех известных современных философов: Д. Деннета, П. Тагарда и В.А. Лекторского. После рассмотрения точек зрения Деннета, Тагарда и Лекторского в статье будет представлено мое собственное понимание возможных способов взаимодействия философии и конкретных когнитивных дисциплин.

Три концепции взаимодействия философии и когнитивных дисциплин

Начнем с точки зрения, изложенной в работе Деннета. Как он отмечает, философы способны внести значимый вклад в когнитивные исследования, если они будут отталкиваться от доминирующей в науке конструктивной установки и будут нацелены, прежде всего, на формулирование проверяемых гипотез [\[1\]](#), а также на прояснение отношений между научными понятиями и понятиями наподобие свободы воли, моральной ответственности и т.п. По мнению Деннета, есть ряд причин, в силу которых научное сообщество скептически относится к тому, что делают философы. Одна из таких причин – это попытки профессиональных философов доказать или опровергнуть на основе «первых принципов» что-либо, что относится к ведению эмпирических наук. (Деннет иронично называет такой стиль попытками доказать на основе первых принципов, что

шмели не могут летать («bumblebee deductions»), признавая, что он и сам осуществлял подобного рода «дедукции», заведомо отвергая идею «нейронов бабушки», «grandmother neurons» [1, р. 232].)

По мнению Деннета, философы могут способствовать прогрессу в когнитивных науках в нескольких отношениях. Так, они могут распознавать перспективные, но смутно выраженные идеи и делать их более ясными для дальнейших исследований – к примеру, помочь выразить сомнительную идею в пригодной для опровержения форме. Многие ученые, отмечает Деннет, самоуверенно полагают, что они в состоянии проделать эту работу сами, без помощи философов. Однако же на практике они, как правило, быстро начинают осознавать реальную сложность проблем, с которыми они имеют дело, и ценить советы профессиональных философов. Кроме того, отказавшись от классических философских приемов опровержения на основе контрпримеров и *reductio ad absurdum*, философы, по мнению Деннета, также в состоянии способствовать прогрессу, помогая ученым разрабатывать эксперименты. В качестве примера Деннета ссылается на свои собственные идеи, которые стимулировали экспериментальную работу над задачами о ложных убеждениях, слепоте по невниманию, перцептивному заполнению (*filling-in*) и др. Наконец, философы, согласно Деннету, в состоянии внести вклад в развитие когнитивных исследований на пути обсуждения вопросов о свободе воли, моральной ответственности, о существовании страданий и т.п.

Иное видение взаимодействия философии и специальных когнитивных дисциплин предлагает П. Тагард [2]. По его мнению, философия значимым образом влияет на когнитивные науки на пути прояснения общих и нормативных вопросов. К общим вопросам Тагард причисляет вопросы о природе научных теорий и объяснений, роли компьютерного моделирования, отношения различных когнитивистских дисциплин друг к другу. К нормативным вопросам он относит вопросы о байесовской природе человеческого мышления, об установлении самих норм и т.д.

Как отмечает Тагард, любая передовая область научного познания неизбежно сталкивается с вопросами о природе знания и реальности. К примеру, передовые исследования в области теоретической и экспериментальной физики имеют дело с вопросами о природе пространства и времени, а также рядом методологических проблем. Будучи передовой дисциплиной, когнитивная наука, по замечанию Тагарда, сталкивается со следующими общими вопросами: какова природа объяснения и какова природа теории? Как оценивать альтернативные теории? Как соотносятся друг с другом разные специальные когнитивные дисциплины, такие как когнитивная психология и когнитивная нейронаука? Сводима ли психология к нейронауке? Какова роль компьютерного моделирования в когнитивных исследованиях? Эти вопросы, по утверждению Тагарда, в конечном счете затрагивают пределы развития когнитивной науки, и их игнорирование обычно ведет к повторению философских концепций природы научного знания, оказавшихся неплодотворными в прошлом.

Кроме общих вопросов, философия в состоянии принести пользу когнитивным наукам на пути обсуждения нормативных вопросов. Фундаментальной науке принято приписывать дескриптивный характер, однако прикладная наука также имеет нормативное измерение в том плане, что она пытается сделать улучшить жизнь человека. Философия представляет собой дисциплину в составе когнитивной науки с наиболее богатым опытом обсуждения нормативных вопросов. Примером нормативного вопроса может служить вопрос об установлении норм вывода и рассуждений. Среди профессиональных логиков нет единого мнения касаемо того, какие стандарты следует считать подходящими.

Некоторые философы полагали, что чистая интуиция может выступить в качестве основания для установления стандартов вывода, но несогласия среди логиков говорят о необходимости поиска более сложного метода. По утверждению Тагарда, игнорирование философии равносильно имплицитному и непрофессиональному философствованию. В дополнение ко всему, согласно Тагарду, философы могут принести пользу когнитивной науке, осуществляя защиту ее ключевых понятий вычисления и презентации.

В более широком контексте взаимодействие философии и когнитивных наук рассматривает В.А. Лекторский [3]. Лекторский рассматривает три глобальных сценария взаимодействия философии и конкретных когнитивных наук. Первый сценарий, снискавший популярность на заре так называемой аналитической философии благодаря работам Л. Витгенштейна, Г. Райла, Р. Карнапа и др., предполагает, что философии следует игнорировать конкретные результаты когнитивных исследований. Вместо этого философия должна сконцентрироваться на выявлении необходимых зависимостей в структуре сознания и познания с помощью неких особых неэмпирических методов – в первую очередь, конечно, логического анализа языка, столь любимого адептами аналитической философии. Впрочем, такого рода установка столкнулась с существенными трудностями. Как пишет Лекторский, «Рассуждения философа-аналитика могут выглядеть достаточно строгими в пределах тех допущений, из которых он исходит Вопрос, однако, в том, какие именно интуиции считать релевантными для решения соответствующей проблемы и какой логический инструментарий использовать в качестве средства. <...> В действительности, разные философы-аналитики не эксплицируют содержание соответствующих интуиций, на что они претендуют, а строят объяснительные модели, как правило, не совместимые друг с другом (при этом меняются и представления о возможных правилах логической аргументации). Поэтому нет согласия относительно того, что следует считать хорошим результатом анализа» [3, с. 13-14].

Второй сценарий, во многом противоположный первому и возникший в качестве реакции на него, предполагает натурализацию философии. В общей форме эта идея была высказана американским философом и логиком У. Куайнем в конце 1960-х гг. Согласно Куайну, философия должна отказаться от претензий на нормативизм, по сути, сведя свои усилия к обобщению исследований в психологии и науках о мозге. Куайн назвал эту программу исследований познания «натурализованной эпистемологией». С тех пор был развит ряд проектов, выдержаных в анти-нормативистском духе, включая идею нейрофилософии Пола и Патриции Черчленд, призывающих к замене используемых в обыденной жизни понятий «народной психологии» (понятий мысли, желания, намерения и т.п.) языком некоторой гипотетической будущей прогрессивной нейронауки.

Вместе с тем, как указывает Лекторский, существует еще один возможный путь взаимодействия философии и конкретных когнитивных наук, когда они вступают в диалог, в котором происходит как их взаимное обогащении, так и взаимная критика. По замечанию Лекторского, философия всегда «пыталась критически оценить повседневный мир и выйти за пределы принятых культурных стереотипов, создавая новые способы интеллектуальной и практической деятельности. Выстраивая картину мира, она всегда пыталась не только отделить ее от мира обыденных представлений, но и найти переходы между ними: как в понимании реальности, так и в отношении того, что человек должен делать» [3, с. 15]. Так, скажем, Джордж Беркли критически оценивал основания только что появившейся тогда механики Ньютона и ее ключевые понятия абсолютного времени и абсолютного пространства, а не просто описывал, как понятия возникают из совокупности ощущений. В этой связи, отмечает Лекторский, важно отметить, что возможно такое понимание натурализации эпистемологии, при котором она не сливается

с когнитивными исследованиями, а взаимодействует с ними и не теряет своего нормативного характера. Таким образом, полагает Лекторский, эпистемология может критически анализировать предпосылки когнитивных наук и обогащаться за счет полученных в них результатов.

О способах взаимовлияния философии и когнитивных наук

Итак, мы рассмотрели три точки зрения на взаимодействие философии и конкретных когнитивных дисциплин. Отталкиваясь в общем смысле от выраженной в работе Лекторского позиции, я полагаю, что философия и когнитивные науки могут вступать в продуктивный диалог, в котором может происходить их взаимное обогащение. Результатом этого диалога может быть усиление или ослабление определенных теорий или концепций, а также теоретический прогресс.

Сначала следует сказать о возможном влиянии философии на когнитивные науки. Следуя Тагарду, я полагаю, что философия может оказать наибольшее влияние на развитие когнитивных наук на пути прояснения ряда вопросов, относящихся к ведению философии науки. Известный философ науки Б. ван Фраассен, утверждает, что любая концепция философии науки должна быть в состоянии ответить на вопросы о характере научных теорий и том, что они делают [\[4, р. 7\]](#). На мой взгляд, наиболее важной методологической проблемой для когнитивных наук в настоящий момент является проблема теоретического прогресса. Ее можно сформулировать следующим образом. Так, с одной стороны, в когнитивных науках (в широком смысле) был отмечен невероятный прогресс в области совершенствования практик. Это относится как к непосредственным инструментам изучения мозга и познания (орудия для исследования мозга, айтрекеры и т.п.), так и к средствам обработки данных (компьютеры, и их «железо», и соответствующее программное обеспечение). Целая пропасть разделяет современные инструменты для исследований когнитивных процессов и то оборудование, которое использовалось на заре современных когнитивных наук – поколения устройств сменяли друг друга. Это неоспоримый факт. С другой стороны, можно ли говорить о «сопоставимом» теоретическом прогрессе в когнитивных науках? (Я, разумеется, не утверждаю, что между этими областями можно осуществлять строгие сравнения. Вопрос о том, в какой степени они оказываются соизмеримыми, остается открытым.) В общем смысле здесь можно дать отрицательный ответ, и причины крайне медленного и незначительного прогресса теоретических представлений в когнитивных науках как раз и составляют указанную проблему.

Тесно связана с проблемой теоретического прогресса проблема выбора ведущей установки в теоретическом, методологическом и объяснительном контекстах. Должна ли такая установка быть плюралистической или монистической? В последние годы рядом авторов обсуждалась возможность нахождения в когнитивных науках так называемой «теории великого объединения», в достаточной степени схожей с образом парадигмы из первого издания «Структуры научных революций» [\[5\]](#). Вообще говоря, ценность унификации достаточно часто подчеркивается в когнитивистской литературе. Здесь встает вопрос: нужна ли когнитивным наукам своеобразная парадигма-монополист? Следует ли когнитивным ученым, как в свое время иронично писал П. Фейерабенд, комментируя попытки некоторых социальных ученых улучшить их дисциплины на основе специфического понимания Куна, ограничить критицизм, свести число объемлющих теорий к одной-единственной теории и создать нормальную науку (т.е. произвести теоретическую унификацию), принимающую данную теорию в качестве парадигмы [\[6, р. 198\]](#)? В своей недавней работе я отстаивал точку зрения, что для когнитивных наук

предпочтительной оказывается плюралистическая стратегия как в теоретическом, так и в методологическом контекстах [7]. Более того, по замечанию Д. Шэпира, эксплицитное выражение недовольства, дискуссии об основаниях теорий, пролиферация разных точек зрения всегда в большей или меньшей степени присутствовали в истории науки [8, р. 42]. Теоретический и методологический плюрализм призван обеспечить прогресс в когнитивных исследованиях благодаря взаимному критицизму и сохранению альтернатив. Вместе с тем большая осторожность требуется, когда речь заходит об объяснительном контексте. Несмотря на имеющиеся многочисленные свидетельства неоднородности когнитивных систем (того же человеческого мозга), вопрос о предпочтительной объяснительной установке не должен решаться исключительно в теоретическом ключе – последнее слово здесь должно оставаться за эмпирическими исследованиями.

Все это подводит нас к другому важному для философии когнитивных наук вопросу – вопросу о природе крупных когнитивистских теоретических направлений (или групп отдельных теорий), подобных классическому вычислительному когнитивизму, коннекционизму, воплощенному познанию (или, в другой классификации, «4E» познанию, 4E Cognition [9]) и предсказывающей обработке. Каким образом эти направления следует понимать? В качестве парадигм на манер Т. Куна [5], научно-исследовательских программ в духе И. Лакатоса [10], либо же как исследовательские традиции в смысле Л. Лаудана [11]? Или же, возможно, здесь стоит отказаться от универсализма, присущего теориям Куна, Лакатоса и Лаудана, и остановить свой выбор на специально разработанной для понимания когнитивистских направлений концепции исследовательских концептуальных рамок Б. Фон Эккардт [12]? Данному вопросу была посвящена серия моих недавних публикаций [13, 14]. Я утверждал, что ни одна из упомянутых концепций в первую очередь в силу ряда проблем дескриптивного характера не может быть взята как таковая в качестве основы для понимания когнитивистских теоретических направлений. Вместо этого данные направления предлагается понимать в качестве однородных или неоднородных по структуре теоретических комплексов, призванных содействовать пролиферации научных теорий для обеспечения прогресса в отношении ряда так называемых достоинств хорошей теории (предсказательный успех, способность давать непреднамеренные объяснения известным фактам, эмпирическая адекватность и т.п.). По моему мнению, комплексы когнитивистских теорий призваны способствовать теоретическому прогрессу в когнитивных науках.

Обобщая сказанное, отметим, что в число других важных вопросов философии когнитивных наук входят вопросы о характере отдельных когнитивистских теорий (каков статус теории, каковы ее структура и функции, чем теория отличается от модели и т.п.), о том, какой тип научного объяснения в лучшей степени подходит для когнитивных дисциплин, а также вопросы отношения друг к другу различных когнитивных дисциплин (в частности, сводимы ли одни когнитивистские дисциплины к другим или нет).

Так, последний из числа упомянутых выше вопросов имеет достаточно продолжительную историю обсуждений. На первых порах развития когнитивных наук ведущую роль играли такие дисциплины как искусственный интеллект, лингвистика, философия и психология. В ту эпоху когнитивистские дисциплины находились под сильным влиянием так называемой компьютерной метафоры и концепции функционализма, ставивших под сомнение релевантность нейронауки для исследований познания. Впрочем, большой прогресс в создании новых инструментов исследования мозга и развитие коннекционизма в области искусственного интеллекта привело к значительному

усиению роли нейронаук в составе комплекса когнитивных дисциплин. Начал подниматься вопрос о возможности сведения, редукции такой более высокоуровневой дисциплины как психология к нейронауке. Пожалуй, апофеозом современного редукционизма стали работы уже упоминавшихся супругов Черчленд. Этому вопросу была посвящена другая моя работа, в которой я утверждал (рассмотрев основные аргументы как Патриции Черчленд [\[15\]](#), так и других современных сторонников редукционизма), что в настоящий момент предпосылки для сведения психологии к нейронаукам отсутствуют [\[16\]](#).

Кроме кратко рассмотренных выше вопросов философии науки, философия имеет непосредственное отношение к обсуждению вопросов оснований когнитивных наук и их ключевых понятий репрезентации и вычисления. Эти понятия служили фундаментом для современных когнитивных наук, начиная с их возникновения в 1950-х гг. Собственно говоря, познание во многом понималось как вычисление на основе ментальных репрезентаций. Впрочем, кризис классического вычислительного когнитивизма, критика со стороны таких авторов, как Дж. Гибсон, открыли путь для альтернативных проектов, в которых была сделана попытка отказаться от данных идей при объяснении познавательных процессов. Как представляется, философия способна сыграть одну из главных ролей в дискуссиях о репрезентационной и вычислительной природе когнитивных процессов. Так, в другой своей предшествующей работе я попытался свести воедино важнейшие аргументы противников репрезентационного понимания когнитивных процессов и феноменов (проблема гомункула, гипотеза мира как его собственной модели, возможность не-репрезентационных концепций познания). Подробно рассмотрев каждый из этих аргументов, я пришел к выводу, что понятие репрезентации сохраняет свою значимость и ведущую роль для когнитивных исследований [\[17\]](#). Говорить о серьезной конкуренции со стороны не-репрезентационных теорий познания пока рано.

При этом, безусловно, сами понятия вычисления и репрезентации вызывают множество вопросов. Скажем, если репрезентация – это заместитель, то репрезентируются ли цвета, запах, вкус? Или, как соотносятся понятия репрезентаций, вычисления и обработки информации? Ведь понятия вычисления и обработки информации также представляют собой центральные понятия когнитивных наук и в настоящее используются многими учеными-когнитивистами как синонимы. Однако, если говорить о классических концепциях А. Тьюринга и К. Шеннона, которые и породили соответствующую литературу и к которым принято отсылать, тот час же обнаруживается, что вычисление и обработка информации – это отнюдь не одно и то же. Вопрос об отношении понятий вычисления и обработки информации подробно обсуждался в работах Г. Пиччинини и его соавторов [\[18\]](#).

Кроме того, представляется, что философия должна играть активную роль в оценке этических следствий развития новых когнитивных технологий и нейротехнологий (в частности, в оценке таких технологий как *mind reading* и оценке новых приложений области искусственного интеллекта т.д.). Так, за последнее десятилетие получил определенный резонанс ряд работ по расшифровке субъективного опыта на основе данных о его нейронных носителях (коррелятах). Это направление исследований в нейронауках получило известность как *mind reading* (иногда, *brain reading*). В рамках данного направления ученые пытаются визуализировать на внешних носителях внутренние переживания субъектов. Как отмечает в этой связи Д.И. Дубровский, «С помощью новых методов уже расшифровывается ряд психических явлений, выражющих желания, оценки, мысли человека. Правда, пока еще это отдельные и сравнительно

простые психические явления, до расшифровки мыслительной деятельности в ее целостном контексте внутреннего субъективного мира личности еще далеко. Но к этому быстро идет дело, и уже сейчас перед нами встают острые этические и социальные вопросы (Dubrovsky, 2018). В чьих руках окажутся технологии расшифровки мозговых кодов? Кто и зачем будет открывать наш внутренний мир? Ведь вся социальная самоорганизация основана на принципе относительной закрытости внутреннего мира личности, которая по своей воле избирательно открывает его разным людям. Нарушение этого принципа способно повлечь вопиющее неравенство, крах всей системы социальной самоорганизации» [\[19, с. 26\]](#).

В свою очередь, конкретные когнитивистские дисциплины могут проливать новый свет на традиционные философские проблемы: проблему сознание и мозг, проблему субъекта, проблему свободы воли и т.п. Так, результаты конкретных эмпирических исследований в состоянии придать вес тем или иным философским концепциям или сделать их более проблематичными. (Скажем, лишний раз показать проблематичность картезианского дуализма и т.п.) Под влиянием новых направлений в науке и технологиях возникают новые философские направления – уже упомянутые функционализм в философии сознания или нейрофилософия служат здесь хорошим примером.

Также анализ развития когнитивных наук способен наполнять конкретным материалом философию когнитивной науки как частный раздел философии науки, способствуя оценке и уточнению традиционных концепций философии науки. Так, под прицелом отклика со стороны философии когнитивных наук находятся такие традиционные темы для философии науки, как проблема демаркации (и ее значимость для философии науки), однородность или неоднородность науки, фальсифицируемость отдельных научных теорий и т.д. Скажем, исследования в области философии когнитивных наук могут быть доводом в пользу/против тезиса разъединенности науки и подхода к проблеме демаркации с позиции идеи семейных сходств [\[20, 21\]](#).

Заключение

Итак, в данной статье были предпринята попытка очертить основные способы взаимодействия философии и когнитивных наук. Отталкиваясь от точки зрения В.А. Лекторского о диалоге философии и конкретных когнитивных дисциплин, я утверждал, что философия способна внести наибольший вклад в развитие когнитивных исследований, во-первых, на пути прояснения ряда важных вопросов, относящихся к ведению философии науки (вопрос о природе крупных теоретических направлений и отдельных теорий в когнитивных науках, вопрос о теоретическом прогрессе когнитивных наук, проблема отношения когнитивистских дисциплин друг к другу и т.д.). Во-вторых, философия и философский анализ находятся в центре дискуссий об основополагающих понятиях для когнитивных наук – понятиях презентации и вычисления. (В частности, о необходимости этих понятий для когнитивных исследований, их безальтернативности и т.п.) В-третьих, философия играет важнейшую роль в оценке этических следствий развития новых когнитивных технологий и нейротехнологий (подобных технологии mind reading и т.п.). В свою очередь, когнитивные науки могут быть (одним из) источников новых направлений в философии (как это было с функционализмом или нейрофилософией), они могут проливать новый свет на традиционные философские проблемы и наполнять конкретным материалом философию науки (специалисты из других разделов философии, вероятно, могли бы расширить это утверждение). Результатом диалога философии и когнитивных наук может быть усиление или ослабление как философских, так и научных теорий.

Несмотря на исторически значимую роль философии в процессе становления и эволюции когнитивных наук, вопрос о месте философии в составе когнитивных дисциплин ставится и обсуждается нечасто. Между тем игнорирование философии там, где арсенал ее средств может быть особенно полезен науке, чаще всего ведет к имплицитному философствованию, притом весьма посредственному [\[2, p. 249\]](#).

Библиография

1. Dennett D. C. The Part of Cognitive Science That Is Philosophy // Topics in Cognitive Science. – 2009. – Vol. 1. – No. 2. – P. 231–236.
2. Thagard P. Why Cognitive Science Needs Philosophy and Vice Versa // Topics in Cognitive Science. – 2009. – Vol. 1. – No. 2. – P. 237–254.
3. Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. – 2021. – № 10. – С. 5–17.
4. Van Fraassen B. C. The scientific image. – Oxford University Press, 1980.
5. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago Press, 1962.
6. Feyerabend, P. Consolations for the Specialist // Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1965, I. Lakatos, A. Musgrave (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – P. 197–230.
7. Сущин М.А. Плюрализм в когнитивных науках: теоретический, методологический или объяснительный? // Философия и культура. – 2022. – № 10. – С. 117–131.
8. Shapere D. The Structure of Scientific Revolutions // Shapere D. Reason and the Search for Knowledge. 1984. D. Reidel Publishing Company: Dordrecht. – P. 37–48.
9. Newen A., Gallagher S., De Bruin L. 4E cognition: Historical roots, key concepts, and central issues. Oxford University Press. – 2018. – P. 3–16.
10. Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes // Imre Lakatos: the methodology of scientific research programmes. Philosophical papers. Vol. 1. New York: Cambridge University Press, 1989. P. 8–101.
11. Laudan L. Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978.
12. Von Eckardt B. What is Cognitive Science? Cambridge, Massachusetts: MIT press, 1995.
13. Сущин М. А. Когнитивная наука: от парадигм к теоретическим комплексам // Философия науки и техники. – 2021. – Т. 26. – №. 1. – С. 5–22.
14. Сущин М. А. Теоретические комплексы в когнитивных науках // Вопросы философии. – 2022. – №. 12. – С. 40–51.
15. Churchland P. S. Neurophilosophy: Toward a unified science of the mind-brain. – MIT press, 1989.
16. Сущин М. А. Психология и нейронаука: проблемы интеграции // Философские науки. – 2019. – Т. 62. – №. 1. – С. 89–105.
17. Сущин М. А. В защиту гипотезы внутренних репрезентаций в современных исследованиях восприятия и познания // Вопросы философии. – 2018. – №. 4. – С. 27–40.
18. Piccinini G., Scarantino A. Computation vs. information processing: why their difference matters to cognitive science //Studies in History and Philosophy of Science Part A. – 2010. – Vol. 41. – No. 3. – P. 237–246.

19. Дубровский Д. И. Нейроэтика: некоторые актуальные философско-методологические вопросы //Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2020. – Т. 4. – №. 1. – С. 24–41.
20. Dupré J. The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1993.
21. Pigliucci M. et al. The demarcation problem. A (belated) response to Laudan // Philosophy of Pseudoscience: Reconsidering the Demarcation Problem, M. Pigliucci, M. Boudry (eds.). University of Chicago Press P. 9–28.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме соотношения философии и когнитивных наук, можно согласиться с автором в том, что несмотря на обилие публикаций (в том числе, и в отечественной философской литературе) по философии сознания, эпистемологии и философии науки, которые так или иначе касаются этой проблемы, «четкого понимания места и роли философии в составе когнитивистских дисциплин в настоящий момент нет». В статье представлен как обзор существующих на этот счёт позиций (в качестве примера избраны точки зрения трёх известных авторов), так и собственное понимание путей решения проблемы. В частности, автор демонстрирует возможности одного из вариантов взаимодействия философии и когнитивных наук, на который указывает В.А. Лекторский. Речь идёт о «пути диалога», в процессе которого «происходит как их взаимное обогащении, так и взаимная критика», поскольку эпистемология способна «критически анализировать предпосылки когнитивных наук и обогащаться за счет полученных в них результатов». По этому пути и предлагает двигаться автор статьи, стремясь разработать конкретные условия, при которых подобный диалог мог бы стать наиболее продуктивным. Прежде всего, следует согласиться с автором в том, что для когнитивных наук более предпочтительной является «плюралистическая стратегия», которая должна распространяться как на теоретические, так и на методологические вопросы. В статье на конкретных примерах демонстрируются возможности взаимодействия философии и когнитивных наук, в частности, автор справедливо указывает на то, что «конкретные когнитивистские дисциплины могут проливать новый свет на традиционные философские проблемы», для обсуждения которых философское сообщество получает вследствие этого новые аргументы. Замечания, которые можно сделать к статье, не являются препятствием для решения о её публикации. Так, предпочтительно избегать всё же выражения «когнитивистские дисциплины» (науки и т.п.), ограничиваясь «когнитивные»; дело в том, что только второе из этих выражений указывает на область исследования, а не на некие принимаемые предпосылки, что в данном случае было бы излишним (автор же не утверждает, что он занимает «когнитивистскую позицию» в дискуссии и т.п.). Во фрагменте «...традиционные философские проблемы: проблему сознание и мозг...» «сознание и мозг» следует взять в кавычки. Встречаются стилистические погрешности: «Также анализ развития когнитивных наук...» (следует избегать начинать предложение с «также»); «скажем, лишний раз показать проблематичность...» («лишний раз» здесь неуместно, автор же не считает это «лишним»); «под прицелом отклика со стороны философии...» (под прицелом?); «тезиса разъединенности науки...» (тезиса о разрыве?) и т.п. Однако подобные явно неудачные места могут быть исправлены в рабочем

порядке. Рекомендую принять статью к публикации в научном журнале.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Зайцев А.В. — Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX – начала XXI вв. (теоретико-методологический аспект) // Философская мысль. – 2023. – № 10. – С. 51 - 62. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68711 EDN: UDXZTO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68711

Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца XX – начала XXI вв. (теоретико-методологический аспект)**Зайцев Александр Владимирович**

ORCID: 0000-0003-4977-8828

кандидат философских наук, доктор политических наук
профессор, Костромской государственный университет
156005, Россия, Костромская область, г. Кострома, ул. Овражная, 20/23

✉ aleksandr-kostroma@mail.ru[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.10.68711

EDN:

UDXZTO

Дата направления статьи в редакцию:

15-10-2023

Дата публикации:

23-10-2023

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является теоретико-методологический аспект трансформации диалогических интеракций власти и общества в цифровой публичной сфере. Суть этой трансформации, происходящей в условиях укрепления цифрового информационного общества, заключается в реконфигурации «традиционной» публичной сферы в цифровую публичную сферу, гражданского общества в цифровое гражданское общество, привычного онлайн-диалога между властью и обществом в интерсубъективный цифровой онлайн-диалог. К сожалению,

многие из этих изменений вплоть до настоящего времени остаются до конца не изученными и не исследованным российской политической наукой и смежными с ней областями и отраслями социогуманитарного знания. Научная новизна статьи заключается в постановке вопроса о выборе наиболее адекватных теоретических и научно-методологических средств для исследования трансформаций, происходящих в цифровой публичной сфере в контексте диалога власти и общества. Главная цель написания данной статьи сфокусирована на изучении и отборе адекватного теоретико-методологического инструментария, позволяющего осмысливать ведущие трансформационные тренды в области коммуникационных технологий в условиях все более и более усиливающейся цифровизации всех сторон бытия жизни российского социума. Данное обстоятельство настоятельно требует акцентирования внимания на теории и методологии исследования происходящих трансформаций.

Ключевые слова:

цифровая публичная сфера, власть, общество, диалог, коммуникация, трансформация, Хабермас, агонизм, цифровизация, новая цифровая реальность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № F-ZEW-2023-0007.

Введение. Создателем целостной концепции о дискурсе власти и общества в особом коммуникативном пространстве, расположенному в пограничном пространстве между ними и названном публичной сферой, стал немецкий философ Ю. Хабермас. Впервые эту теорию он изложил в книге под названием «Структурная трансформация публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества» еще в 1962 году [1]. С тех пор книга неоднократно издавалась и переиздавалась, в том числе на английском языке [2]. На русском языке данный капитальный труд, поправленно вошедший в корпус классики политической философии XX столетия, был издан лишь в 2016 году [3].

Книга, по словам ее автора, была написана еще на рубеже 1950–1960-х годов, но, несмотря на это, Ю. Хабермас в ее многочисленные переиздания не вносил никакой правки. Не сделал этого он в и 19-м по счету переиздании, вышедшем в 1990 году, с которого и был осуществлен перевод книги на русский [3]. В предисловии к книге автор откровенно признался: «Перечитывая свой текст, написанный почти тридцать лет назад, я на первых порах испытывал искушение начать правку – что-то вычеркнуть, а что-то, наоборот, добавить. Однако чем дальше, тем яснее мне становилось, что это будет ошибкой» [3, с. 9]. Сделав одно исправление, Ю. Хабермас, по его утверждению, был вынужден объяснять, почему он не переработал всю книгу целиком. Подобная редактура, по признанию автора, «стала бы непосильной задачей» для него, ведь он уже «давно занялся другими проблемами и не мог отслеживать все новинки научной литературы, имеющие отношение к теме» [3, с. 9]. Да и неизменное внимание к книге со стороны публики, сохранявшееся в течение длительного промежутка времени, не позволило Ю. Хабермасу корректировать свои теоретические выкладки, сделанные много лет тому назад, хотя реальная жизнь давным-давно ушла вперед.

Публичная сфера жизни общества всегда выступала и продолжает свое современное бытие в качестве ведущей субстанции информационно-коммуникативного пространства,

где институты и организации гражданского общества вступают в интерсубъективный диалог с властью по предельно широкому кругу социально-значимых проблем и вопросов. В данной статье такие понятия как "публичная сфера", с одной стороны, и "диалог власти и общества", с другой, рассматриваются в одном смысловом и теоретико-методологическом ряду, поскольку, с нашей точки зрения, они не просто неразрывно взаимосвязаны друг с другом, но и онтологически предполагают существование друг друга. Диалог власти и общества невозможен без наличия публичной сферы. А публичная сфера, где формируется общественное мнение, возникает и развивается в процессе этого диалога. Прекращение диалога ведет к исчезновению публичной сферы, а при отсутствии последней становится невозможен и сам диалог.

Концепцию публичной сферы применительно к новым инфокоммуникативным и цифровым реалиям конца XX - начала XXI веков разрабатывал не только сам Ю. Хабермас и его адепты, но и многочисленные критики и оппоненты. Они, не отрицая сам факт существования публичной сферы, давали ей иные, отличные от хабермасианской характеристики и интерпретации. В контексте ускоряющегося процесса цифровизации всех сторон общественного бытия концепция публичной сферы хотя и подвергается все новым и новым трансформациям, однако не теряет своей актуальности и привлекательности как в праксеологическом, так и в общетеоретическом аспектах.

Еще до возникновения современных средств массовой коммуникации (в соответствии с точкой зрения Ю. Хабермаса) шел поступательный процесс возрастания объемов производства и циркуляции социально-значимой информации. Согласно ставшей классической хабермасианской концепцией публичная сфера позиционируется как транспарентное пространство для рациональной дискуссии, базирующееся на открытости, симметричности и дискурсивном равенстве субъектов социально-политической коммуникации. Дело в том, что именно в публичной сфере в ходе открытого диалога «вырабатывается то, что можно назвать «общественное мнение» [\[4, с. 26\]](#). В соответствии с хабермасианской версией публичной сферы российский исследователь Р. В. Кузьменко определяет современную политическую публичную сферу общества как множество «институциональных коммуникативных пространств», которые способствуют общественной делиберации, то есть коллективному «обсуждению и формированию общественного мнения» [\[5, с. 17\]](#).

Ю. Хабермас в своей теоретической интерпретации публичной сферы сфокусировал внимание почти исключительно на раннебуржуазной европейской публичной сфере [\[6\]](#). При этом он сильно приукрасил, идеализируя, это публичное пространство, уже давно ушедшее в прошлое, первоначально формировавшееся в элитарных салонах, кофейнях, библиотеках посредством печатных средств массовой информации, дискуссий, дебатов, споров и т.д.

Дальнейшее расширение области свободного дискурса и публичной сферы, которое было связано с появлением электронных средств массовой информации, социальных сетей и цифровых платформ обратной связи, осталось за пределами внимания Ю. Хабермаса, однако он тем не менее продекларировал начала кризиса и упадка своей нормативной модели публичной сферы. Принципы, на которых строилось его истолкование публичного пространства и происходящего в нем коллективного (делиберативного) поиска истины путем выбора «лучшего аргумента», не соответствовали жесткой конкуренции, политическому противоборству, борьбе за власть, коими была богато насыщена политическая практика конца XX и начала XXI столетий. За эти и многие другие недочеты, промахи, иллюзии ряд исследователей вполне заслуженно критиковал и

самого Ю. Хабермаса, и его теорию публичной сферы. Тем не менее и сам автор, и созданная им концепция публичной сферы получили небывалую популярность и распространение в среде политологов, социологов, философов, историков и юристов большинства стран мира, включая Россию. Аберрация хабермасианской конкретно-исторической модели публичной сферы, ее доктринальная рецепция в качестве чуть ли не универсальной модели, применимой в анализе любой общественно-исторической реальности, по-прежнему играет огромную теоретико-методологическую роль, в том числе в исследовании новейших инфокоммуникативных и цифровых процессов, разворачивающихся в контексте становления глобального информационного общества и цифровой цивилизации.

Основная часть. В условиях становления и развития глобального информационного общества все большую значимость приобретают каналы, механизмы и формы коммуникации власти и общества. Многие из них в условиях массовой цифровизации приобретают неизвестные черты, способы функционирования и распространения контента. В повседневную жизнь людей входят не только ранее не виданные гаджеты, коммуникаторы, высокоскоростные интернет-услуги, но и новые каналы и средства коммуникации, цифровые масс-медиа, платформы, форумы и порталы. Естественно, что происходят существенные трансформации как в структуре и инфраструктуре социальных, в том числе политических, коммуникаций, так и в формате диалога между органами власти и гражданами, институтами власти и гражданского общества. Процесс массовой цифровизации затрагивает эту важнейшую сферу инфокоммуникативного взаимодействия и обмена информацией между управляющим и управляемым сегментами политической подсистемы общества. Данное обстоятельство неразрывно связано с происходящим социо-технологическим переходом практически всех сторон жизни современного общества к современным цифровым, наукоемким, прорывным интеллектуальным технологиям. Ранее доминировавший в сфере коммуникации власти и общества онлайн-диалог подвергается глубокой цифровой трансформации и модернизации, институционализируясь в нарративном контексте публичной политики в формате онлайн-диалога и цифрового дискурса ведущих субъектов и акторов публичной политики современной России.

Здесь необходимо сделать уточнение, что под диалогом власти и общества – как «традиционным», так и цифровым – мы будем понимать прежде всего их инфокоммуникативное взаимодействие, посредством которого происходит обмен и распространение социально и политически значимой информации. Диалог – это коммуникация между ее двумя (или более) субъектами. Его акторами (участниками, коммуникантами, субъектами, агентами) выступают, с одной стороны, представители тех или иных органов власти (федеральной, региональной или местной, т.е. муниципальной). С другой стороны, в таком интерсубъективном диалоге участвуют отдельные граждане либо добровольные объединения граждан, то есть некоммерческие (негосударственные) организации и институты гражданского общества.

Если в условиях «доцифрового информационного общества» это общение протекало по преимуществу непосредственно «лицом к лицу», вербально, то, по мере цифровизации каналов, способов, механизмов и средств коммуникации, эти интеракции (диалог) стали приобретать все более опосредованный и дистантный характер. Иными словами, онлайн-диалог, существовавший еще со времен древнегреческой агоры или новгородского веча, стал подвергаться цифровой трансформации и постепенно превращаться в онлайн-диалог. Данное обстоятельство позволило заявить о формировании все более отчетливых контуров новой формы демократии – «цифровой демократии».

Под «цифровой демократией», уже прочно вошедшей в политологический тезаурус, мы будем понимать различные инфокоммуникативные практики политического участия, осуществляющиеся на основе цифровизации публичной сферы, диалога и делиберации между властью, организациями гражданского общества и отдельными гражданами в целях минимизации пространственно-временных затрат и издержек в процессе совместного разрешения различных по своему характеру и содержанию общественно-политических задач, проблем и вопросов.

Оцифровка средств массовой информации, бурное развитие интернет-коммуникаций и цифрового информационного общества в конце XX – начале XXI веков позволили публичной сфере в очередной раз вступить в процесс длительной трансформации (но уже в принципиально новой социокультурной парадигме, нежели в хабермасианской модели трансформации публичной сферы), построенной на базе социальных сетей, цифрового гражданского общества и цифровой демократии. О постхабермасианской цифровой трансформации публичной сферы и цифровизации каналов и способов коммуникации власти и общества пишет целый ряд как западных, так и российских авторов.

Среди отечественных философов, социологов и политологов, занимающихся проблемой цифровой трансформации публичной сферы, следует назвать таких авторов, как А.А. Сухоруков [\[7\]](#), А.В. Соколов и Е.А. Исаева [\[8\]](#), В.Н. Якимец и Л.И. Никовская [\[9\]](#), Д.С. Мартынов [\[10\]](#), С.В. Володенков [\[11\]](#) и др. При этом следует отметить, что кроме отдельных статей и публикаций каких-либо системных и глубоких теоретико-методологических и фундаментальных исследований в этой отрасли социогуманитарного знания в российской науке нет.

Среди зарубежных исследований следует отметить группу исследователей, которые пытаются дополнить и адаптировать теорию публичной сферы Ю. Хабермаса к новым условиям ее существования. Так, коллектив авторов сборника под многозначительным названием «После Хабермаса: новые перспективы публичной сферы» осуществил целенаправленный поиск иных, нежели у этого немецкого философа, оснований и источников теоретико-методологического истолкования процессов трансформации и модернизации современной публичной сферы [\[12\]](#). Одни из них, как, например, сразу три автора данного сборника, пытаются хабермасианскую версию публичной сферы дополнить и обновить идеями советского философа и литературоведа М. Бахтина и членов его кружка (В.Волошинова, Л. Пумпянского, М. Соллертинского и М. Юдиной) [\[12, р. 28-87\]](#). Другие рассматривают в качестве альтернативы хабермасианству идеи французского социолога П. Бурдье [\[12, pp. 88-112\]](#) или, к примеру, ученика Ю. Хабермаса, немецкого философа А. Хоннета (Axel Honneth) [\[12, pp. 113-130\]](#).

Однако, на наш взгляд, наиболее интересной, с точки зрения анализируемой нами проблемы, является статья североамериканского философа Дж. Бомана под названием «Расширение диалога: Интернет, публичная сфера и перспективы транснациональной демократии» [\[12, pp. 131-155\]](#). С его точки зрения, Интернет может стать новой формой публичной сферы, но при этом очень важно переосмыслить, что теперь следует подразумевать под терминами «публика» и «публичное» и что будет представлять собой публичная сфера в Интернет-пространстве. Дж. Боман отмечает, что цифровая публичная сфера вступает в фазу начальной институционализации на фоне недостаточно разработанного терминологического аппарата и отсутствия научного обоснования теоретико-методологических основ данного процесса.

Известный немецкий философ и социолог Р. Челикатес отмечает, что ни философы, ни политологи еще в полной мере не осмыслили происходящие процессы цифровизации публичной сферы и формирования глобальной транснациональной публичной сферы: с их стороны было бы огромной ошибкой «недооценивать креативный потенциал перехода от онлайн к онлайн-формам коммуникативного взаимодействия и политического действия» [\[13, с.167\]](#). Вместе с тем, было бы неверно, учитывая сложносоставный ландшафт новой формирующейся публичной сферы, идеализировать эти инновационные тенденции цифрового развития, или же, напротив, очернять их и дискредитировать. Поэтому Р. Челикатес предлагает «сначала внимательно рассмотреть некоторые структурные особенности цифровизации, а затем осмыслить концептуальные, нормативные и политические проблемы, которые она порождает» [\[13, 167-168\]](#).

Канадский философ Дж. Тилли в статье под названием «О глобальной множественности публичных сфер: демократическая трансформация публичной сферы?» утверждает, что в условиях глобальной цифровизации следует говорить не об одной, а о совокупности, то есть о множественности публичных сфер, «более или менее локальных, более или менее интегрированных, более или менее официальных, институционализированных и более или менее оцифрованных, а не о универсальной единой публичной сфере» [\[14, р. 167\]](#). Современная публичная сфера – это многосоставная публичная сфера, исторический конгломерат или, по его выражению, «постоянно меняющийся калейдоскоп разнообразных публичных сфер» [\[13, р. 167\]](#). Соответственно этому и цифровизацию, с точки зрения Дж. Тилли, следует понимать не как единый и односторонний процесс, трансформирующий ранее целостную и единую нецифровую публичную сферу, а как сложный и многоуровневый процесс, который преобразует и порождает множество цифровых публичных пространств и релевантных им цифровых публик. Все они – хотя и взаимосвязаны между собой, перманентно пересекаясь друг с другом, – «усложняют цифровой и нецифровой разрыв» между различными структурными уровнями и элементами многосоставной глобальной публичной сферы [\[13, р.167-168\]](#). Цифровизация, ее неравномерный и разнонаправленный характер развития в различных объективно существующих публичных сферах разительно изменили прежде единую доцифровую публичную сферу, когда-то представленную Ю. Хабермасом. В настоящее время, как пишет Дж. Тилли, цифровизация объективно уже существующих публичных сфер – это «открытый социальный и политический процесс, включающий множество арен и сфер» коммуникации власти и общества, где оспариваются различные точки зрения, протекают политическая борьба и противостояние, достигается взаимопонимание, компромисс и консенсус между различными субъектами, акторами и агентами публичной политики.

Значительная часть зарубежных авторов выделяет мейнстрим в трансформации современной публичной сферы, заключающийся в поступательном и неуклонном процессе формирования глобальной транснациональной публичной сферы [\[15\]](#),[\[16\]](#),[\[17\]](#). Среди наиболее авторитетных авторов, исследующих данный феномен, можно назвать американского философа Н. Фрейзер [\[18\]](#). В книге под названием «Транснационализация публичной сферы» она детально рассматривает применимость концепции публичной сферы Ю. Хабермаса к реалиям эпохи политической глобализации и цифровизации дискурса в сфере публичной политики. По мнению Н. Фрейзер, происходящие политические дебаты по наиболее злободневным общественно-политическим проблемам, уже давно, благодаря цифровым Интернет-технологиям, пересели существующие границы и вышли за рамки традиционных национальных государств и теперь протекают на наднациональном, то есть на глобальном дискурсивном уровне. Все это более чем

очевидно, с точки зрения исследовательницы, свидетельствуют о формировании и институционализации трансграничной и инклюзивной публичной сферы коммуникаций, дискусса и диалога [19]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, более чем наглядно свидетельствует о том, что цифровая публичная сфера современного общества не только существует, но и подвергается весьма существенным изменениям в процессе глобальной цифровой трансформации всего комплекса существующих форм, видов и разновидностей социальных коммуникаций в своей совокупности.

В отличие от целого ряда других мыслителей, так или иначе затрагивавших проблемы публичной сферы и публичной политики, Ю.Хабермас сильно преувеличивает роль разума и морали в политике, недооценивая ее с точки зрения конкурентной, состязательной или агональной стороны. Тем более, что в результате реального столкновения мнений, дискуссий, полемики, дебатов субъекты такой коммуникации далеко не всегда приходят к компромиссу и к консенсусу, проявляют толерантность и терпимость чужому мнению, стремятся к достижению объективной истины, а не к навязыванию своего мнения в качестве таковой.

Еще в Древней Греции, наряду с сократическим диалогом как способом совместного отыскания истины, существовали софистические диалогические практики, нацеленные на эвристический спор, внушение, убеждение. В таких практиках диалог – это борьба с оппонентом, подавление собеседника, а софистическая «логика» – эффективное средство для дискурсивной победы. Х. Аренд, анализируя античную публичную сферу, в отличие от Ю. Хабермаса, видела в ней не только арену для нахождения согласия, но место для спора. Диалог представлялся не столько речевым взаимодействием, сколько возможностью осуществления власти. «Полис, – пишет Х. Арендт, – стало быть само публичное пространство, было местом сильнейшего и ожесточеннейшего спора» [25, с. 55]

О спорах, борьбе мнений как о неотъемлемом атрибуте парламентаризма писали К. Шмидт и А. Филиппов. Для них упадок публичной сферы состоит не в росте агональных противоречий, как у Ю. Хабермаса, а, напротив, в их искусственном преодолении. «Положение парламентаризма в наши дни столь критично, потому что развитие современной массовой демократии сделало публичную дискуссию с использованием аргументов пустой формальностью, – утверждают авторы, – поэтому многие нормы современного парламентского права, прежде всего, предписания относительно независимости депутатов и публичности заседаний выглядят как избыточные декорации, ненужные и даже сомнительные... Партии... в наши дни больше не противостоят друг другу как мнения в дискуссии, они выступают как социальные или хозяйствственные силовые группы (Machtgruppen), калькулируют взаимные интересы и силовые возможности (Machtmöglichkeiten) обеих сторон и на этой фактической основе заключают компромиссы и коалиции» [26, с. 9].

Учение об агонистической модели демократии и агонистического плюрализма разрабатывали Ш. Муфф и Э. Лакло. Критикуя теоретиков делиберативной модели демократии в лице Ю. Хабермаса, Дж. Ролза, Дж. Коэна, С. Бенхабиб и др., Ш. Муфф упрекала своих оппонентов в том, что они наивно отрицают конфликтную по сути своей природу современного плюрализма. По ее мнению, «идеала плюралистической демократии нельзя достигнуть путем консенсуса в публичной сфере. Такой консенсус невозможен» [27, с. 196]. Для того, чтобы эффективно функционировать, демократия нуждается в живом столкновении демократических политических позиций. Исследовательница подчеркивает, что политический консенсус в публичной сфере недостижим, поскольку реально существуют разнонаправленные и непримиримые

противоречия в рамках агонистического, то есть состязательного плюрализма: «Создание пространства для разногласий и поддержка институтов, в которых эти разногласия могут проявляться, жизненно важны для плюралистической демократии» [\[27, с. 197\]](#).

Схожей позиции придерживаются и многие представители российской школы политической лингвистики. К примеру, одна из ее известных представительниц Е. М. Шейгал утверждает, что «диалогичность демократического дискурса заключена в его принципиальной полемичности» [\[28, с. 82\]](#). По ее мнению, «агональная природа политического дискурса предполагает использование, прежде всего, инструментальной агрессии как стратегии достижения поставленной цели: ниспровержение оппонента и завоевание власти» [\[29, с. 294\]](#).

Заключение. Таким образом, подводя итог проведенному нами анализу, мы можем констатировать, что на современном этапе эволюции и развития публичной сферы прежний онлайн диалог власти (государства) и гражданского общества постепенно замещается онлайн-диалогом между этими ведущими акторами публичной политики. Такой диалог, опосредованный цифровыми медиа, приобретает особую актуальность и все более смещается в пространство цифровой публичной сферы и цифровой публичной политики. В ходе цифровизации публичной сферы в ее инфраструктуре появляются новые коммуникативные механизмы и институты, призванные развивать и совершенствовать практики цифрового диалога власти и общества. В качестве одного из инновационных диалоговых механизмов можно назвать цифровые платформы обратной связи, которые всего лишь за несколько лет своего существования закрепились в институциональном дизайне цифровой публичной сферы. Цифровизация процессов субъект-субъектной коммуникации власти и общества ведет к усложнению и технологизации публичной сферы, порождая новые формы гражданской активности и способы интеракции между органами государственной власти и организациями гражданского общества.

Концепция развития и институционализации социальных медиа-коммуникаций немецкого философа в контексте новой цифровой реальности постепенно превращается в инновационную модель цифрового взаимодействия. В контексте цифровой публичной сферы находят воплощение как процессы сотрудничества между органами и структурами государственной власти и организациями гражданского общества, так и формы конфликтного взаимодействия между ними. Это обстоятельство настоятельно требует от современной политической науки, социологии и философии не только разработки современных теоретико-методологических основ цифровой публичной политики, но и решения целого комплекса практических задач.

Наиболее приоритетными среди них следует позиционировать разработку и институционализацию технологий управления цифровым интерсубъективным взаимодействием между двумя ведущими акторами цифровой публичной сферы: властью и социумом, государством и гражданским обществом, протекающим в формате онлайн-диалога. При этом, несмотря на особую теоретико-методологическую значимость концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, следует признать, что в условиях институционализации информационного общества она не в полной мере отвечает задачам сегодняшнего дня и должна быть дополнена другими версиями публичной сферы. В том числе такими интерпретациями публичного дискурса, где рассматривается не только сотрудничество субъектов коммуникации, но и их политическая конкуренция в контексте теории постправды, включая цифровое инфокоммуникативное соперничество,

борьбу, конкуренцию, противоборство, использование манипулятивных технологий, методов ведения гибридной информационной войны, производства и распространения фейк-ньюз. Использование этих технологий не отменяет публичную сферу, а придает ей новую цифровую конфигурацию, требуя в процессе управления ею разработки новых технологий, инструментов, методов и форм работы в сфере цифровой публичной политики.

Библиография

1. Habermas J. (1962). *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
2. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge Massachusetts: The MIT Press. 1991. 326 p.
3. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества/ пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Издательство «Весь мир». 2016. 344 с.
4. Казаков Ю. М. «Публичная сфера» Ю. Хабермаса: реализация в интернет-дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 3 (31). С. 125–130.
5. Кузьменко О. В. Перспективы цифровой трансформации политической публичной сферы // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2021. № 3 (39). С. 16-20.
6. Зайцев А. В. Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 5. С. 190–196.
7. Сухоруков А.А. Цифровая публичная сфера современного общества: особенности становления и контроля // Социодинамика. 2018. № 2. С. С. 14-22. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.2.24442
8. Соколов А. В., Исаева Е. А. (2022). Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022, Т. 24. 2022. № 4: 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>
9. Якимец В. Н., Никовская Л.И. О цифровой трансформации муниципальной публичной политики в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 95–101.
10. Мартынов Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 3. С. 20–32 DOI: 10.31429/26190567-23-3-20-32
11. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 6-25. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1
12. After Habermas: new perspectives on the public sphere / Ed. by N. Crossley, J.M. Roberts. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell publishing: Sociological Review, 2004. 184 P.
13. Celikates, R. (2015). Transformation of the Public Sphere? // Transformations of Democracy. Crisis, Protest and Legitimation. Ed. by R., Celikates, R., Kreide and T., Wesch. London, New York. Rowman & Littlefield. 2015. Pp. 159-174.
14. Tully, J. (2013). On the Global Multiplicity of Public Spheres: The Democratic Transformation of the Public Sphere? // Beyond Habermas: Democracy, Knowledge, and

- the Public Sphere, ed. Christian J. Emden and David Midgley New York: Berghahn Books. 2013, Pp. 169–204.
15. Rethinking the Public Sphere Through Transnationalizing Processes: Europe and Beyond. Salvatore, A., Schmidtke, O., Trenz, H-J (eds.) (2013). Palgrave Macmillan UK: 308 p. DOI 10.10 7/078-1-137-28320-7
16. Transnationalization of Public Spheres. Wessler, H., Peters, B., Brüggemann, M., Kleinen-von Königslöw K., Sifft S. (auth.). 2008. Palgrave Macmillan UK: 284 p. DOI 10.1057/0780230229839
17. Splichal, S. Transnationalization of the Public Sphere and the Fate of the Public. New York, 2012. Hampton Press: 253 p.
18. Fraser, N. (2007). Transnationalizing the Public Sphere. Ed. by K. Nash. Polity Press: 176 p.
19. Fraser, N. (2007). Transnationalizing the Public Sphere: On the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion // Post-Westphalian World. Theory, Culture & Society 24. 2007: 7–30.
20. Зайцев, А. В. Делиберативная демократия в контексте диалога государства и гражданского общества // Политика и общество. 2013. № 10 (106): 1231–1236. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.10.7708
21. Зайцев, А.В. Теоретико-методологические основания институционализации диалога государства и гражданского общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 1 (120). С. 231-236.
22. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельности жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с., [1] л.
23. Шмидт К., Филиппов А. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и мемократии) // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 6–16.
24. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. Пер. А. Смирнова. // Логос. 2004. №2 (42). С. 180–197.
25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. доктора филолог. наук. Волгоград. 2000. 431 с.
26. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : ИТ ДГК «Гнозис», 2004. 368. с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Заявленная в названии рецензируемой статьи тема, несомненно, обладает актуальностью, однако, к сожалению, содержание статьи не в полной мере соответствует её названию. Так, непонятно, почему введение целиком посвящено работе Хабермаса и её рецепции, если имя этого автора (на взгляд рецензента, явно переоцененного как в данной статье, так и в отечественном философском сообществе) не вынесено в название. Более того, и в основной части, и в заключении автор не может расстаться с воспроизведыми им суждениями Хабермаса, порою вообще весьма далеко отстоящими от той темы, которая представлена в названии статьи. Даже тогда, когда упоминаются другие авторы, их имена вводятся в оборот исключительно в связке с «кумиром»,

например, как «группа исследователей, которые, (зачем запятая? – рецензент) в изменившихся условиях пытаются дополнить или адаптировать теорию публичной сферы Ю. Хабермаса». Неудивительно, что вместо анализа реальной ситуации «диалога власти и общества» (которого и ждёт читатель, ориентирующийся на название) воспроизводятся многочисленные отвлечённые суждения, что находит отражение и в языке, стихийно требующем в ситуации отсутствия содержательной мысли искусственного усложнения: «интерсубъективное взаимодействие» (оно может быть и не «интерсубъективным»?), «важнейший мейнстрим» (случается и не «важнейший»?) и т.п. По-видимому, стихийным стремлением заполнить содержательные лакуны в повествовании обусловлена и страсть автора к перечислениям: «...гаджеты, коммуникаторы, высокоскоростные интернет-услуги ... каналы и средства коммуникации, цифровые масс-медиа, платформы, форумы, порталы, терминалы, социальные сети, инновационные маршруты отправления, транслирования, способы кодирования и декодирования, доставки и получения информации, формы и разновидности приватного и инклюзивного общения, хранения и получения контента, хостинги, сервисы, подкасты, стриминги и т.д. и т.п.». А что «и т.д. и т.п.»? Ниже встречаем: «...к современным цифровым, научоемким, прорывным интеллектуальным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, созданию механизмов переработки огромных объемов цифровых данных, роботизации производства и искусственного интеллекта...». Ну как не вспомнить перечисление животных из старой китайской энциклопедии, которое, по признанию М. Фуко, инициировала его работу над книгой, ставшей философским бестселлером прошлого века? В сравнении с обстоятельностью подобных перечислений результат рецензируемой статьи выглядит не слишком оригинальным: «прежний офлайн диалог власти (государства) и гражданского общества постепенно замещается онлайн диалогом между этими ведущими акторами публичной политики». Думается, читатели и сами могли бы это заметить, вряд ли ради подобного «открытия» следует тратить время на чтение нескольких страниц текста. Оформление рецензируемого материала также вызывает немало нареканий. Много опечаток и пунктуационных ошибок («политологов, занимающихся проблемой цифровой трансформацией («трансформации» – рецензент) и публичной сферы (почему «не закрыт» причастный оборот? – рецензент) следует назвать...»; «многие из них, в условиях массовой цифровизации, (зачем запятые? – рецензент) приобретают...»), а также стилистических недочётов («концепция о дискурсе») и даже орфографических ошибок: «не виданные гаджеты», – а встречаются «виданные»? Отмеченные черты рецензируемой статьи не позволяют принять решение о возможности её публикации в научном журнале в её сегодняшнем виде, рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Трансформация концепции публичной сферы Ю. Хабермаса в инфокоммуникативной и цифровой реальности конца ХХ – начала ХХI вв. (теоретико-методологический аспект)» выступает научный дискурс предметом которого являются концепции диалога власти и гражданского общества на общей платформе «публичной сферы». Автор констатирует изменения, произошедшие в публичной сфере после вхождения в жизнь цифровых технологий и интернет-общения и обосновывает необходимость переосмыслиения форм взаимодействия власти и общества в этих условиях. Очевидно, данная статья рассматривается автором в качестве вводной для

дальнейшего исследования публичного пространства диалога власти и общества, поэтому задача, решаемая в ней – обрисовка актуального состояния исследований в данной области.

Методология исследования – герменевтический анализ концепций публичной сферы второй половины 20 – начала 21 веков, их сравнительный анализ, а также оценка релевантности тех или других мыслительных моделей социальной реальности современности.

Актуальность исследования связывается автором с изменениями, происходящими в публичной сфере, ее цифровизация, переход из реальных взаимодействий в онлайн пространство. В статье подчеркивается, что процессы сотрудничества между органами и структурами государственной власти и организациями гражданского общества, не являются прерогативами и доминирующими в публичной сфере, наряду с ними в современном социуме активно развиваются формы конфликтного взаимодействия, которые также должны быть осмыслены политическими философами. Это обстоятельство требует от современного научного дискурса, включающего политологию, социологию, философию разработку современных теоретико-методологических основ цифровой публичной политики.

Научная новизна связана с обзором наиболее влиятельных концепций публичной политики, начиная с классической работы Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества» 1962 года, заканчивая современными отечественными и зарубежными статьями. Автор констатирует, что в отечественной политической философии на сегодняшний день, кроме отдельных статей и публикаций, каких-либо системных и глубоких теоретико-методологических и фундаментальных исследований нет. Возможно именно работы автора данной статьи восполнят лакуны исследовательского поля.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Автор раскрывает ключевые понятия статьи, оговаривая варианты интерпретации таких терминов как «публичная сфера», «диалог власти и общества», «цифровая демократия».

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В основной части работы автор последовательно анализирует и отмечает соответствие моделей реальной ситуации в современном обществе таких философов как Ю. Хабермас (который, по мнению автора приукрасил в своей концепции публичное пространство, исключив из него конкуренцию и вражду), Дж. Боман, Р. Челикатегес, Дж. Тилли, Н. Фрейзер, К. Шмидт, А. Филиппов, Ш Муф.

Библиография статьи включает 26 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует в виде отсылок к современным исследователям, оценивающим как творчество Ю. Хабермаса, так и саму тему трансформации публичной сферы.

Статья будет интересна широкому кругу философов, политологов, социологов, историков философии, а также непрофессиональной аудитории благодаря ясному стилю изложения.

Необходимо обратить внимание автора на присутствие множественных опечаток в тексте, которые необходимо исправить, в том числе вставить пропущенную ссылку в первом абзаце заключения.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г. — Проблема свободы в философии Джона Локка: семиотическое прочтение // Философская мысль. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.40080 EDN: SVKINU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40080

Проблема свободы в философии Джона Локка: семиотическое прочтение

Ухов Артем Евгеньевич

ORCID: 0000-0002-0378-7879

доктор философских наук

доцент, кафедра философии и истории, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина

160022, Россия, Вологодская область, г. Вологда, ул. Советский пр-т, 75

 uae893@yandex.ru**Ковров Эдуард Леонидович**

ORCID: 0000-0001-7424-7119

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии и истории, Вологодская молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина

160555, Россия, Вологодская область, г. Вологда, Молочное, ул. Шмидта, 2

 edkovrov@rambler.ru**Симонян Элеонора Гамлетовна**

ORCID: 0000-0003-3158-5075

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии и истории, Вологодская молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина

160555, Россия, Вологодская область, г. Вологда, Молочное, ул. Шмидта, 2

 eleonora8@mail.ru[Статья из рубрики "Философия свободы"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2023.10.40080

EDN:

SVKINU

Дата направления статьи в редакцию:

29-03-2023

Дата публикации:

26-10-2023

Аннотация: Объектом исследования являются философско-политические взгляды одного из самых ярких классиков философии Нового времени Дж. Локка, предметом – проблема свободы индивида в философии Дж. Локка. Статья показывает связь социальных конструкций политического либерализма с ее онтологическим обоснованием в системе Дж. Локка. В ходе семиотического и сравнительно-философского анализа взглядов философов Нового времени Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, Р. Фильмера, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, анализируются такие проблемы, как природа государственной власти, понятие свободы, естественный закон, естественное право, общественный договор, право народа на революцию. Выявляются семиотический контекст естественного закона и естественного права, делается вывод, что счастье – цель исканий человека Нового времени, – по Локку, состоит в том, чтобы быть разумным и, поэтому, свободным существом. Увязывая природную необходимость быть свободным существом не только с организацией государственной власти, но и религиозной потребностью, Локк делает вывод, что само политическое участие может рассматриваться не просто как способ достижения свободы, но и как самоцель процесса морального и политического самосовершенствования человека. Государственная власть для Локка оказывается составной частью общества, а баланс между ними всегда смещается в сторону общества как источника общественного договора. При этом негативный смысл свободы у Локка превалирует над позитивным, избавляя последнего от скатывания к тоталитаризму якобинского типа, как у Руссо. Делается вывод об актуальности идей о необходимости свободного выбора граждан для построения правового государства и развития демократии.

Ключевые слова:

свобода, личность, либерализм, право, нравственность, семиотика, общественный договор, естественное право, общественное благо, самостоятельность существования

Проблема личной свободы остается одной из самых насущных проблем человеческого бытия. От того, как человек понимает личную свободу, зависит, в конечном счете, признает ли он себя ответственным за собственную судьбу, за судьбы других людей, общества и культуры, к которым сам принадлежит. Для решения данной проблемы необходимо обратиться к философской классике Нового времени потому, что именно в XVII и XVIII веках в Европе утвердилась идея личной свободы и родились социальные институты, опирающиеся на осознание этой свободы. В этот период была предпринята попытка перестроить социальный порядок на основе индивидуальной свободы человеческой личности, ее свободного самоопределения по отношению к обществу, продуктом которого она (личность) является.

Объектом исследования является философско-политические взгляды одного из самых ярких классиков философии Нового времени Дж. Локка, предметом – проблема свободы индивида в философии Дж. Локка. Принимая во внимание, что в рамках философии

Нового времени проблематика той или иной проблемы еще сохраняла античную традицию синкетического прочтения, мыслилась неразрывно от других общефилософских проблем, представляет интерес проследить истоки и становление идеи свободы у Дж. Локка через призму его личного философского мировоззрения, так сказать, его «жизненного мира». Иными словами, выдвигается гипотеза, что идея общественного договора, понимание свободы как неотъемлемых прав и свобод индивида – отдельного элемента общества, неотрывна от общефилософского подхода эмпиризма и веры в науку как преобразующую силу общества. Задача данной статьи показать связь социальных конструкций политического либерализма, в которых гражданская свобода выступает основной духовной ценностью с ее онтологическим обоснованием. В этом должен помочь семиотический подход, изображающий любой текст как систему символов и знаков, сигналов и идеологий, зашифрованных в код [\[16, с.414\]](#), расшифровать которые возможно только антидогматически – в диалоге автора-читателя. Согласно Р. Барту, задача такого подхода состоит «не в том, чтобы проникнуть в мотивы повествователя или понять эффект, производимый рассказом на читателя», а в том, чтобы «описать код, при посредстве которого повествователь и читатель обозначиваются на протяжении всего процесса рассказывания» [\[1, с.220\]](#).

Таким образом, отправной гипотезой будет неслучайный, социально обусловленный характер самой либеральной идеи – доминирующей идеи современности, а либерализма – преобладающего типа политического сознания западного общества. Свобода провозглашается либерализмом высшей ценностью и условием развития общества и государства. Но свобода не единственная ценность, нуждающаяся в утверждении. И на уровне лозунгов, и на уровне глубинных связей, непременным спутником свободы выступает политическое равенство, то есть участие всех граждан в образовании общей воли. Само политическое участие может рассматриваться не просто как способ достижения свободы, но и как самоцель процесса морального и политического самосовершенствования человека. Тогда можно говорить о демократии как идее, демократизме, для которого сама свобода личности выступает следствием установления всеобщего равенства.

Происхождение и анализ концепции свободы Дж. Локка и возможности применения их в современной модели государства являлись объектом внимания отечественных философов сравнительно недавно. Среди авторов: Т.Л. Белкиной, А.С. Комарова, Н.Г. Осиповой, Г. И. Королевой-Конопляной, А.А. Яковлева, А.В. КовалеваВ.В. Майоров, В.А. Куприянов, Г.Ю. Кнох, А.А. Исаков, И. Берлин, А.С. Абрамян, Л.В. Чеснокова, Р.Н. Пархоменко, J. Dunn, J.W. Gough, R. Ashcraft и другие отечественные и зарубежные исследователи. Например, Р.Н. Еникеев приходит к выводу о «необходимости полного восприятия и в нашей стране идей правового государства», так как тогда «не только легитимации государства, но и проблема исторической судьбы такого государства: правовое государство – это государство, формируемое самими свободными гражданами, и это государство будет функционировать до тех пор, пока будет функционировать само гражданское общество» [\[5, с.19\]](#).

Теория свободы Локка – это закономерный синтез идей «натуральной» философии XVII века, распространяющих новую методологию на все, без исключения, стороны жизни общества.

Исторические корни теории Локка очевидны. Свои «Трактаты о правлении» он опубликовал в 1669 году, через 18 лет после опубликования Гоббсом своего эпохального «Левиафана». Эта книга не просто начала ряд социальных теорий Нового

времени, но определила их характер и даже структуру. Локк не исключение: он ссылается на Гоббса и полемизирует с ним. Одновременно он понимает главное – политическая программа Гоббса выполнена. Война «всех против всех», по крайней мере в Англии, завершена. Абсолютизм справился с задачей по наведению элементарного государственного порядка. Семиотически это можно расшифровать так: после «Славной революции» 1668 года Англия вступила в созидающую полосу жизни и от социальных наук потребовались теории, отрицающие абсолютистские притязания государства на свободу своих подданных.

Концепция свободы Локка базируется на нескольких знаковых объектах: свободе совести, свободе воли, правах на собственность и жизнь, свободе от насилия государства. Чтобы расшифровать код локковского понимания свободы, нужно рассмотреть каждый элемент в отдельности.

Свою главную задачу Локк видел в метафизическом обосновании идеи человеческой свободы. Он считал, что свобода проистекает из осознания внутренней способности человека «начать некоторые действия или воздержаться от них, продолжить их или положить им конец» [\[8, с.288\]](#). Будучи идеей силы, свобода – результат действия как ощущения, так и рефлексии: «Так как все действия, идеи которых есть у нас, сводятся к ... мышлению и движению, то, поскольку человек имеет силу мыслить или не мыслить, двигаться или не двигаться, согласно предпочтению или распоряжению своего собственного ума, постольку он свободен» [\[8, с.289\]](#).

Подход Локка существенно отличается от подхода Томаса Гоббса, который считал, что причину всякого человеческого действия следует искать во внешнем воздействии. Для Локка же «не может быть свободы там, где нет мысли, нет хотения, нет воли» [\[8, с.289\]](#). В этом Локк сближается с Ж.-Ж. Руссо, который считал, что желание быть господином самому себе делает индивида свободным: свобода соотносится с возможностью принимать решения согласно своей воле, то есть, свобода есть стремление человека быть свободным от внешнего давления. В то же время Локк, как и Гоббс, отрицает свободу воли, но не отрицает наличие у человека самой воли. Понятие «свободная воля» лишено для него смысла потому, что и свобода, и воля различные способности: сила совершать действия – свобода, а сила побуждать себя совершать, продолжать или прекращать какое-либо действие – воля. Фактически он признает то, что другие философы назвали бы «свободой воли» понимая под этим неоднозначную недетерминированность выбора.

Понятие «свободная воля» – результат путаницы понятий, которая проистекает из гипостазирования понятия «воля». И воля, и разум – модусы мышления, при помощи которых совершается действие восприятия и выбора. Ни сила мышления не действует на силу выбора, ни сила выбора на силу мышления. Воля проявляется в акте хотения, но «человек не способен хотеть или не хотеть, потому что он не может воздержаться от хотения, а свобода состоит в силе действовать или воздерживаться от действия и только в этом» [\[8, с.297\]](#).

Локк понимает, что психические законы так же каузально необходимы, как и физические, но они не сводимы к механическим воздействиям. Если же считать причиной ощущения толчок, как это делает Гоббс, то всякий поступок человека и любое его хотение будет обусловлено механическим воздействием внешнего мира на тело человека. Так как первоначальная причина находится вне человека, то и само действие не находится в его власти. Пытаясь если не решить, то хотя бы обойти психофизическую

проблему, Локк обращается к религиозному обоснованию. Сам Локк не усматривает источник движения в самих телах потому, что сами по себе они не дают нам идею силы, но, в лучшем случае, смутную идею активности. Идею активной силы ум получает в результате рефлексии над собственной деятельностью. Отвечая на вопрос: какие же мотивы побуждают ум действовать, Локк называет в качестве такового «некоторое беспокойство ума из-за недостатка отсутствующего блага»[\[7, с.301\]](#). Именно оно, а не высшее благо, определяет активность индивида. Позиция, которую Локк занимает по этому вопросу в «Опыте о человеческом разумении» существенно отличается от его же позиции в «Опыте о законе природы». В последнем труде он признает существование положительного блага, которое существует объективно и постигается человеком благодаря знанию «закона природы», указывающего на пути достижения этого блага. Так как врожденные идеи отсутствуют, мы ничего не знаем об этом благе, но при помощи «естественнога света разума» познаем этот закон и понимаем, что существует Бог – верховный законодатель и податель всех благ. В «Опытах о законе природы» Локк вплотную приблизился к деизму, но и преувеличивать это обстоятельство все же не стоит: принципиального разногласия с позицией церкви у Локка нет. Согласно Дж. Данну, для Локка «богословие было ключом к последовательному пониманию человеческого существования», так как свобода мысли была необходима, чтобы правильно толковать свои обязанности перед Богом, «человеческий разум должен был стать свободным, чтобы люди могли яснее осознать свое неизбежное заточение в упряжи, в которую Бог загнал людей в этот мир со времен преступлений их прародителя»[\[20, р. 263-264\]](#). Фома Аквинский тоже признавал существование естественного закона и считал, что люди постигают этот закон через откровение и посредством разума. Но в «Опыте о человеческом разумении» Локк отказывается от данной позиции: объективного и обязывающего всех закона нет. Каждый индивид сам определяет себя к действию и не руководствуется при этом идеей высшего блага. Человек совершенно автономен и руководит им исключительно естественный закон. Принцип самоопределения распространяется Локком с области теории познания на социальную философию – в этом еще одна расшифровка кода локковской свободы. «Поэтому каждый человек благодаря своей организации в качестве разумного существа подчинен необходимости того, чтобы его воля определялась его собственными мыслями и суждением о том, что для него всего лучше сделать, иначе мы подчинялись бы чьему-нибудь чужому, а не своему собственному решению, что означает отсутствие свободы»[\[7,с.314-315\]](#).

Человек вправе стремиться к тому, что он сам считает благом и избегать того, что он считает злом. Локк связывает свободу человека с моментом осуществления желания и тем самым намечает учение о свободе плюралистической – либеральной. Если о социально-политических взглядах Локка можно говорить, что они имели предшественников, то в плане метафизического обоснования либеральной свободы у него нет предшественников. После признания того, что не высшее благо определяет человека к действию, Локк выдвигает положение о возможности задержки окончательного решения человеком при выборе наилучшего. «При наличии множества всегда тревожащих и готовых определить волю беспокойств самое сильное и гнетущее из них, как я уже говорил, естественно, должно определить волю к ближайшему действию. Так и бывает по большей части, но не всегда. Ведь если ум преимущественно, как очевидно из опыта, имеет силу откладывать выполнение и удовлетворение любого из своих желаний и, следовательно, всех, одного за другим, то он свободен рассматривать их объекты, изучать их со всех сторон и сравнивать с другими. В этом заключается свобода человека»[\[7,с.313\]](#).

Локк считает, что человек – существо рефлексирующее, а не механический автомат (здесь он критикует Декарта): в его власти обдумывать все обстоятельства и отказываться от осуществления какого-либо действия, если оно противоречит счастью человека, как он сам его понимает. Человек – разумное существо, хотя и вписанное в определенный порядок вещей, но свободное, если оно может определять волю силой предварительного исследования хороших и дурных сторон предмета своих желаний.

Целью человеческих поступков Локк называет истинное счастье: «Необходимость добиваться истинного счастья есть основа всякой свободы. Как высшее совершенство разумного существа состоит в тщательных и постоянных поисках истинного и прочного счастья, точно так же наша забота о самих себе, о том, чтобы не принять мнимое счастье за действительное, есть необходимая основа нашей свободы» [\[7, с.316\]](#). Но в чем это счастье состоит? Ответить на этот вопрос не просто. Иногда Локк ставит знак тождества между истинным счастьем и высшим блаженством, которое состоит в достижении небесного царства. Иногда считает, что: «приятный вкус зависит не от самих вещей, а от их привлекательности для того или другого отдельного неба, в чем наблюдается большое разнообразие, так и высшее счастье состоит в обладании вещами, доставляющими высшее удовольствие, и в отсутствии вещей, причиняющих какое-нибудь беспокойство, какое-нибудь страдание. А для различных людей они различны» [\[7,с.319\]](#).

Здесь для социального мыслителя возникает серьезная проблема: как при том, что ум имеет различные склонности, возможно гармонизировать отношения между людьми. Локк считает, что это выполнимая задача, потому что человек стремится к лучшему и свобода не противоречит его разуму. Учитывая, что Локк отрицает всякие самоочевидные аксиомы нравственности, непонятно из какого принципа вытекали бы обязательные для всех оценки человеческой деятельности. Положительный ответ Локка на вопрос о возможности гармонизации действий индивидов кажется парадоксальным, если принять во внимание его утверждение, что ни сила мышления не действует на силу выбора, ни сила выбора на силу мышления. Эту мысль довел до логического конца Д. Юм, который считал, что «разум сам по себе никогда не может быть мотивом какого-либо акта воли... что он никоим образом не может препятствовать аффектам в осуществлении их руководства волей» [\[17,с.554\]](#). Получается, что человек не вступает в противоречие с разумом даже если он предпочитает несомненно меньшее благо большему. И кто может выступить арбитром при определении того какое благо считать наивысшим? Это риторический вопрос, если учесть, что «порок и добродетель могут быть сравнимы со звуками, цветами теплом и холодом, которые, по мнению современных философов, являются не качествами объектов, но перцепциями нашего духа» [\[17,с.554\]](#). Человек становится абсолютно свободным от всякого трансцендентального авторитета. Ценой разрыва разума и аффективной сферы человека, либерализм получил абсолютную свободу индивида. Для мыслителей либерального направления XIX века (Дж. Милля и Бентама) целью человеческой жизни становится достижение индивидуального счастья, понимаемого как получение максимальной пользы и удовольствия. И только сам человек знает в чем состоит его счастье. Для Локка же человек – существо разумное и способное отказаться от своих намерений, если они не соответствуют критерию разумности.

То обстоятельство, что Локк в «Опытах о человеческой природы» отказался от понимания божественной воли как источника «закона природы», следует учитывать при анализе его социально-политических взглядов. Дело в том, что он сохранил термин «естественный закон» и в своих «Трактатах о правлении». Но здесь Бог, который

санкционирует естественный закон, мыслится Локком чисто деистически. Локк отказывается от понимания естественного закона как всеобщего и обязательного для всех и каждого: в плюралистической системе у каждого свое благо и каждый сам определяет пути его достижения. Общество состоит из индивидов, изолированных друг от друга собственными эгоистическими интересами. Никаких врожденных идей, в том числе «естественного закона», не существует, но люди в состоянии постигать общий интерес. Он заключается в создании наилучших условий для достижения своих целей. На путях осознания и осуществления этого общего для всех интереса возникает государство – инструмент гармонизации эгоистических интересов индивидов.

Еще одно существенное отличие теории Локка от теории Гоббса – радикальное отрицание притязаний абсолютизма на власть. Первая книга «Двух трактатов о правлении» сводит окончательные счеты с доктриной теологического обоснования абсолютной власти, полемизируя с талантливым защитником абсолютизма – Р. Фильмером. Факт, что люди свободны, не нуждается в доказательстве, так как является для него аксиомой. Для Фильмера аксиомой является прямо противоположный взгляд. Ход мысли Локка таков: если Фильмер не может доказать, что люди не свободны, то ни о какой власти над людьми, которая была бы установлена помимо их согласия, не может быть и речи. Монарх управляет и повелевает людьми только на определенных условиях. А именно, на условии признания за ними неотчуждаемых прав. Что касается патримониальной теории происхождения абсолютной власти, которую использует Фильмер, то и она не может служить этой цели. Дело в том, что отец не обладает абсолютной властью над своими детьми. Во-первых, потому, что есть еще и мать. А во-вторых, существует естественный закон, ограничивающий власть отца. Кроме того, как указывает С.С. Пациашвили, различия концепций Локка и Фильмера связаны с двусмысленностью терминов в интерпретации власти как «щедрости» и как «скрупости» отца: «Фильмер убеждён, что власть отца строится на щедрости, а не на скрупости, патернализм – это всегда иерархия щедрости»[\[11, с.228\]](#). С другой стороны, Локк возражает Фильмеру и настаивает на том, что власть монарха-отца есть не иное, как деспотизм, основанный на скрупости. Поскольку первобытные общества постоянно находятся на грани голода и нужды, возникающая из этого жадность приводит к неравенству, имущественное и правовое расслоение и неудовлетворенность. Но «власть отца может переломить это естественное состояние, поскольку смысл отцовства заключается в щедрости, но и отец всегда будет оставаться человеком, и потому до конца не сможет упразднить дефицитность», поэтому, чтобы упразднить первобытное состояние неравенства, люди создают правительства, отсюда задача правительства «заключается лишь в том, чтобы сохранить всех равными в их нищете, защитить естественные права людей»[\[11, с.228\]](#).

Точно так же не может служить доказательством прав абсолютизма и право собственности потому, что люди рождаются свободными, а собственность только на вещи. Таким образом, рабство отрицается.

Вся социальная философия Локка – вариации на тему свободы. Если в первом «Трактате» Локк объясняет, что не есть свобода, то во втором показывает, что такое свобода и как она сохраняется в гражданском состоянии. Свою модель политического устройства Локк конструирует в соответствии с образцом, предложенным Гоббсом. В обществе, которое находится в естественном состоянии действует естественное право, но не действуют политические институты. Поведение людей в естественном состоянии определяется их природными потребностями, а роль регуляторов отношений между людьми принадлежит естественному праву и естественным законам. Естественное

состояние для Локка, во-первых – состояние полной свободы в отношении действий людей и в «отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы и не завися от чьей-либо воли» [\[7.с.263\]](#). Во-вторых, это состояние равенства, при котором всякое обязательство является взаимным потому, что «Естественное состояние имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого; и разум, который является этим законом, учит всех людей, которые пожелают с ним считаться (выделено автором – Э.К.), поскольку все люди равны и независимы, поскольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [\[7.с.264-265\]](#).

Локк строит теорию социального атомизма, согласно которой люди в своей свободе ограничены не столько социальными связями и отношениями, сколько законами природы и естественным состоянием. Покушение на свободу, жизнь и собственность – неотчуждаемые права человека – нарушение закона природы. Как пишет А. Яковлев, Локк понимает свободу так, чтобы «не быть под какой бы то ни было иной законодательной властью, кроме той, которая установлена, через согласие, в государстве, и не находиться под господством чьей бы то ни было воли, и не быть ограниченным каким-либо законом, кроме того, который будет введен в действие законодательным органом в соответствии с доверием, которое мы ему оказываем» [\[18. с.141-142\]](#). Государство создано и существует для пресечения и предотвращения этих нарушений. Локк не противопоставляет естественное, социальное и государственное состояния. Отсюда полемические заявления, направленные против Гоббса, который считал, что абсолютная монархия предпочтительнее естественного состояния: «абсолютные монархи всего лишь люди, и если правление должно быть средством, избавляющим от тех зол, которые неизбежно возникают, когда люди оказываются судьями в своих собственных дела, и естественное состояние поэтому нетерпимо, то я хочу знать, что это за правление и насколько оно лучше естественного состояния, когда один человек, повелевая множеством людей, волен быть судьей в своем собственном деле и может поступать в отношении всех своих подданных, как ему заблагорассудится, причем никто не имеет ни малейшего права ставить под сомнение правоту или проверять тех, кто осуществляет его прихоть?» [\[7.с.269\]](#).

Из этого следует, что Гоббс ошибается, когда считает абсолютную власть лучшим лекарством от революций, которые возвращают людей к естественному состоянию войны всех против всех. Там, где попираются неотчуждаемые права личности, войны и социальные потрясения неизбежны. Гражданская война – следствие деспотизма, а не результат естественного состояния. Война всех против всех – результат извращения государственного состояния, когда государство нарушает общественный договор и посягает на права человека. Нормальное состояние политической организации означает стабильность и организацию народа в единое целое, когда каждый гражданин может рассчитывать на помочь всему сообществу в лице государственных органов. На смену естественной свободе человека, когда человек руководствуется исключительно законом природы, приходит свобода гражданская, которая «заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием» [\[7.с.274\]](#).

Причину перехода общества от естественного состояния к политическому Локк объясняет

традиционным для мыслителей XVII века образом – общественным договором. Его заключение проходит в два этапа. Сначала индивиды отказываются от своего естественного права самостоятельно защищать естественный закон. Они делегируют свое право государству. Далее вся государственная власть передается государственному органу – правительству. Таким образом, «каждый человек, согласившись вместе с другими составить единый политический организм, подвластный одному правительству, берет на себя перед каждым членом этого сообщества обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным» [\[7.с.318\]](#).

Верховная власть является священной и неотчуждаемой в руках тех, кому она доверена народом. Но для Локка установления этой власти «создаются не ради самих законов, а для того, чтобы они выполнялись и тем самым служили узами, связывающими общество» [\[9, с.17\]](#). Одновременно «она не является...абсолютно деспотической в отношении жизни и достоинства народа...Эта власть в своих самых крайних пределах ограничена общественным благом» [\[7, с.340\]](#). Как только государственный орган посягнет на свободу, жизнь или собственность граждан, он нарушит естественный закон и тем поставит себя вне закона. В его руках останется сила, но не право, которое вернется к тому, кто создал государственный орган, к народу. Локком также предусмотрен механизм защиты общества от злоупотреблений со стороны государства, который позднее будет назван механизмом разделения властей, а государство с таким механизмом – правовым.

Итак, источником власти по Локку является народ. С этой точки зрения он подвергает критике точку зрения Гоббса на роль и значение абсолютной верховной власти. Абсолютная верховная власть сохраняет то неудобство естественного состояния, что в государстве остается кто-то являющийся судьей в собственном деле. Однако политическое сообщество для того и создано, чтобы устраниć это неудобство. Если осуществляющий верховную власть не подчиняется закону он, по-прежнему находится в естественном состоянии. А если власть опирается на грубую силу, война всех против всех может вспыхнуть с новой силой.

Локк предусматривает ситуацию, когда власть может действовать сообразно собственному разумению, выходя за рамки закона. Это прерогатива, которая «является не чем иным, как правом творить общественное благо без закона» [\[7, с.360\]](#). В случае, когда народ безмолвствует, но не в смысле морального осуждения, а в смысле поддержки верховной власти, прерогатива оправдана. Но «не может быть судьи между законодательной властью и народом, если исполнительный либо законодательный орган, получив власть в свои руки, умыслил поработать, или уничтожить народ, или станет осуществлять это. Против этого у народа нет никаких средств, как и во всех других случаях, где для него нет судьи на земле, кроме как обращения к небесам» [\[7.с.361\]](#).

Разумеется, Локк сторонник стабильности и неприкосновенности однажды установленных законов, но так как источником власти является народ, могут возникать ситуации, когда он пожелает заменить или устраниć законодательный орган, который действует вопреки его воле. Но, так как Локк четко обозначает границы власти государства, революция, а именно ее имеет в виду Локк, говоря о праве народа «возвратить к небесам», правомерна, когда она защищает естественные права человека – его право на свободу, жизнь и собственность. По мнению А. Яковлева, Локк имеет в виду, что если правительства «систематически злоупотребляют доверием и ставят себя вне гражданского общества, а послушание чревато гибелью людей и нации, индивиды и гражданское общество реализуют естественное право на сопротивление с целью сохранения жизни, свободы и

имущества, защиты общего блага страны и человечества» [\[19, с.93\]](#).

Свобода является решающим элементом естественного права, но она не гарантирована, пока человек лишен права помещать свою волю в любую вещь и без права на владение своим телом. Иначе говоря, человек – свободное существо, которое имеет право распоряжаться собой и плодами своего труда. Все три права неразрывно связаны друг с другом. Все это ипостаси единого земного бога, святая троица секуляризированного человечества. Все они обуславливают друг друга, поглощаются друг другом, немыслимы друг без друга. Свобода – абсолютная ценность. Невозможно представить общество, где гарантировались бы права человека, но попиралось бы право на самостоятельный поиск высших истин разума, которые играют роль ориентиров в выборе человеком между добром и злом, право на независимое личное суждение о Боге, мироздании, смысле человеческой жизни. И что характерно именно для Локка – право на действие, вытекающее из наших свободных суждений, из осуществления своего призыва.

Уже в «Опытах о законе природы» эта мысль выражена достаточно ясно. Хотя Локк и говорит здесь о законе природы как проявлении божественной воли, но к познанию этой воли человек приходит сам. Для того чтобы человек познал закон природы, человеку не нужен наставник, как не нужна никакая интеллектуальная традиция.

Так как Локк отрицает существование врожденного знания, то даже бы единодушное согласие всех людей относительно должного, не было бы достаточным основанием для уверенности в истинности всеобщего суждения о должном.

Человек обязан самостоятельно разыскивать истину, самостоятельно разбираться в проблемах, относящихся к его пользе. Это то, что человек не может перепоручить никому. Это означает одновременно, что морально недопустима всякая попытка кого-либо решать за человека то, что может быть сделано только им самим. Как и у Декарта, сомнение здесь неизменный спутник человека Нового времени. Преодолевается это сомнение усилиями сомневающегося. Деспотизм противоестествен и потому, что превращает людей в рабов, лишая их естественного права самостоятельно отыскивать истину. Никакие благие соображения не могут оправдать подобные попытки, никто не имеет права притязать на убеждения человека. Связь данных размышлений Локка и реформационного движения очевидна. Однако, выводы Локка более радикальны. В «Послании о веротерпимости» принцип инакомыслия доведен до требования отделения идеологического института церкви от государства. Это положение социальной философии Локка свидетельствует, что западная цивилизация вступила на путь светской государственности и религия превращается в частное дело отдельного гражданина. Пройдет немного времени и таким же частным делом станет атеизм (известно, что Локк не распространял принцип веротерпимости на атеистов). Четкое разграничение функций государства и церкви позволяет Локку сделать вывод о недопустимости гражданских правителей заботиться о душах своих подданных. Это право остается за церковью, но не в смысле принуждения прихожан к вере силою потому, что это свободное объединение граждан. Локк также пишет о необходимости разделения сфер жизни гражданина на частную и публичную, и религию предлагает отнести к частной сфере, в которую государство не должно вмешиваться. То есть вопросы веры он относит к частной сфере гражданина. Но только до тех пор, пока это не представляет угрозы для государства. Так, он пишет, что невмешательство государства в вопросы веры не касается католицизма, потому что главой католической церкви является папа, а это означает возможное вмешательство в дела государства внешних сил через влияние на умы верующих-католиков, признающих верховенство Римского престола, а не Британской короны. То есть католики представляют угрозу для государства как агенты

«иностранным влияния» на государственную политику. Можно говорить о предпосылках (в будущем) отделения церкви от государства, пока же определено можно говорить лишь о невмешательстве государства в вопросы веры при определенных условиях. В конечном счете, попечение о собственной душе принадлежит каждому отдельному индивиду. Любой может пропагандировать свои взгляды, но никто не имеет права принуждать окружающих к их принятию. Фундаментальная задача государства состоит в том, чтобы оградить личность от посягательств на свободу совести со стороны других граждан и государства. В этом он солидарен с представителем рационализма Б. Спинозой, согласно которому «цель государства в действительности есть свобода» [\[15, с.392\]](#).

Но что делать если власть принуждает отдельного человека делать то, что противоречит его совести? Локк считает, что человек обязан отказаться от выполнения приказа, который противоречит его убеждениям. Одновременно, он должен быть готов понести наказание за ослушание. Это означает, что человек не может ни при каких обстоятельствах поступиться своей свободой потому, что она является моральной ценностью и как таковая требует от индивида поступать в соответствии с долгом. Человек не только обязан относиться с уважением к свободе других, но и уважать собственную свободу и не позволять никому другому на нее притязать. Даже если это будет всемогущее государство – это ставит вопрос о легитимности уже самого государства: насилие, по мнению Локка, «перечёркивает назначение государственной власти – обеспечение всеобщей безопасности, а сущность свободы совести – освобождение от насилия» [\[2, с.41\]](#). Здесь он следует как Спинозе, так и Гоббсу, которые также разделяли частную свободу от публичной. Как пишет Л.В. Поляков, «Публично поданный обязан следовать государственно установленному культу, но наедине с собой он обязан только перед Богом» [\[12, с.8\]](#), поскольку частное «свободно лишь тогда, когда оно происходит втайне» [\[4, с.281\]](#). По Спинозе, «для государства нет ничего безопаснее того, чтобы благочестие и религия были ограничены только исполнением любви и справедливости и чтобы право верховных властей в отношении священных дел, так и мирских относилось только к действиям, а в остальном чтобы каждому доставлялось право и думать то, что он хочет и говорить то, что он думает» [\[15, с.403\]](#).

Основная критика понимания свободы Локком состоит в том, что, разделяя частное и публичное, вслед за Гоббсом и Руссо, Локк демонстрирует невозможность противиться суверену как выражению собственной воли народа (так как первый как раз служит интересам последнего). Согласно Руссо, «Постоянная воля всех членов государства есть общая воля; благодаря этой общей воле они – граждане и свободны» [\[13, с.92\]](#). Однако эту «позитивную свободу» (свободу для) легко опровергает история: якобинцы создали на этих идеях кровавый тоталитарный режим. И. Берлин указывал, что суверенность народа легко может стать губительной для индивидуумов, поскольку в течение всего XIX в. либеральные мыслители доказывали: «если свобода подразумевает, что кто-то вправе вынудить меня к тому, чего я даже предположительно не желаю делать, каков бы ни был идеал, во имя которого меня принуждают, я не свободен; другими словами – учение об абсолютной суверенности само по себе тираническое учение» [\[3, с.84-85\]](#), поскольку такое «позитивное» понимание свободы «не как “свободы от” (курсив автора. – А.У.), а как “свободы для” (курсив автора. – А.У.) – для того, чтобы вести определенный, предписанный образ жизни – приверженцы «негативного» взгляда считают подчас просто благовидным прикрытием безжалостной тирании» [\[3, с.65\]](#). Напротив, подлинная свобода должна «Несомненно, любое толкование слова «свобода», каким бы необычным

оно ни было, должно включать хотя бы минимум того, что я называю свободой «негативной». Должно существовать пространство, где меня никто не ущемляет. Никакое общество не подавляет буквально все свободы своих членов» [\[3, с.82\]](#).

Таким образом, свобода является фундаментом для всех остальных прав. Свобода совести, понимаемая в широком смысле как свобода самоопределения, и как элемент общего новоевропейского (и эмпирического) подхода к свободе, есть высшая ценность и для индивида, и для общества, и для государства. Но эта свобода должна быть реализована. Человек имеет право на жизнь – право, без которого свобода не может осуществляться. Это право Локк понимает очень широко. Это не просто право на биологическое существование. Под нарушением этого права Локк понимает «...всякое закабаление индивида, всякое насильственное присвоение его производительных способностей» [\[14, с.160\]](#). Если человек изначально свободен, то любое рабство, в том числе и экономическое, недопустимо. Даже когда человек продает себя на тяжелую работу, он не находится под безграничной властью хозяина потому, что не вправе передать другому неотчуждаемое право на свою жизнь. Таким образом, под правом на жизнь Локк понимает право человека на достойную жизнь, если человек имеет право свободно выбирать для себя цели деятельности, то он также должен быть совершенно свободен в этой деятельности. Задача государства состоит в том, чтобы оградить человека от излишней опеки со стороны других людей и со стороны самого государства. Позднее этот принцип получил наименование принципа свободной экономической деятельности, *laissez-faire*.

Но право на жизнь остается пустой декларацией, если не реализовано право человека на продукты своего труда, то есть не реализовано право собственности. Локк вошел в историю европейской социальной мысли как автор трудовой теории стоимости. Похожие идеи можно найти и у Г. Гроция и С. Пуфendorфа, но у предшественников Локка труд как путь к собственности не носит обязательного характера. Иное дело у Локка: у него труд является субстанцией собственности. «Именно труд... выводит вещи из состояния общего владения и превращает их в свою собственность. Именно труд... создает различия в стоимости всех вещей... если мы будем правильно оценивать вещи, которые мы используем и распределим, из чего складывается их собственность, что в них непосредственно от природы и что от труда, то мы увидим, что в большинстве из них девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет труда» [\[7, с.285\]](#).

Таковы три права, которые человек не может отчуждать в пользу государства и которые само государство обязано защищать. Но здесь возникает проблема того, что само государство не может выражать всеобщий интерес, если власть и богатство сконцентрированы в руках малой части общества и само государство превращено в орудие корпоративного интереса. Решая эту проблему, Локк разрабатывает механизмы, которые могут обеспечить власть Закона, то есть всеобщего интереса. Исходным для Локка является тот факт, что верховная власть получает свои права благодаря общему согласию граждан. Кроме того, за каждым гражданином остается право употреблять силу в целях самозащиты, когда государство не в силах сделать это самостоятельно. В отличие от Гоббса, у него общественный договор включает в себя и договор народа с государственной властью. Это становится возможным только благодаря тому, что полного отчуждения власти от ее реальных носителей не происходит. Локк правомерно считает, что если «согласие большинства не будет разумно восприниматься как действие целого и не будет обязательным для каждого отдельного человека, то ничто, за исключением согласия каждого индивидуума, не сможет сделать что-либо действием целого, но достижение подобного согласия вряд ли является возможным... ведь если

большинство не может решать за всех, то такие общества не могут выступать как единое целое» [\[7,с.318-319\]](#).

Самое главное, что народ мыслится Локком как большинство, которое можно в случае необходимости точно исчислить. В этом случае невозможно злоупотреблять понятием «воля народа», так как эта воля может быть выявлена в результате голосования. Локк помещает в основание всякого государства демократический принцип свободного волеизъявления. Это означает принятие народом основного закона государства обязательным для всех граждан этого государства. Этот закон обязателен и для «власть имущих», то есть для тех представителей народа, которым большинством передается право утверждать власть законов для каждого из граждан. Сама эта власть представителей подотчетна периодически избирающему ее народу. Наконец, знаменитое «разделение властей» на законодательную и исполнительную. Власти находятся в строгом соответствии друг с другом, Высшей властью Локк считал законодательную власть. Это понятно: творцом законодательной власти является народ. «Поскольку с момента объединения людей в обществе большинство обладало... всей властью сообщества... оно могло употребить всю эту власть для создания время от времени законов для сообщества и для осуществления этих законов назначенными им должностными лицами, в этом случае форма правления представляет собой совершенную демократию» [\[7,с.337\]](#).

Демократия становится для Локка началом всякой государственной власти, так как именно решением большинства всякое государство рождается. Локк считает, что «ни один указ не обладает силой и обязательностью закона, если он не получил санкции законодательного органа, который избран и назначен народом... и издавать законы не имеет права никто, кроме как с согласия этого общества и на основании власти, полученной от его членов» [\[7,с.339\]](#). Таким образом, силу закону придает только согласие граждан. Тогда, если закон выражает мою волю, он как бы получает характер воли всех. Имеет смысл нести бремя закона в том случае, если человек причастен к этому закону, когда закон выражается его волей. Если такого понимания нет, то человек будет стараться уклоняться от исполнения закона. Если таких людей будет большинство, государственная власть станет чуждой народу и утратит легитимность. Например, такую ситуацию мы можем наблюдать в ходе реформ местного самоуправления в России, когда «демократический баланс власти и общества на третьем этапе реформы местного самоуправления изменился в пользу федеральной власти» [\[6,с.193\]](#). В этом случае верховная власть начинает нарушать принципы, которыми обязана руководствоваться в своей деятельности. Поэтому верховная власть «не является и вероятно не может являться абсолютной деспотической в отношении жизни и достояния народа» [\[7,с.340\]](#). Она не может повелевать посредством деспотических, произвольных указов. По этой же причине «верховная власть не может лишить какого-либо человека какой-либо части его собственности без его согласия» [\[7, с.343\]](#). Верховная власть так же ответственна перед народом, а значит, она не вправе передавать власть в другие руки.

Учение Локка о субординации властей, а также неоднократно подчеркиваемая им мысль об осуществлении государственной власти через выборный представительный орган и недопустимость этому органу самому заниматься исполнением законов составляют стержень либеральной теории «разделения властей» – основного механизма защиты конституционных прав личности.

Подводя итог характеристике политической теории Локка, необходимо указать на ее

мощный демократический потенциал. Вспомним исходный тезис Локка, выдвигаемый им для объяснения возникновения государства. Граждане государства объединены и составляют единый политический организм, «где большинство имеет право действовать и решать за остальных... где необходимо, чтобы это целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет согласие большинства»[\[7, с. 317-318\]](#). Это означает, что в момент перехода к политическому состоянию происходит ограничение «свободы всех» свободой большинства. Личность только тогда свободны в гражданско-правовом обществе, когда она принадлежит большинству. Это вытекает из условий первоначального договора. Если бы было иначе, государство бы не могло существовать. При этом Локк неоднократно подчеркивает, что акт согласия, полагающий начало государства, абсолютно свободен. Государство возникает для того, чтобы преодолеть некоторые неудобства естественного состояния. Каждый человек свободен от природы, и никто не имеет права подчинить его какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия. Локк оставляет за пределами в рассмотрении тех, кто не выразил своего согласия на создание государством (ни своим голосом, ни молчаливым признанием уже свершившегося договора). Здесь возникает проблема меньшинства, которому угрожает деспотизм большинства – эта проблема будет осознана позднее, но уже не Локком.

Самый значительный после Локка шаг в утверждении нового понимания европейской государственности делает Жан-Жак Руссо. Руссо довел до логического конца потенции, коренящиеся в системе Локка. Именно благодаря Руссо, на государство стали смотреть как на механизм защиты неотчуждаемых прав личности. Именно Руссо поставил вопрос о создании условий для действительного утверждения свободы за счет наделения каждого члена общества правом политического соучастия в делах государства, достижения формального равенства и равноправия граждан. Иначе говоря, создания условий при котором народ выступает в качестве суверена. По мысли Руссо, истинная природа человека может проявиться только в условиях социально-политического равенства людей.

Если Локк понимал свободу как субъективное право обладающее приоритетом над волей большинства, то Руссо считал, что права человека, а значит, и его свобода коренятся в суверенной воле народа. Дело в том, что одновременно с идеей прав личности возрождается также и идея самоопределения общества – идея демократизма. Помимо момента различия себя и общества, существует момент тождества между личностью и обществом. В этом случае личность рассматривает себя в единстве с другими. При этом свобода остается для Руссо высшей ценностью, но изменение точки зрения на отношения личности и общества меняет и характер понимания этой свободы. Для Руссо именно воля демократического законодателя, выражающегося всеобщую волю, имеет приоритет над конституцией, а разделение властей уже не рассматривается инструментом защиты свободы потому, что противоречит всеобщей воле.

Все вышесказанное не означает, что Руссо требует полного отчуждения прав индивидов в пользу общества, не признает он также абсолютного господства верховной власти над личностью. По Руссо человек рождается свободным, и эта свобода составляет содержание естественного права. Когда Руссо говорит о полном и безусловном подчинении индивидов общественному целому как условию общественного договора, он имеет в виду, что индивиды отказываются не от естественных прав и от своей свободы, а от свободы своеволия (отказа от естественных побуждений – инстинктов). Сам же общественный договор преследует цель защитить неотчуждаемые права индивидов. Но в отличие от Локка, он считает, что неотчуждаемые естественные права не привносятся

индивидуами из естественного состояния, а порождаются в государственном общении.

Особенно важно для утверждения демократического идеала моральное учение Руссо: своим учением Руссо выступил против интеллектуализма XVII века и противопоставил внешней рациональной культуре культуру внутреннюю, моральную. Этот шаг Руссо мыслится как необходимый для утверждения антропоцентрического мировоззрения. Не существует верховного законодателя, который бы внешним образом гармонизировал отношения людей, соединенных в общественное целое. В самом себе должен найти человек силу, способную выполнить роль, которую до этого выполняла идея Бога. Распадающийся социальный космос нуждается в новой идее, которая могла бы консолидировать индивидов будучи им имманентна. Руссо отвечает на вопрос, который оставлен ему в наследство Локком: как может быть построено новое общество, если человеческой общности не предписан объективный моральный закон. Окончательный ответ Руссо: неотчуждаемые естественные права защищены государством, руководствующимся в своей политике законом – высшим выражением всеобщей воли. Эти идет Руссо оказали решающее влияние на Декларацию 1789 года. В этом он сближается с Кантом, который, в свою очередь объединил идеи Локка и Руссо.

Кант переосмыслил как позитивный, так и негативный опыт революции во Франции и попытался соединить практически разум и суверенную волю народа, права человека и демократию, свободу и равенство индивида. Но самое важное, что, обосновывая автономию индивидов, он ставит вопрос о всеобщих основаниях их поступков. Руссо считал, что деятельность индивида может гармонизировать гражданская религия, Кант же говорит об утверждении нравственных принципов в отношении между людьми. Само правовое законодательство рассматривалась Кантом как частное следствие категорического императива, а в качестве перспективы общественного развития он выдвигал требования нравственной ассоциации индивидов. Иначе говоря, в своей социально-политической теории Кант попытался соединить достижения либеральной (Локк) и демократической (Руссо) мысли.

Таким образом, произведя семиотический и сравнительно-философский анализ концепции свободы Дж. Локка, мы выявили элементы последней и дешифровали их возможные семантические коды. Этот опыт мог бы пригодиться для переосмыслиния современной ситуации кризиса либерализма, «постлиберальной» эпохи, когда старые подходы к этому понятию требуют своего переосмыслиния. Как пишет, например, А. Пабст, постлиберализм исходит из признания провала либеральных проектов Гоббса и Локка, но при этом – необходимости сохранять наиболее привлекательные аспекты либерализма в новой форме. «Проблема заключается и в том, что свобода, однажды оторванная от самоограничения и взаимных обязательств, постепенно превращается в несвободу или даже тиранию, так как неограниченная свобода будет работать в пользу сильных против слабых, богатых против бедных, наделенных властью против лишенных голоса» [\[10, с.2021\]](#). В связи с этим, на наш взгляд, нравственно-политическая концепция Локка имеет непреходящее конструктивное значение как фундамента постлиберализма, не позволяющее свысока судить о «западных ценностях» как, будто бы, утративших свою роль в жизни человечества. Политико-правовое учение Локка – программа радикальных действий по преобразованию социальной реальности. После Гоббса он делает самый значительный вклад в утверждение западной государственности, предлагая либеральную программу по защите прав человека. В нее вошли: устранение государственного терроризма и всякого насилия над совестью граждан, утверждение твердого правового порядка, основанного на согласии граждан, утверждение неотчуждаемых прав личности.

Библиография

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М: ИГ Прогресс, 2000. С. 196-238.
2. Белкина Т.Л., Комаров А.С. Апология свободы совести в трудах Джона Локка // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 2, 2012. С. 41-44.
3. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
4. Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. М., Мысль, 1991, Т. 2.
5. Еникеев Р.Н. Историческая судьба государства: новая трактовка // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3(57). С. 17-20.
6. Ковров Э.Л., Кукушкин В.Л., Ухов А.Е. Кризис реформы местного самоуправления в России: опыт междисциплинарного анализа // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 185-202. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51449
7. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Сочинения в 3-х томах. Т.1 М.: Мысль, 1988. С. 135-406.
8. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Сочинения в 3-х томах. Т.1 М.: Мысль, 1988. С. 77-582.
9. Осипова Н.Г. Социально-философские основы (теоретическое ядро) классического либерализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 5-27.
10. Пабст А. Постлиберальная политика // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. с. 200-223. С. 202. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-200-222>
11. Пациашвили, С.С. Права человека и патернализм в Конституции // Globus: Гуманитарные науки. 2020. № 2(32). С. 27-32.
12. Поляков Л.В. О понимании свободы. Перечитывая И.Берлина // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2009. № 1. С. 78-91.
13. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Принципы политического права. М.: Соц-эк.гиз, 1938. 123 с.
14. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М.: Политиздат, 1991. 432 с.
15. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Казань: [б.и.], 1906. 450 с.
16. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
17. Юм Д. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1965. 846 с.
18. Яковлев А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 432 с.
19. Яковлев А. Локк и революция // Вопросы философии. 2022. Т. № 4. С. 93-104.
20. Dunn J. (1973). *The political thought of John Locke*. Cambridge, 1969.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой интересное и достаточно профессионально выполненное исследование о понятии свободы у Дж. Локка. Может показаться, что

обращение к этой теме трудно признать актуальным. Казалось бы, наследие Локка неоднократно комментировалось и представляется хорошо изученным. Но в том-то и дело, что обращение к классической философии может быть обусловлено не только пробелами в наших знаниях, но и теми изменениями в обществе и культуре, которые побуждают на новых основаниях продумывать и уже хорошо известные сюжеты. Сказанное в полной мере относится к нравственной и политической философии Локка, одного из пионеров «классического либерализма». Сегодня, когда отношение нашего общества к наследию западной культуры приходится переосмысливать, автор обоснованно обращается к теме свободы и демократии в «классическом либерализме» как общечеловеческому культурному достоянию, значимость которого не должна ставиться под сомнение. Думается, автору удалось показать непреходящее конструктивное значение нравственно-политической концепции Локка, не позволяющее свысока судить о «западных ценностях» как, будто бы, утративших свою роль в жизни человечества. От нас самих зависит, можем ли мы учиться у классиков, к какой бы национальной культуре ни принадлежали, или обречены безвольно следовать сегодняшней поверхностной западной идеологии, которая от идей «классического либерализма», в действительности, не смогла взять ничего, кроме выродившихся в абстракции клишированных формул. Конечно, при чтении статьи возникают и существенные замечания. Так, автор не уделяет должного внимания специфике того исторического периода, в который творил Локк. Сравнивая его с Гоббсом, автор должен был бы указать, что Локк разрабатывает своё учение уже после «Славной революции», вследствие чего ему и удаётся стать на ступеньку выше своего предшественника в осмыслиении социально-этической проблематики. Само время помогло Локку увидеть те перспективы, на которые Гоббс, оказавшийся свидетелем ужасов буржуазной революции, еще не мог обратить внимание. Не хватает в статье сравнения учения о свободе Локка с современными ему метафизическими концепциями свободы, разрабатывавшимися рационалистами. Далее, неоправданно скучным оказался в статье список литературы, хотя автор и упоминает в тексте других исследователей, которые почему-то не включены в этот список. К сожалению, в статье осталось и много технических погрешностей. Стиль автора в целом производит хорошее впечатление, но вот пунктуация иногда отстает от требований, налагаемых на автора сложными синтаксическими конструкциями. Во многих случаях отсутствуют тире («но свобода не единственная ценность...», «политико-правовое учение Локка программа радикальных действий ...» и т.п.), в некоторых случаях неверно расставлены запятые («...к философской классике Нового времени потому, что именно...», – запятая должна стоять перед «потому что», и т.п.). Характерны ошибки, проявившиеся в следующем предложении: «Идея такого переустройства – либеральная идея, стала доминирующей идеей современности, а либерализм преобладающим типом политического сознания западного общества». Правильная форма этого предложения должна быть следующей: «Идея такого переустройства – либеральная идея – стала доминирующей идеей современности, а либерализм – преобладающим типом политического сознания западного общества». К сожалению, уже бедность библиографического списка не позволяет рекомендовать рецензируемую статью к печати, хотя в целом она и производит весьма благоприятное впечатление. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Проблема свободы в философии Джона Локка: семиотическое прочтение» выступает трактовка философских аспектов проблемы свободы английским философом. Рассматривая философско-политические взгляды одного из самых ярких мыслителей Нового времени Дж. Локка, автор статьи обращается к анализу таких его работ как «Два трактата о правлении» и «Опыт о человеческом разумении», проводя рассмотрение в широком историко-культурном контексте. Своей задачей исследователь видит обнаружение и демонстрацию связи социальных конструкций политического либерализма, в которых гражданская свобода выступает основной духовной ценностью, с ее онтологическим обоснованием, что успешно и реализует в статье. Автор работы уверен, что для читателя будет интересно проследить истоки и становление идеи свободы у Дж. Локка через призму его личного философского мировоззрения.

Методология исследования базируется на семиотическом подходе, рассматривающим любой текст как систему символов и знаков, «сигналов и идеологий, зашифрованных в код расшифровать которые возможно только антидогматически – в диалоге автора-читателя». Вторым методологическим основанием работы выступает сравнительно-философский анализ концепции свободы Дж. Локка, ее сопоставление с взглядами Т. Гоббса, Ж.Ж. Руссо, Б. Спинозы.

С применением семиотического подхода связано и понимание актуальности исследования автором. Он полагает, что опыт подобного анализа мог бы пригодиться для переосмыслиния современной ситуации кризиса либерализма, «постлиберальной» эпохи, когда старые подходы к этому понятию требуют своего переосмыслиния. Проблема свободы, действительно, требует актуального осмыслиения в свете очередного «переустройства мирового правопорядка» и обращение к наследию «отца либерализма» выглядит в этом свете вполне уместно.

Научная новизна связана с обоснованием гипотезы, что идея общественного договора, понимание свободы как неотъемлемых прав и свобод индивида, неотрывна от общефилософского подхода эмпиризма и веры в науку как преобразующую силу общества. Теория свободы Локка рассматривается как закономерный синтез идей натуралистики XVII века и противостояния практики эмпиризма и рационализма в гносеологии, распространяющих новую методологию на все, без исключения, стороны жизни общества.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Статья логически выстроена и хотя не имеет внутренних подзаголовков, легко различить в ней введение, основную часть и заключение. Последовательность изложения определяется элементами, входящими в концепцию свободы Локка, автор последовательно обращается к темам свободы совести, свободы воли, прав на собственность и жизнь, свободы от насилия государства.

Библиография статьи включает двадцать наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам является сильной стороной анализируемой работы. Философии Дж. Локка освящено множество исследований, значительная часть которых отражает его понимание свободы. В связи с этим нелепо выглядела бы работа, автор которой приступил бы к обсуждению этой темы с «чистого листа», не учитывая существующий опыт исследований. Автор статьи в самом ее начале упоминает наиболее репрезентативный список публикаций по этой теме, включающий работы Т.Л. Белкиной,

А.С. Комарова, Н.Г. Осиповой, Г. И. Королевой-Конопляной, А.А. Яковлева, А.В. Ковалева, В.В. Майоров, В.А. Куприянов, Г.Ю. Кнох, А.А. Исаков, И. Берлин, А.С. Абрамян, Л.В. Чеснокова, Р.Н. Пархоменко, J. Dunn, J.W. Gough, R. Ashcraft. В тексте статьи мы встречаемся с обращением автора к исследователям, с чьими заключениями он солидаризируется. Так, в вопросе понимания Локком монархической власти, автор приводит мнения С.С. Пациашвили, отношение Локка к павам и обязанностям гражданина анализируется с привлечением мнения Л.В. Полякова, позиция И. Берлина упоминается в связи с трактовкой амбивалентности понимания суверенитета народа, который может стать губительным для индивидуумов, оправдывая тиранию верховной власти. Автор неоднократно ссылается на подход А. Яковлева в понимании свободы по Локку. В конце статьи находит отражение мнение А. Пабста относительно влияния философии английского философа на постлиберализм.

Интерес читательской аудитории обеспечит статье ее легкий и понятный стиль изложения, наличие уместны прямых цитат, актуальность темы свободы. Статья будет интересна как студентам, только приступающим к изучению философии Локка или идей либеральной трактовки свободы, так и искушенным исследователям, которые могут найти в ней что-то новое для себя.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Данчай-Оол А.А., Монгуш С.О., Донгак В.С. — Взаимосвязь культуры, интерпретации феноменов культуры и мировоззрения в системе этнопедагогики (на примере тувинской культуры) // Философская мысль. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.44217 EDN: STJLIF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44217

Взаимосвязь культуры, интерпретации феноменов культуры и мировоззрения в системе этнопедагогики (на примере тувинской культуры)

Данчай-Оол Аяс Анатольевич

ORCID: 0000-0002-0060-8783

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

660022, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. К.маркса, 124, ауд. 401

✉ dayas@inbox.ru

Монгуш Салбак Онер-Ооловна

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Тувинский государственный университет"

66700, Россия, республика Тыва, г. Кызыл, ул. Ленина, 5, каб. 205

✉ monghush.1975@mail.ru

Донгак Венера Седип-Ооловна

кандидат социологических наук

доцент, кафедра философии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тувинский государственный университет"

667000, Россия, республика Тыва, г. Кызыл, ул. Ленина, 5, каб. 205

✉ dongak@mail.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.44217

EDN:

STJLIF

Дата направления статьи в редакцию:

04-10-2023

Дата публикации:

26-10-2023

Аннотация: В статье раскрывается проблема необходимости выстраивания этнопедагогических методов посредством привития фундаментальных смыслов культуры. Авторами обозначается противоречивость поверхностного применения в практике этнопедагогики простого перечисления феноменов культуры или преподавания на национальном языке. Процессы воспитания и образования должны реализовываться в единстве с культурным просвещением, в котором раскрывается логическое единство человека, общества и природы. Показывается проблема искаженной интерпретации феноменов культуры в современности, что создает противоречивую систему мировоззрения. Подчеркивается необходимость привития понимания трансформации мировоззрения традиционных культур в современности, что позволяет наполнить конкретным содержанием педагогическую практику. Новизна исследования заключается в обнаружении зависимости проблем культуры, мировоззрения и педагогической практики. Содержание учебного материала в современности построено на идеях абстрактного прогресса и холизма. В таких условиях тувинская традиционная культура не вписывается в абстрактную систему, редуцирующую содержание архаичных культур, так как возникает в конкретных условиях и формирует конкретное содержание. Авторы указывают на единство воспитания и мышления, в котором человек понимает уникальность каждой культуры и ее феноменов. В такой связке возможно познание смыслов своей культуры, что создает возможность самоидентификации. Основными выводами авторов является необходимость разработки этнопедагогики с конкретным содержанием, что обеспечивается за счет привития мировоззрения конкретной культуры, в котором происходит целостное раскрытие смыслов феноменов культуры.

Ключевые слова:

тувинская культура, воспитание, трансформация культуры, этнопедагогика, феномены культуры, традиционная культура, образование, мировоззрение, интерпретация культуры, прогресс

Множество противоречивых процессов современности приводят к возникновению большого числа противоречий, которые нужно преодолевать обществу. Динамизм социально-экономических изменений требует быстрого и эффективного решения этих проблем. Но главный потенциал развития в наши дни формируется в гуманитарной сфере, а именно в системах воспитания и образования. Актуальность педагогической науки сегодня неоспорима. Но встает вопрос: «Какие педагогические методы и какие знания нужны?» Тем более что современное общество в развитых странах разнообразно по нациальному, расовому, культурному составу. В условиях культурного разнообразия встает необходимость развития методов педагогики, которые дают знание о гуманистической сущности поликультурного пространства, а также о ценности конкретных культур.

В совокупности обозначенных проблем выделяется **задача** анализа зависимости мировоззрения и интерпретации феноменов тувинской культуры, а также их влияние на

этнопедагогику. В философском анализе взаимосвязи мировоззрения и применяемых в педагогической практике методов нами используется философская антропология, схватывающая многоаспектность человеческого бытия и ценность его субъективного восприятия.

Воспитываемое поколение является социально-возрастной группой, в которой формируется основной потенциал конкретного общества. Каждый социум является сложной и многоуровневой системой, которая с необходимостью адаптируется к изменяющимся условиям. Поэтому внимание общества направлено к процессам воспитания и образования. Посредством привития своих ценностей и традиций новому поколению конкретное общество самовоспроизводит себя как относительно стабильную систему взаимодействия людей. Но в современных условиях такая система самовоспроизведения сталкивается с множеством противоречий, требуется выработка новых педагогических подходов. Проблемы неприменимости традиционной педагогики заключаются в методологических ограничениях, сформированных на базе унифицированного подхода дидактического воспитания. Этот подход не учитывает тот комплекс изменений в современной культуре, который приводит к кардинальному изменению структуры культурных феноменов и информационного пространства. Дети с малого возраста начинают видеть, как наибольшее значение в современном обществе имеют абстрактные знания, очень часто не имеющие подтверждения в практике. У них формируется редуцированное мышление, которое выражается во взгляде на развитие культур посредством ценностей прогресса. В результате традиции культуры не мыслятся самоценными, молодое поколение интересуют только категории социальной успешности, раскрывающиеся через материальные ценности. Кроме того, сейчас в педагогике государством основной акцент ставится на быстрых и эффективных методах формирования профессиональных компетенций. Целью системы образования декларируется новый тип мышления, но сама модель формирует утилитарно-потребительское отношение к ней. [\[1, с.116\]](#)

Этнопедагогика может частично восполнить логический пробел между знанием сущности и закономерности культурных феноменов и социальной успешности, так как она позволяет достичь реального восхождения от абстрактного к конкретному, обучать синтетическому мышлению, связывающему феномены культуры, мировоззрение и человека. Как пишут Крежевских О.В., Каратаева Н.А., культурообразная деятельность должна входить в содержание образовательных программ [\[2, с.84\]](#), потому что каждая культура конкретна в своем содержании. В свою очередь эффективный процесс воспитания позволяет в дальнейшем формировать квалифицированного профессионала в рамках системы образования.

В целом после распада СССР в педагогике оказываются востребованы идеи субъективного подхода. [\[3, с. 33\]](#) В то же время современная молодежь существует в условиях глобализированного информационного пространства, частично унифицирующего ценностную и понятийную систему, а это напрямую влияет на формирование мировоззрения. Например, среди тувинской молодежи выявляется отличное от старшего поколения понимание феноменов тувинской культуры [\[4, с. 110\]](#), что рассматривается нами как фундаментальная причина изменения мировоззрения и вектора развития тувинской культурно-исторической традиции.

Привитие основ культуры является задачей системы воспитания [\[5, с. 304\]](#), это позволяет носителю традиционной культуры осмысливать общенациональную или мировую

культуру.[\[6, с. 216\]](#) В то же время нужно учитывать, что знание, в сущности, имеет этический характер, и образование с необходимостью эффективнее реализуется в совокупности с культурой. Поэтому в современности проявляется необходимость развития этнопедагогики как системы этнотрадиционного образования.[\[7, с. 49\]](#)

Человек наиболее полноценно функционирует только в рамках социальной системы, в которой формируется его сознание и мировоззрение. Поэтому в рамках народной педагогики прививались такие черты мировоззрения, которые позволяют интегрировать подрастающее поколение в существующий социум, в ней давались знания об образе жизни, природе, родовых обычаях и системе «свои-чужие». Иными словами фундаментальной основой мировоззрения является именно знание. В структуре методологического анализа в этнопедагогике, возникшей из народной педагогики, Ш.М. Арсалиев выделяет мировоззренческий уровень, включающий в себя «философские и аксиологические формы гуманитарного знания о возникновении, становлении и развитии исторических субъектов разного масштаба (личностей, народностей, этносов, наций, народов), генетический и эволюционный подходы».[\[8, с.48\]](#) Из этого следует, что мировоззрение является основным знанием, которое прививается в системе этнопедагогики.

Если этнопедагогика дает знания, формирующие мировоззрение, то возникает проблема содержания знаний. Очевидно, что простая механическая трансляция древних сюжетов и смыслов не может быть эффективной. Возникает проблема интерпретации феноменов культуры. Но процесс изменений культуры и социальной жизни в современности крайне интенсивный. В тувинской культуре ярко проявляются проблемы обнаружения смыслов феноменов, которые ранее были доступны для понимания каждому тувинцу.

Пространство тувинской культуры начинает кардинально меняться с момента модернизации 1920-х годов. Изменились бытовые, экономические, политические, социальные и иные условия. При этом в чехарде противоречивых реформ сохранилось ядро тувинской культуры, которое выражается в стремлении к гармонии с природой, к взаимовыручке, к семье, к сохранению культуры.[\[9, с.22\]](#) В тоже время трансформация тувинской культуры под воздействием модернизации и глобализации не позволяет корректно и адекватно воспринимать ценности и феномены культуры. Человеку, как носителю культуры приходится адаптироваться к условиям жизни, менять модели взаимодействия с обществом и государством, иначе смотреть на себя. Ведь живая традиция культуры не может застыть и не подвергаться трансформациям, поэтому сама этнопедагогика так же проходит несколько этапов в ходе развития.[\[10, с. 187\]](#) Так и тувинский язык не застыл в своем становлении, а продолжает развиваться в интернет пространстве.[\[11, с.195\]](#) При этом глубокое понимание культурных феноменов позволяет преодолеть стереотипное восприятие родной культуры, что приводит к пониманию разнообразия форм бытия человека в мире. Это в свою очередь задает базис толерантного отношения к другим культурам.[\[12, с.41\]](#) Негативно-поверхностное отношение к традициям родной культуры в дальнейшем проектируется в ксенофобии и нетерпимости. При всей очевидности необходимости культурного просвещения Крежевских О.В. и Каратаева Н.А. отмечают недостаточное применение этнопедагогических методов в современной практике.[\[12, с. 79\]](#) Кроме того, этнопедагогика не сводима к простым перечислениям элементов культуры наподобие ознакомлению с экспонатами в музее или преподаванию на родном языке. Хотя для народа, в том числе и для тувинского народа, язык является главной духовной ценностью.[\[13, с.156\]](#) Таким образом, необходимо раскрывать в сознании учащихся

смысловые конструкции, паттерны и архетипы мировоззрения традиционной культуры, и процесс ее трансформации в современности.

В результате становится обоснованной необходимость применения в этнопедагогике культурологических методов, раскрывающих философские аспекты мировоззрения, так как молодежь формируется не в вакууме, а в культурном пространстве с конкретным содержанием. Формирование системы воспитания, которая дает целостное понимание взаимосвязи культурных феноменов и ценностей конкретной культуры, позволяет давать возможность для становления целостной личности, осознающей свое духовное единство с традицией предков, но в то же время понимающей необходимость адаптации к современности.

Как мы определили, в современности существует проблема интерпретации феноменов традиционной тувинской культуры. Согласно толковому словарю «интерпретировать» означает «истолковать, раскрыть смысл, содержание чего-нибудь».[\[14, с.250\]](#) Но семиотическая система современного человека не коррелирует с традициями прошлого, что не позволяет сформировать тот смысл культурных феноменов, который развертывался в прежнее время. Герменевтически конструируется совершенно отличный от оригинального смысл культурных феноменов.[\[15, с. 32\]](#) С 1930-х годов тувинские шаманы и ламы утратили свою монополию на интерпретацию архетипов и феноменов культуры в связи с вытеснением их политическими деятелями, научными сотрудниками. Впоследствии с распадом советской идеологической машины свою интерпретацию начинает формировать сам тувинский народ, не осознавший частичную утрату духовного единства с культурно-исторической традицией. Поэтому начинает формироваться явление неотрадиционализма как попытка воссоздания исконных феноменов, но не являющихся ими.[\[16, с.30\]](#)

Неоспоримо, что идеология советского времени выстраивалась на диалектическом материализме, который основывается на идее прогресса, оформленвшейся в Новое время.[\[17, с.48\]](#) В своей сущности методология диалектического материализма выстраивается на линейном мышлении христианского богословия, что не применимо в раскрытии смыслов циклического мировоззрения тувинской культуры. Понятие прогресса является абстракцией, не применимой к совокупности какой-либо культуры и народа. В современной науке прогресс всегда относителен, как в количественном, так и в качественном отношении. Таким образом, становится очевидным, что идея прогресса не может быть ориентиром в развитии общества, так как он не применим к конкретной действительности общества и культуры.

Декларируемое современными потомками народов с многовековой и самобытной культурой понимание традиций в действительности не несет в себе конкретного содержания. Мы видим только абстрактное понимание, в котором традиции прошлого выступают как архаичные и простые формы человеческой деятельности. Корректная и адекватная интерпретация не имеют места быть [\[18, с.102\]](#), происходит переход к ценностям других культур. Например, фундамент мировоззрения современных тувинцев строится на материалистических или субстанциальных категориях, которые совершенно не применимы к синкетичной системе ценностей традиционной тувинской культуры.[\[19, с.55\]](#)

Культура в изначальном понимании является пространством деятельности человека. Однако же в тувинском мировоззрении человек не выделяет себя из природы, тем более он не выделяет свой атомарный субъект. Это проявляется в соотнесении себя и своей

деятельности с природными процессами, что является естественным в условиях кочевого скотоводства. [\[20, с.302\]](#) Поэтому духовная составляющая тувинской культуры в своей сути является автохтонной, не имеющей аналогов во всем пространстве Азии и Сибири. Тувинская культура укоренена в природе, потому что богатство тувинской земли является совершенно уникальным, так как она содержит в таком ограниченном пространстве множество климатических зон, разнообразие флоры и фауны. [\[21, с.37\]](#) Даже формы хозяйствования среди тувинцев сложились разные (земледелие, охота, овцеводство, разведение яков, оленеводство). Природное богатство и обусловило богатство тувинской культуры. Поэтому она, в общем-то, не вписывается в абстрактное понятие культуры в европейском варианте, в чем-то не имея адекватных форм, а в чем-то вырабатывая феномены, которые не поддаются интерпретации. Например, в тувинской культуре модели мышления, восприятие пространства и времени имеют свои аутентичные акценты. [\[22, с. 253\]](#)

В своей совокупности это проявляет особое культурное пространство, формирующее человека, воспитывающего его субъект. Но как мы видим, в современности этот процесс наполнен определенными противоречиями, что требует развития этнопедагогических методов, построенных на привитии рационально обоснованного понимания сущности исторических событий, приведших к изменению фундамента традиционного мировоззрения. Очевидно, что сегодня учебный материал построен на перечислении фактов, событий без какого-либо синтетического объединения в мышлении. Даже символический поиск закономерностей в научном поле осуществляется на базе диалектического материализма, стремящегося к холизму и построению иерархии феноменов. Хотя каждая конкретная культура не может полноценно встроиться в какую-либо всеохватную систему, в любом случае субъект такого аналитического мышления оперирует абстракциями.

Как писал Э.В. Ильенков, наша педагогическая система дает учебный материал, который совершенно не коррелирует с развитием детей. Он доказывал необходимость привития конкретного мышления, основанного на деятельности, что позволило бы давать более сложный и теоретизированный материал подрастающим поколениям. [\[23, с. 70\]](#) Но в то же время наша идеологическая система, в которой до сих актуализируются идеи марксизма-ленинизма, предельно упрощает культурное наследие предыдущих поколений, часто описывая его как наивное и устарелое. Несомненно, существует необходимость в более глубокой и целостной подаче взаимосвязи мировоззрения традиционной культуры с ее конкретными феноменами.

Этнопедагогика может сохранить субъективное ценностное ядро конкретной культуры и привить более целостное понимание исторического развития какой-либо культурно-исторической традиции. Она не может оперировать абстрактными категориями и оценочными понятиями. Прогрессивность или регressiveность человека не могут оцениваться по отношению к другому, так и конкретная культурно-историческая традиция не может оцениваться такими абстрактными понятиями. Привитие данного вывода в рамках систем воспитания и образования позволяет молодым людям глубже понимать сущность культурных феноменов, создавать для себя непротиворечивый смысл традиций.

Таким образом, мы видим необходимость развития и применения этнопедагогики в практике воспитания и образования, но на качественно ином уровне посредством формирования синтетического мышления у молодых поколений. Это синтетическое мышление должно выстраивать взаимосвязь исторических событий, ценностных установок культуры, интерпретации культурных феноменов, а также структуры

трансформационных процессов. Необходимо формировать учебный материал, в котором показывается изменение традиций в ходе исторического развития, разъяснение отличий современного мировоззрения от архаичного, изменение в понимании культурных феноменов. Кроме того, такая методология не должна выстраиваться на идеях абстрактного прогресса и развития. Понимание сущности изменения человека, общества, традиций и культуры позволит молодым людям эффективнее формировать целостную личность, способную к взаимодействию с обществом и выстраиванию органического единства с ним.

В качестве перспективы развития данной проблематики нами выделяется необходимость философского и социологического анализа методов, вырабатываемых в рамках этнопедагогики, равно как культурологического содержания педагогического материала современности.

Библиография

1. Кондратьева, Т. Н. К проблеме экологического воспитания в Бурятии на основе этноэкологических традиций титульного народа / Т. Н. Кондратьева // Философия образования. 2014. № 1(52). С. 112-117.
2. Крежевских О.В., Каратаева Н.А. Опыт применения этнопедагогики в субъектах Российской Федерации // Перспективы науки и образования. 2022. №1 (55). С. 79-93.
3. Татевосян М.А. Экзистенциальный подход в образовании // Современное педагогическое образование. 2021. №12. С. 32-34.
4. Данчай-Оол А.А., Адыгбай Ч.О. Развитие религиозных верований тувинцев в условиях глобализации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, №С. 106-115. DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-8 3.
5. Oorzhak S.Y., Oorzhak K.-o.D.-N. Ethnic Pedagogical Knowledge (Expansion of Content on the Materials of the Republic of Tuva) // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2019. №2. С. 302-309.
6. Коллегов, А. К., Ким-Малони, А. А. Этнопедагогика как средство формирования межкультурной компетенции в поликультурном социуме // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8(197). С. 214-223. doi:10.23951/1609-624X-2018-8-214-223.
7. Хакимов Э.Р. Этнопедагогика как наука: предмет, функции, основные категории // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2007. №9. С. 39-52.
8. Арсалиев, Ш. М. Х. Этнопедагогика в контексте современной научной парадигмы. Saarbrucken-Deutschland : Palmarium Academic Publishing, 2013.
9. Татарова С. П. Ценностные ориентации населения Республики Тыва (по материалам опроса жителей сел и городов) // Новые исследования Тувы. 2016. № 1. С.20-37.
10. Нездемковская Г. В. Становление этнопедагогики в России // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 186-193.
11. Ондар Ч.Г., Донгак В.С., Монгуш Д.Ш. Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 186-207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>
12. Сувандии Н.Д., Донгак У.Э.о. Формирование духовно-нравственных и этнокультурных ценностей у обучающейся молодежи: роль, функции (на примере обучения родному языку и устному народному творчеству) // Вестник Тувинского государственного университета. №4 Педагогические науки. 2019. № 3(51). С.35-42.

- DOI 10.24411/2221-0458-2019-10014.
13. Донгак В.С.о., Монгуш Д.Ш. Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 146-172. DOI 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172.
 14. Ожегов С.И., Шведова Ю.Н. Творчество, Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2003
 15. Пиляк С.А. Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры. Часть 1 // Философская мысль. 2020. № 8. С. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743
 16. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизведение этничности // Новые исследования Тувы. 2010. №2(6). С.25-39.
 17. Рахманин А.А. Зарождение идеи прогресса: античность или Новое время? // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2009. №2. С. 46-49.
 18. Цыбенова Ч. С. Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1(43). С. 98-109. DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109.
 19. Данчай-Оол А. А., Даваа Е. К. о. Антропологические проблемы традиционной культуры (на примере тувинской культуры) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3(95). С. 51-57. DOI 10.24158/fik.2022.3.8.
 20. Lamazhaa C. Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva Facing Modern Challenges //The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12). Amsterdam University Press, 2022. Т. 1. С. 296-308.
 21. Забелин В.И. О некоторых аспектах сохранения природы Тувы для будущих поколений // Природные ресурсы, среда и общество. 2019. №2 (2). С. 34-37
 22. Сузукей В.Ю. Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2009. №. 1-2. С. 250-267.
 23. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Издательство Московского психологического института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2010.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи обладает несомненной актуальностью, автор справедливо указывает на то, что в последние десятилетия народы России стремятся вернуть элементы национальной культуры в образование, понимая, что только в таком случае она продолжит жизнь в следующих поколениях, а не останется элементом музеиного наследия, на который потомки будут взирать с недоумением. В основе этого достойного стремления лежит убеждение, что «национальные корни» не препятствуют человеку усваивать достижения мировой культуры, а, напротив, создают жизненную основу для вхождения в неё. К сожалению, на смену энтузиазму сторонников восстановления традиций народной педагогики, характерному для первых лет развития отечественной педагогической науки после выхода нашего общества за пределы советской идеологической модели образования с её абстрактным интернационализмом (публикации Г.Н. Волкова, Е.П. Белозерцева и других авторов этого периода), сегодня в образовательном сообществе интерес к народной педагогике падает. Причину этого

следует видеть, прежде всего, в насаждении формализма в образовании (тестирование, ЕГЭ) и подавлении творческой активности учителя посредством бесконтрольного засилья бюрократической отчётности, пред назначенной для легализации контроля чиновниками от образования за расходованием бюджетных средств. К сожалению, автор рецензируемой статьи не обратил должного внимания на уже существующие разработки в области этнопедагогики, опирающиеся на материал истории и культуры разных народов России (напротив, без многих указанных в библиографии источников можно было бы и обойтись, к примеру, ну зачем в границах этой темы появляется Фейерабенд?). Думается, однако, что главная проблема рецензируемой статьи состоит даже не в этом упущении, а в том, что в ней не рассматриваются с должной степенью конкретности именно мировоззренческие основания этнопедагогики, на что указывает само название статьи. Соответственно, возникают и сомнения в целесообразности публикации представленного материала именно в журнале философской направленности. По-видимому, автор должен принять решение относительно более подробной разработки мировоззренческой тематики или представить статью в журнал педагогической направленности. Однако, какое бы решение ни принял автор, необходимо до публикации тщательно выверить текст, который содержит большое количество ошибок и стилистических погрешностей и в его сегодняшнем виде не может быть опубликован в научном журнале. Приводимые ниже примеры выбраны «наугад», поскольку буквально в каждом абзаце можно обнаружить подобные ошибки. Так, уже в начале статьи читаем: «...остается нерешенным пространство формирования...» (что это значит?); «...формирует в обществе активных индивидов и целостных людей...» (крайне неудачное выражение); «...молодежь легко основывает свою личность на родной культуре» (то же самое); «с момента модернизации с 1920-х годов» (зачем второе «с»?), и т.п. Или прочитаем, например, следующее высказывание: «...в связи с замещением материалистического атеизма идеологической науки...». Что такое «идеологическая наука», и чем «замещается» в ней «материалистический атеизм»? Очень много пунктуационных ошибок: «в целом, после распада...» (зачем запятая?); «этнопедагогики, как системы» (то же самое); «человеку, как носителю культуры, приходиться...» (запятые не нужны и лишний мягкий знак), и т.п. Одним словом, текст должен быть тщательно выверен, какое бы решение автор ни принял относительно научного направления, в рамках которого он намерен публиковать статью. На основании сказанного рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философская мысль» автор представил свою статью «Взаимосвязь культуры, интерпретации феноменов культуры и мировоззрения в системе этнопедагогики (на примере тувинской культуры)», в которой проведено исследование потенциала педагогики в формировании культурной идентичности подрастающего поколения.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, традиционная педагогика как наука о воспитании и образовании подрастающего поколения не способна ответить на все вызовы современного общества, так как она ограничена методами, сформированными на базе унифицированного подхода дидактического воспитания, и не учитывает тот комплекс изменений в современной культуре, который приводит к кардинальному изменению структуры культурных феноменов и информационного пространства. Автор выражает опасение, что в результате данного подхода традиции культуры не мыслятся

самоценными, молодое поколение интересуют только категории социальной успешности, раскрывающиеся через материальные ценности. В современной педагогике, по мнению автора, государством основной акцент ставится на быстрых и эффективных методах формирования профессиональных компетенций. Целью системы образования декларируется новый тип мышления, но сама модель формирует утилитарно-потребительское отношение к ней.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях культурного разнообразия встает необходимость развития методов педагогики, которые дают знание о гуманистической сущности поликультурного пространства, а также о ценности и уникальности каждой отдельно взятой культуры. В качестве перспективы развития данной проблематики автор видит философский и социологический анализ методов, вырабатываемых в рамках этнопедагогики, анализ культурологического содержания педагогического материала современности.

Цель данного исследования заключается в анализе взаимосвязи формирования мировоззрения и применяемых в педагогической практике методов. Объектом исследования является культура как пространство деятельности человека. Предметом исследования является этнопедагогика как механизм формирования мировоззрения, сохранения и трансляции традиционных культурных знаний и ценностей подрастающему поколению.

Методология исследования базируется на философском антропологическом подходе, раскрывающем многоаспектность человеческого бытия и ценность его субъективного восприятия. Теоретическим обоснованием послужили труды таких исследователей как Крежевских О.В., Каратаева Н.А., Коллегов А.К., Ким-Малони А.А., Мадюкова С.А. Попков Ю.В. и др.

К сожалению, автором не проведен анализ степени научной проработанности проблематики, вследствие чего представляется затруднительным делать предположения о научной новизне исследования.

Автор аргументирует необходимость развития этнопедагогики как системы этнотрадиционного образования тем, что эффективный образовательный процесс возможен только в совокупности с культурой. В результате становится обоснованной необходимость применения в этнопедагогике культурологических методов, раскрывающих философские аспекты мировоззрения. Формирование системы воспитания, которая дает целостное понимание взаимосвязи культурных феноменов и ценностей конкретной культуры, позволяет давать возможность для становления целостной личности, осознающей свое духовное единство с традицией предков, но в то же время понимающей необходимость адаптации к современности.

Автором в исследовании поднимается проблема содержания знаний и интерпретации феноменов культуры. На примере современной социокультурной ситуации тувинского народа автор наблюдает отсутствие корректной и адекватной интерпретации традиционных культурных ценностей, а лишь абстрактное понимание, в котором традиции прошлого выступают как архаичные и простые формы человеческой деятельности. Декларируемое современными потомками народов с многовековой и самобытной культурой понимание традиций в действительности не несет в себе конкретного содержания.

Решением данной проблемы автор видит применение этнопедагогики в практике воспитания и образования, но на качественно ином уровне: посредством формирования синтетического мышления у молодых поколений, которое будет способно выстраивать взаимосвязь исторических событий, ценностных установок культуры, интерпретации культурных феноменов, а также структуры трансформационных процессов. Необходимо формировать учебный материал, в котором показывается изменение традиций в ходе

исторического развития, разъяснение отличий современного мировоззрения от архаичного, изменение в понимании культурных феноменов. Понимание сущности изменения человека, общества, традиций и культуры позволит молодым людям эффективнее формировать целостную личность, способную к взаимодействию с обществом и выстраиванию органического единства с ним.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение потенциала педагогики как механизма трансляции традиционных культурных ценностей представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составила 23 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Гагинский А.М. — Бытие и данность в философии М. Хайдеггера // Философская мысль. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.44016 EDN: MVTZML URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44016

Бытие и данность в философии М. Хайдеггера

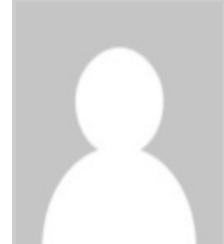
Гагинский Алексей Михайлович

ORCID: 0000-0001-9412-9064

кандидат философских наук

Старший научный сотрудник, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1, оф. 412

✉ algaginsky@gmail.com

[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.44016

EDN:

MVTZML

Дата направления статьи в редакцию:

13-09-2023

Аннотация: Автор полагает, что обсуждать философию Хайдеггера можно лишь в свете более или менее проясненного понимания бытия, но как раз в этом и состоит главная трудность: Хайдеггер приглашает в путь, не говоря, откуда отправляться и чем руководствоваться в дороге. Что должно служить ориентиром, чтобы его правильно понять? Из какого предварительного понимания бытия следует исходить, говоря о фундаментальной онтологии, онтотеологии, онтологической дифференции? Прежде всего, мое собственное бытие есть для меня точка опоры и исходная позиция в осмыслиении бытия и построении какой-либо онтологии. Поэтому смысл бытия считывается не с сущего вообще, а с конкретного существующего, с самого себя. Бытие у сущего по имени *Dasein* — конечно, потому что существующий смертен. Однако бытие человека отличается от бытия числа, дерева или ангела — как же тогда понять, какой смысл имеет это слово? Если бытие есть время, а время есть я сам, то что такое бытие скалы, числа или Бога? Кроме того, Хайдеггер не ограничивается утверждением, что Бог или ангел даны сознанию, то есть даны как некие чистоты, он говорит, что они существуют, то есть чистоты суть сущности. Это соответствует понятию «данности» в

феноменологии. При этом данность может относиться к чему угодно, например, к единорогу и пегасу, Зевсу и Гере, круглому квадрату и деревянному железу, однако без того чтобы считать их чем-то сущим, существующим. Поэтому естественным образом напрашивается вопрос о том, как все-таки Хайдеггер понимает бытие, почему для него данность выступает синонимом бытия?

Ключевые слова:

бытие, сущее, Хайдеггер, данность, феноменология, Бог, интенциональность, Дунс Скот, экзистенция, Гуссерль

Вступление: загадочность бытия

Бытие в философии Хайдеггера превращается в загадку, оно не определяется и не объясняется, ибо неопределимо и необъяснимо. И хотя все усилия философа были направлены на то, чтобы прояснить это понятие, он все же сильно запутал дело. С одной стороны, все то, что говорится Хайдеггером, говорится о бытии, с другой же, разговор постоянно сводится к разъяснению условий, при которых это прояснение возможно, то есть речь идет всякий раз о чем-то другом, только не о бытии. Несомненно, Хайдеггер внес большой вклад в онтологию, но сделал это настолько путано и неясно, что «мышление бытия» стало обрасти новыми проблемами и целой мифологией, начало чему положил сам *Meister aus Deutschland*. Как бы там ни было, обсуждать его философию можно только в свете более или менее проясненного понимания бытия, но как раз в этом-то и состоит главная трудность: Хайдеггер приглашает в путь, не говоря, откуда отправляться и чем руководствоваться в дороге. Это было практически непреодолимой преградой до тех пор, пока не завершилась публикация собрания сочинений, после чего хайдеггероведение стало постепенно выходить на совершенно новый уровень. Во всяком случае, теперь можно увидеть долгий путь мышления Хайдеггера в целом и ответить на те вопросы, которые раньше оставались покрыты туманом неопределенности. Что должно служить ориентиром, чтобы понять этого сложного философа? Из какого предварительного понимания бытия следует исходить, говоря о фундаментальной онтологии, онтотеологии или онтологической дифференции?

Кажется, что эти вопросы преждевременны: к пониманию бытия приходят в итоге, оно открывается лишь в конце пути, подобно тому как путник, проходя сквозь лесную чащу, выходит к просвету. Однако здесь встает вопрос, еще в древности вызывавший затруднения: каким образом искать то, чего не знаешь? И если Платон решал эту задачу с помощью учения о бессмертной душе, которая уже все видела в прошлой жизни, а потому может вспомнить это [21, с. 80–81], то *Dasein* не обладает такими бытийными возможностями: у него нет бессмертной души, точнее говоря, он сам и есть душа, с той существенной оговоркой, что эта душа смертная. И это не «последний дым испаряющейся реальности» (Ницше), словно некое облачко, улетающее из тела, но сама жизнь, само существование. Как говорит Хайдеггер: «Περὶ ψυχῆς [«О душе» Аристотеля — А. Г.] не является психологией в современном смысле, но имеет дело с бытием человека (*vom Sein des Menschen*) в мире (или живых существ в целом)» [30, с. 6]. Можно было бы сказать: что *Dasein im Menschen*, то душа в теле, и как нет человека без *Dasein*, так нет и тела без души (лишь наличествующий труп, в противоположность экзистирующей душе), и как душа еще не человек, так и *Dasein* не совпадает с понятием «человек» (понимаемым как *animal rationale*). Понятно, почему Хайдеггер переводит

ψυχή Аристотеля как *das menschliche Dasein* — человеческое существование [31, с. 21; 1, с. 585–586]. Поэтому существующий (*Dasein*) не может просто припомнить, что такое бытие, в чем состоит смысл этого понятия, из-за чего остается неясным, что такое просвет, как его искать и каким образом вообще сориентироваться в этой местности. И хотя у нас есть некое понимание бытия (*Seinsverständnis*), тем не менее «эта средняя понятность лишь демонстрирует непонятность» [28, с. 6]. Нет рядом Сократа, который помог бы припомнить, поэтому остается надеяться только на себя. С этим связан важный методологический аспект герменевтики фактичности: «Философия есть способ познания, сущий в самой фактической жизни, в которой фактичность существующего (*der faktisches Dasein*) безжалостно вырывает себя назад к себе и безоговорочно ставит себя на себя (*auf sich selbst stellt*)» [26, с. 18]. Мое собственное бытие есть для меня точка опоры и исходная позиция в осмыслиении бытия и построении какой-либо онтологии. Поэтому смысл бытия считывается не с сущего вообще, а с конкретного существующего, с самого себя [28, с. 10]. Этот существующий определен экзистенциалами, в соответствии с которыми он понимает себя как смертного и конечного, а поскольку его бытие обращено к смерти, оно раскрывается как бытие к смерти [28, с. 314–354]. Этому соответствует определенное истолкование бытия, доступное смертному: «...само бытие по существу конечно (*das Sein selbst im Wesen endlich*) и раскрывается только в трансценденции существующего, выдвинутого в Ничто (*in der Transzendenz des in das Nichts hinausgehaltenen Daseins*)» [29, с. 120]. Но что это значит? Как само бытие может быть конечным? Почему оно конечно? Что оно вообще такое, чтобы о нем можно было так сказать?

Оно конечно по той причине, что именно так оно считывается с конечного существа по имени *Dasein*: у конечного сущего конечное бытие. Отсюда специфическая (претендующая на научность и нейтральность) герменевтика фактичности и позиция методологического атеизма, которую Хайдеггер озвучивает в своих ранних текстах [5]. Конечным существам недоступна вечность, а потому не только время нельзя мыслить из вечности (вопреки Платону и всей последующей философской традиции), но и конечного человека недопустимо рассматривать *sub specie aeternitatis*, то есть как бессмертную душу, поскольку вечность есть «простой дериват бытия-во-времени». (См. доклад, который исходит из такой постановки вопроса: [17, с. 139–163]; и хотя Хайдеггер оговаривается, что здесь еще «ничего не решается относительно потустороннего и бессмертия, равно как и относительно посюстороннего, и не дается указаний касательно того, как следует и как нельзя вести себя по отношению к смерти. Тем не менее можно сказать, что эта экспликация осуществляется в радикальнейшей посюсторонности (*in der radikalsten Diesseitigkeit*)...» [18, с. 331]). Удел конечного — конечное, смертного — смертное, поэтому мы не можем мыслить некое вечное бытие, да еще и независимое от нас, оно нам просто недоступно, ибо существующий не обладает таким опытом. А поскольку бытие все равно «должно считываться с сущего» [18, с. 322], его нужно считывать с того, что нам действительно доступно, то есть с того «сущего, которое мы сами всегда суть» [28, с. 10]. А мы суть конечные существа, мы суть время, *Dasein ist die Zeit* [23, с. 81]. Этим еще ничего не сказано ни о бытии, ни о времени, ни о существующем, все пока что остается в области усредненной понятности, которая «лишь демонстрирует непонятность». Но вместе с тем здесь указаны важнейшие «взаимосвязи отсылок», проливающие свет на фундаментальную онтологию. Существующий — это время, время — это горизонт бытия, бытие понимается лишь в горизонте времени, поэтому бытие и есть время (*das Sein... ist die Zeit*) [27, с. 442]. Но не время «вообще», а мое время: «Вопрос о том, что есть время, стал вопросом о том, кто есть время. Точнее

говоря: мы сами суть время? Или еще точнее: я есть свое время? Тем самым я приближаюсь к нему вплотную, и если я правильно понимаю вопрос, он сделал все серьезным. Итак, подобное вопрошение есть соразмерный подход ко времени и обращение с ним как со всегда моим» [\[17, с. 163\]](#). И если бытие понимается в горизонте времени, то и все существующее должно быть осмыслено через время, все несет на себе печать времени. И в первую очередь я сам, существующий, ибо это сущее потому и называется существующим, что оно есть время бытия: я есть время моего бытия.

Таким образом, когда Хайдеггер говорит о бытии, он имеет в виду не бытие вообще, а конечное бытие, бытие существующего, das Sein des Daseins. Это бытие, увиденное глазами существующего, смертного человека. При этом понятие об объективном бытии, внешнем по отношению к существующему, было бы лишь ошибочной конструкцией. Как отмечает В. И. Молчанов: «По Хайдеггеру, смысл бытия равен “пониманию” бытия, т. е. самопроектированию Dasein. Так как бытие — это “мы сами”, смысл бытия не приписывается бытию извне» [\[9, с. 142\]](#). Схожей точки зрения придерживается Е. В. Фалёв: «Вопрос о бытии, поставленный герменевтически, есть вопрос о смысле бытия: вопрос, который должен быть решен, в конечном счете заключается не в том, что такое “бытие”, каково оно и как относится к сущему. Никакого “объективного”, равно как и чисто “субъективного” бытия не существует. “Бытие” — лишь один из смыслов, вкладываемых нами (Dasein) в свой “проект” (набросок) реальности. Поэтому точнее было бы даже сказать, что речь идет не о “смысле бытия”, как некой вещи, “имеющей” смысл, а о смысле “бытие”» [\[14, с. 60\]](#). Иначе говоря, «у каждого сущего — свое бытие» [\[11, с. 437\]](#). Соответственно, бытие у сущего по имени Dasein — конечно, потому что существующий смертен, его бытие — это время. Однако бытие человека отличается от бытия числа, дерева или ангела. Как же тогда понять, какой вообще смысл имеет это слово? Если бытие есть мое время, то что такое бытие дерева, числа или Бога? Или его вовсе нет? Или этот смысл есть только для меня? И что это вообще за вавилонская башня онтологии?

Безбрежное бытие

Хайдеггер утверждает как несомненный факт, что каждый человек имеет некое смутное представление о бытии: «Мы не знаем, что значит “бытие”. Но уже когда спрашиваем: “что есть ‘бытие’?”, мы держимся в некой понятности этого “есть”, без того чтобы мы могли понятийно зафиксировать, что это “есть” означает. Мы не знаем даже горизонт, в котором следует схватывать и фиксировать его смысл. Эта усредненная и смутная понятность бытия есть факт» [\[28, с. 7\]](#). Эта усредненная и смутная понятность является базовым онтологическим фоном, с которого начинается разговор о бытии и его последующая конкретизация. Зафиксировав наличие этого фонового понимания, Хайдеггер не разъяснил, что оно собой представляет. Однако факт изначальной бытийной понятности вовсе не является чем-то самоочевидным. Как он формируется у человека?

Эта понятность, Seinsverständnis, различна географически и меняется исторически. Например, смутные представления о бытии у индейцев племени пирахан, если о таковых вообще можно говорить, вероятнее всего отличны от того, что имел в виду У. Куайн, когда писал «о том, что есть», а взгляды древних египтян на эту тему, конечно же, достаточно сильно отличались от прозрений Аристотеля. Этот фон культурно специфичен, хотя в целом у homo sapiens, быть может, имеется некая общая и весьма смутная «онтология». Как бы там ни было, если говорить о современной ситуации, наша бытийная понятность формируется образованием и жизненным опытом, которые задают

определенный горизонт того, что мы считаем возможным, отличая его от того, чего в принципе не может быть. Причем взгляды людей одной культуры могут довольно сильно различаться. Так, онтологический горизонт А. Майонга был явно шире, чем мог бы допустить Б. Рассел. И сегодня есть немало людей, которые готовы признать, что Гарри Поттер существует, а также и тех, кто считает такое утверждение ошибочным расширением границ онтологии.

В случае Хайдеггера этот горизонт не только чрезвычайно широкий, но еще и совершенно неясный. В курсе лекций 1927 г., где речь заходит об онтологической дифференции, бытийная понятность попросту утрачивает отчетливые границы: «И что может быть дано (es geben), кроме природы, истории, Бога, пространства, числа? Обо всем перечисленном мы говорим, хотя и в разных смыслах, что оно есть (es ist). Мы называем его сущим (Seiendes). Соотносясь с ним, будь то теоретически или практически, вступаем в отношение с сущим. Помимо этого сущего нет ничего. Возможно, помимо перечисленного сущего ничто иное не есть, но, возможно, дано (gibt es) кое-что еще, что, правда, не есть, но тем не менее в некотором смысле, который еще предстоит определить, дано. Более того. В конце концов дано нечто, что должно быть дано (gibt es etwas, was es geben mößt), дабы мы получили доступ к сущему как сущему и могли бы с ним соотноситься, нечто такое, что хотя и не есть, но должно быть дано, для того чтобы мы вообще переживали в опыте и понимали нечто такое, как сущее. Мы способны схватывать сущее как таковое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие [\[24, с. 13-14\]](#). К какой понятности бытия здесь апеллирует Хайдеггер? Почему в один ряд ставятся природа, история, Бог, пространство, число? Разве это соотносимые понятия? Что это, «глупая шутка» [\[13, с. 32\]](#) или намеренный силлепсис? Почему, оставаясь в рамках методологического атеизма, Хайдеггер без каких-либо пояснений говорит о Боге и даже может включить в число сущих ангела? Например: «Сущее, существующее способом экзистенции, это человек. Только человек экзистирует. Скала существует, но она не экзистирует. Дерево существует, но оно не экзистирует. Лошадь существует, но она не экзистирует. Ангел существует, но он не экзистирует. Бог существует, но он не экзистирует» [\[15, с. 32\]](#). И обо всем «перечисленном мы говорим, хотя и в разных смыслах, что оно есть (es ist)» [\[24, с. 13\]](#). Речь идет именно о том, что Бог есть, ангел есть и т. д. Но тогда возникает вопрос: разве скала существует так же, как существуют ангел или Бог? Чем бытие человека отличается от бытия лошади? Почему бытие скалы не отличается от бытия Бога? Да и вообще, как можно говорить о существовании ангела или Бога, оставаясь на позиции методологического атеизма? Как все это понимать?

По всей видимости, за этим стоит некое смутное и наиболее общее понимание бытия, ибо мы «способны схватывать сущее как таковое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие». Но это бытие настолько общее, что теряет горизонт, ибо нет ничего, что не включало бы в себя это понятие. Иначе говоря, такое понимание больше соответствует тому, что в феноменологии называется *данностью*, а вовсе не тому, что предполагает усредненное понимание бытия. Нечто, что угодно, может быть дано. Например, дано сознанию (Гуссерль), дано существующему (Хайдеггер). Здесь не ставится вопроса о том, существует данное или не существует. Оно просто дано. Дано может быть все что угодно. Но у Хайдеггера всякое данное, каким бы оно ни было, именуется *сущим*, то есть оно существует, оно есть (es ist), пусть и в разных смыслах: «Однако мы многое и в разном смысле называем “сущим” (seiend). Сущее есть все, о чем мы говорим, что имеем в виду, к чему так-то и так-то относимся (Seiend ist alles, wovon wir reden, was wir meinen, wozu wir uns so und so verhalten), сущее есть также то,

что и как мы сами суть. Бытие заключается в что- и так-бытии, в реальности, наличии, состоянии, значимости, существовании, в "дано" (Sein liegt im Daß- und Sosein, in Realität, Vorhandenheit, Bestand, Geltung, Dasein, im "es gibt")» [\[28, с. 9\]](#).

Это вызывает недоумение: сущее есть все, о чем мы говорим. Но мы говорим про Деда Мороза и Бабу-ягу. Неужели их тоже следует называть чем-то существующим? Бытие распадается на ряд соответствующих понятий и в каком-то из смыслов фиктивным сущностям можно приписать бытие. Значит, Хайдеггер предполагает, что нечто существует именно как данное. Не только существует данность того, что мне дано что-то, то есть имеется факт того, что мне что-то дано, Хайдеггер говорит нечто большее: что дано, то и существует. Он не ограничивается утверждением, что Бог или ангел даны сознанию, например, мыслятся или воображаются, то есть даны некие чайности, он говорит, что они существуют, то есть чайности для него суть сущности. Почему?

В соответствии с феноменологическим подходом, «сколько кажимости, столько "бытия" (Wieviel Schein jedoch, so viel "Sein")» [\[28, с. 48\]](#). Но мало ли что человеку кажется, или видится... И уж вряд ли следует ожидать от атеиста, пусть и методологического, что ему видятся ангелы или Бог. Тем не менее «обо всем перечисленном мы говорим, хотя и в разных смыслах, что оно есть (es ist). Мы называем его сущим (Seiendes). Соотносясь с ним, будь то теоретически или практически, вступаем в отношение с сущим» [\[24, с. 13\]](#). Но теоретически можно относиться вообще к чему угодно, например, к единорогу и пегасу, Зевсу и Гере, круглому квадрату и деревянному железу, однако без того чтобы считать их чем-то сущим, существующим. Поэтому здесь естественным образом напрашивается вопрос о том, как все-таки Хайдеггер понимает бытие, почему сущим называется вообще что угодно?

На данном этапе следует зафиксировать, что данное оказывается не просто мыслимым, теоретическим, но сущим, феноменальным: «Бытие дальше, чем все сущее, и все равно оно ближе человеку, чем любое сущее, будь то скала, зверь, художественное произведение, машина, будь то ангел или Бог» [\[22, с. 331\]](#). Бог и ангел есть сущее наряду со скалой и зверем. Это означает, что данность данного совпадает с бытием сущего. Но разве данность и бытие тождественны? Хайдеггер говорит лишь о том, что бытие дано, но не поясняет, различаются они или нет, следует ли понимать бытие и данность как нечто единое или между ними есть какая-то существенная разница. Вероятно, причина этого связана с тем, что данность в феноменологии остается неопределенной, во всяком случае у Гуссерля и Хайдеггера, поэтому в текстах последнего различие между данностью и бытием не проясняется. (Ср.: «Данность — это метафора. В феноменологии феномен определяется через данность, но данность не тематизируется. Говорится о том, что дано, как дано, но не говорится, что такое "дано". Вопрос о данности так и не был поставлен в феноменологии» (10, с. 286–287); впрочем, Ж.-Л. Марион впоследствии создаст феноменологию данного, пытаясь обосновать приоритет данности перед бытием, что опять же указывает на определенное различие между этими понятиями [\[20\]](#)). Хайдеггер говорит лишь о том, что бытие должно быть дано (es geben muß), чтобы мы получили доступ к сущему как сущему.

А. Г. Черняков верно отмечает, что В. В. Бибихин ошибочно переводит es gibt как «имеет место», после чего «вынужден далее называть das Es — у Хайдеггера не показывающую-ся инстанцию давания, дарения, дара "Местом" (и к тому же — "с большой буквы"), которое бытие уже "имеет", т. е. вместо "давания" появляется "имение", вместо субстантивированного местоимения "das Es" ("оно" или "это") — нагруженное совершенно иным смыслом и ко многому обязывающее существительное

“Место”» [\[19, с. 27\]](#). Но вместе с тем Черняков и сам оказывается на грани ошибочной теологизации мысли Хайдеггера: «Для Хайдеггера позади всякой такой морфологии, позади всякого “имеется” или “дано” (*es gibt*) стоит дающее (*das Es, das gibt*), которое ускользает от взгляда и именования, не открывает лица, как всякий истинный даритель» [\[19, с. 26-27\]](#). Это высказывание верно, если не понимать под «дарителем» Бога, который «не открывает лица». Хайдеггер настойчиво пытался уйти от такого рода христианизации онтологии. Едва ли у *das Es* имеется лицо, скорее, «оно» намеренно противопоставлено какой-либо персональности. Но что такое данность бытия?

Здесь многое остается неясным, и прежде всего — бытийная понятность, в горизонте которой история, ангел, число опознаются как сущие. Как здесь понимается бытие? Почему оно настолько всеохватное, что включает число и Бога? Ведь если для Г. Фреге, например, мир идей существует, вследствие чего числу может быть приписано существование, то с точки зрения Р. Карнапа, тоже характерный пример, это лишь метафизическое слово, у которого нет значения. И если в случае М. Шелера можно сказать, что Бог существует, то для З. Фрейда ситуация обстоит противоположным образом. Во всех этих случаях вопрос стоит о бытии: не о том, дано ли нам что-то, но о том, существует какой-либо предмет мысли или нет, обладает ли некое данное бытием или оно лишь мыслится нами. В чем различие данного и сущего? Это необходимо прояснить. Однако Хайдеггер этого не делает, он толкует данное как сущее, то есть вопрос о бытии у него остается в рамках феноменологии, что предполагает весьма специфическую онтологию. И хотя именно Хайдеггер обратил внимание на то, что Гуссерль упустил вопрос о бытии сознания и таким образом, казалось бы, должен был выйти за пределы феноменологии [\[18, с. 109\]](#), тем не менее и до и после поворота Хайдеггер продолжал мыслить о бытии как о данности. Почему?

Интенциональное бытие

Помочь осветить этот вопрос может его габилитационная работа, защищенная в 1915 г. В центре внимания молодого философа — *ens logicum*, или логическое бытие. Данный термин имеет предельно широкий смысл и обозначает все, что может быть помыслено, или все, что дано. Как отмечает Ш. Макграт: «*Habilitationsschrift* Хайдеггера вращается вокруг дискуссии о понятии Скота *ens logicum* — логическое бытие, бытие всего, что может быть воспринято, а также схоластический прототип того, что в феноменологии будет называться “данность”» [\[32, с. 67\]](#). Согласно Дунсу Скоту, всякий объект, будучи познанным, обладает интенциональным бытием (*objectum ut cognitum habet esse* «*intentionale*»), причем это бытие относится вообще ко всему, что так или иначе дано сознанию: «По мнению Дунса Скота, кто когнитивно нацеливается на что-либо, тот нацеливается в первую очередь на объекты, обладающие “интенциональным”, или “интеллигибельным”, бытием (*esse intentionale, intelligibile*). Время от времени Скот говорит также об “уменьшенном бытии” (*esse diminutum*), “объективном бытии” (*esse obiectivum*) или о “познанном бытии” (*esse cognitum*)» [\[12, с. 223-224\]](#). Эти понятия используются как синонимы и в данный ряд входит *ens logicum*. Хайдеггер пишет: «Дунс Скот определяет абсолютное господство логического смысла над всеми познаваемыми и познанными мирами объектов (*Objektwelten*) как обратимость “*ens logicum*” с предметами. Что бы ни было предметом, оно может стать “*ens diminutum*”. Что бы ни познавалось, какие бы суждения ни делались, оно должно войти в мир смысла, только в нем оно распознается и оценивается. Только живя в значимом (*im Geltenden*), я знаю о существующем (*Existierendes*)» [\[25, с. 279-280\]](#) (о понятии *ens diminutum*: [\[3, с. 7-8\]](#)).

Здесь важно обратить внимание на то, что все познаваемое, всякое *logicum* есть вместе с тем *ens*, сущее, что предполагает «обратимость "ens logicum" с предметами». Для того чтобы что-то могло быть познано, оно прежде должно войти в мир смысла, оно должно быть как-то идентифицировано, ибо только так оно может иметь для меня какое-то значение, только так оно может быть мною вообще замечено, иначе «я живу вслепую в абсолютной темноте», как говорит Хайдеггер: «Уже потому, что мне вообще сознательно дано нечто (*Ens*), что я делаю нечто предметом своего сознания, вступило в действие понятие определенности (*Bestimmtheit*). То, что есть предмет, находится в ясности, пусть даже только в полумраке, который позволяет увидеть не более чем нечто предметное вообще. Если бы этот первый момент ясности (*erste Klarheitsmoment*) отсутствовал, то у меня не было бы и абсолютной тьмы, ибо если она у меня есть, она сама уже снова находится в ясности. Скорее, нужно сказать: у меня вообще нет предмета, я живу вслепую в абсолютной темноте, не могу двигаться духовно, умственно, мышление стоит на месте. С помощью *Ens* я обретаю первую определенность (*die erste Bestimmtheit*), а поскольку каждое *Ens* есть *Unum*, то и первый порядок (*die erste Ordnung*) в многообразном изобилии предметного. Итак, определенность — это нечто упорядоченное в данном (*etwas Ordnungshaftes am Gegebenen*), она делает его понятным, узнаваемым, объяснимым» [\[25, с. 224\]](#).

Благодаря *ens* я обретаю первую определенность, а поскольку оно обратимо с трансценденталиями *unum et verum* (единое и истинное), данное обретает первый порядок, оно становится постижимым. Без этой первичной определенности «у меня вообще нет предмета». Хайдеггер предполагает следующую последовательность: разумной душе что-то дано, однако данность была бы слепой и неупорядоченной, если бы с помощью *unum et verum* она не обретала определенность: данность-бытие → трансценденталии → определенность → постижимость. При этом Хайдеггер развивает феноменологически ориентированный взгляд на средневековую философию и уже здесь исходит из первичности человеческого существования, которое именуется душой, осуществляющей акты познания, воспринимающей нечто. (Как он отметил в предисловии своего исследования: «Для решительного проникновения в этот основохарактер схоластической психологии я считаю особенно актуальной философскую, а точнее, феноменологическую проработку мистических, морально-богословских и аскетических сочинений средневековой схоластики. Только на таких путях можно проникнуть в живую жизнь средневековой схоластики...» [\[25, с. 205-206\]](#)). Данность — это открытость бытия для души, открытость бытия существующему: «Существующий есть своя открытость (*Das Dasein ist seine Erschlossenheit*)» [\[28, с. 177\]](#). Подробнее об открытости: [\[7\]](#). Иначе говоря, без существующего нет ни открытости, ни данности, а значит и всего последующего — определенности и постижимости, ведь «...лишь до тех пор, пока есть существующий (*Dasein ist*), т. е. онтическая возможность бытийной понятности, "дано" бытие ("gibt es" *Sein*). Если существующий не экзистирует, то не "есть" также "независимость" и не "есть" также "по-себе". Подобное тогда — ни постижимо, ни непостижимо. Также и внутримирное сущее тогда не может ни быть раскрыто, ни лежать в потаенности» [\[28, с. 281\]](#).

Вместе с тем это означает, что бытие здесь осмысляется через фигуру познающего, то есть феноменологически, поскольку оно понимается в смысле *ens logicum*, как логическое, интенциональное бытие (недавно вышла важнейшая работа о ментальном сущем в позднесредневековой философии, в которой разъясняются тонкие онтологические дистинкции, полезные для понимания в том числе и Хайдеггера: [\[3\]](#)). Существующему, пребывающему в мире, этот мир каким-то образом дан, он

воспринимает окружающее. При этом воспринимаемое не является бессмысленным потоком ощущений (как говорил И. Кант: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [\[8, с. 90\]](#)). Для Хайдеггера данное постижимо только в свете интенционального бытия, которое он здесь называет первым моментом ясности (*erste Klarheitsmoment*), а позднее — просветом. В свете этой первичной ясности бытия все обретает определенность, именно в свете бытия мы понимаем сущее: «Мы способны схватывать сущее как таковое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие» [\[16, с. 12\]](#). Первую главу своей габилитационной работы немецкий философ начинает следующими словами: «Каждая предметная область есть предметная область. Даже если мы еще ничего не знаем о тех областях действительности, о которых стоит вопрос, уже потому, что мы говорим о них как о проблематичных во всех отношениях, перед нами стоит что-то, некий предмет. Все и вся есть предмет (*Alles und jedes ist ein Gegenstand*). *Primum objectum est ens ut commune omnibus* [Первый объект есть сущее, как общее для всего. — А. Г.]. Это *Ens* дано в каждом предмете познания в той мере, в какой он является предметом. Как всякий предмет зрительного чувства, будь то белый, черный или пестрый, является цветным, так и любой предмет вообще, независимо от содержания, которое он представляет, есть *Ens*» [\[25, с. 214\]](#).

Это важно для понимания бытия у Хайдеггера: любой предмет, поскольку он является предметом, то есть дан воспринимающему, независимо от содержания, есть сущее, или бытие (*ens*). Все и вся есть предмет, некое сущее. Здесь едва ли будет уместным углубляться в средневековую философию, но уже сейчас можно отметить, что Хайдеггер исходит из традиционной постановки вопроса в схоластике, в рамках которой решалась проблема первого объекта познания, каковым для Дунса Скота было унивокальное бытие. А поскольку сама постановка вопроса предполагала комплементарное отношение онтологии и гносеологии, предшествующее их разделению в Новое время, речь шла об интенциональном бытии, *esse intentionale*. Отсюда утверждения Хайдеггера, в которых объединяется схоластическая и феноменологическая проблематика, согласно которой «сколько кажимости — столько бытия (*wieviel Schein — soviel Sein*), то есть везде, где нечто выдает себя за то-то и то-то, там это отдающее себя находится в возможности сделаться здимым и тем самым определиться» [\[27, с. 189, 119\]](#). Стало быть, спустя десять лет после защиты диссертации Хайдеггер по-прежнему, хотя и несколько другим языком, говорит о первичной определенности и постижимости сущего. И по-прежнему бытие и данность (или *Schein* — кажимость, видимость), выступают как нечто единое: нечто кажет себя и таким образом является свое бытие, и насколько оно является, настолько и существует.

Отсюда следует, что бытие для Хайдеггера — это интенциональное бытие, с той только разницей, что тот, кому нечто кажет себя, раньше именовался разумной душой (*animal rationale*), а теперь именуется существующим, *Dasein*. Существующий, *Dasein* — это душа, которой открыто сущее: «Оптическо-онтологическое преимущество существующего (*des Daseins*) увидели уже рано, без того чтобы само существующее (*das Dasein selbst*) в его генуинной онтологической структуре могло быть схвачено или даже просто стало нацеленной на это проблемой. Аристотель говорит: \square ψιχ \square τ \square \square υτα πώς \square στι — д) (человека) есть некоторым образом сущее; “душа”, составляющая бытие человека (*das Sein des Menschen*), открывает в своих способах быть, α \square σθησις и ν \square ησις, все сущее (*alle Seiende*) в плане его что- и так-бытия (*Daß- und Soseins*), т. е. всегда также в его бытии. Это положение, отсылающее к онтологическому тезису Парменида, Фома Аквинский включил в характерное рассуждение. В рамках задачи выведения “трансценденций”, т.

е. свойств бытия (der Seinscharaktere), которые лежат еще выше всякой возможной предметно-содержательно-родовой определенности сущего (Bestimmtheit eines Seienden), всякого modus specialis entis, и с необходимостью принадлежат всякому нечто, чем бы оно ни было, как одно такое *transcendens* должно быть обнаружено также *verum*. Это делается через обращение к некоему сущему (ein Seiendes), которое по самому способу своего бытия обладает способностью "сходиться", то есть согласовываться, с каким угодно сущим. Это отличительное сущее, *ens*, *quod natum est convenire cum omni ente* — душа (*anima*). Выступающее здесь преимущество "существующего" перед всем другим сущим, хотя онтологически непроясненное, очевидно, не имеет ничего общего с дурной субъективацией вселенной сущего» [\[28, с. 19\]](#).

Душа, которая имеет онтически-онтологическое преимущество, открыто все многообразие интенционального бытия: «душа», составляющая бытие человека, открывает все сущее в его бытии. Но еще раз: душа здесь мыслится не как бессмертная субстанция, а как *Dasein*, то есть как принципиально конечная, смертная сущность существующего, как жизнь и существование: «"Сущность" существующего лежит в его существовании» [\[28, с. 56\]](#). Усилия Хайдеггера направлены на то, чтобы описать положение души в мире, чтобы зафиксировать и раскрыть это своеобразное бытие. Душа интенционально открывает все сущее в его бытии и само бытие сущего ей открывается как данность данного, поэтому бытие и включает в себя все «от Бога до песчинки» [\[15, с. 31\]](#). Бытием называется все, что может быть дано, потому что речь идет об интенциональном бытии, об *ens rationis*.

Заключение: время и бытие

И все же остается один вопрос: что делать с кентаврами и пегасами, Бабой-ягой и дедом Морозом? Иначе говоря, как разграничить воображаемое и существующее? Как различить данность и бытие? Хайдеггер использует решение Гуссерля, точнее говоря, данное решение становится для его проекта точкой отсчета. В «Логических исследованиях» Гуссерль пишет следующее: «То, что "в" сознании, для нас реально точно так же, как и то, что "вне". Реальное — это индивидуальное со всеми своими составными частями, оно есть Здесь и Теперь. В качестве характерного признака реальности достаточно для нас временности. Реальное бытие и временное бытие хотя и не тождественные, но по объему равные понятия. Естественно, мы не полагаем, что психические переживания суть вещи в смысле метафизики. Однако к некоторому вещественному единству они все же причастны, если верно старое метафизическое убеждение, что все временное сущее с необходимостью есть некоторая вещь или же вносит свой вклад в конституирование вещей. Если же, однако, все метафизическое должно быть совершенно исключено, то следует определить реальность как раз через временность. Ибо здесь все сводится лишь к тому, что оно противоположно вневременному "бытию" идеального» [\[6, с. 119\]](#). То, что находится «в» сознании, для нас реально так же, как и то, что «вне». Это указывает на некий род данности, который для человека, которому эта данность дана, является реальным. Это некое ментальное сущее, или интенциональное бытие. Оно в себя включает все что угодно. Но как различить реальное и воображаемое? Гуссерль говорит, что таким критерием является время, благодаря которому реальное противоположно идеальному. Реальное временно, идеальное вневременно. При всем критическом отношении Хайдеггера к своему учителю, этот подход станет определяющим для проекта фундаментальной онтологии и экзистенциальной аналитики. Все многообразие интенционального бытия, о котором

говорит Хайдеггер, то есть история, Бог, число, ангел, что угодно — «от Бога до песчинки» — проходит через бутылочное горлышко времени, которое и есть *Dasein*, сущая душа. Бытие должно пониматься в горизонте времени, поэтому Хайдеггер выделяет экзистенцию — бытие человека. Однако время моего бытия совершенно отлично от бытия скалы, числа, круглого квадрата или Бога. Что это за бытие? И бытие ли это вообще? Экзистенциальная аналитика ответа на этот вопрос не дает.

Библиография

1. Ахутин А. В. *Dasein* (Материалы к толкованию) // Ахутин А. В. Поворотные времена: Статьи и наброски. СПб.: Наука, 2005. С. 551–600.
2. Вдовина Г. В. Интенциональность и жизнь. Философская психология постсредневековой схоластики. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 592 с.
3. Вдовина Г. В. Химеры в лесах схоластики: *Ens rationis* и объективное бытие. СПб.: СПбПДА; РГПУ им А. И. Герцена, 2020. 440 с.
4. Гагинский А. М. *Dasein* в России: еще раз к вопросу о переводе // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 4 (16). С. 110–133.
5. Гагинский А. М. Методологический атеизм М. Хайдеггера: биография и философия // История философии. 2023. Т. 28. № 1. С. 67–81.
6. Гуссерль Э. Логические исследования // Он же. Собрание сочинений / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Гноэсис; Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 3 (1).
7. Ищенко Н. И. Понятие «открытость» в аналитике *Dasein* Мартина Хайдеггера: проблема определения // История философии. 2020. Т. 25. № 2. С. 55–68.
8. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4.
9. Молчанов В. И. Время и сознание: критика феноменологической философии // Он же. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. С. 29–196.
10. Молчанов В. И. Различие и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Он же. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. С. 197–454.
11. Паткуль А. Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб.: Наука, 2020. 810 с.
12. Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века / Пер. с нем. Г. В. Вдовиной. М.: Дело, 2016. 270 с.
13. Райл Г. Понятие сознания / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
14. Фалёв Е. В. Герменевтика Мартина Хайдеггера. СПб.: Алетейя, 2008. 224 с.
15. Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Он же. Время и бытие / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 27–36.
16. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
17. Хайдеггер М. Понятие времени / Пер. с нем. А. П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2021. 200 с.
18. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени / Пер. с нем. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
19. Черняков А. Г. Онтология времени: Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.

20. Ямпольская А. В. Жан-Люк Марион и редукция к данности // Философские науки. 2013. № 2. С. 100–114.
21. Plato. *Meno* // *Platonis opera* / Ed. J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900. Vol. 3. P. 70–100.
22. Heidegger M. *Brief über den »Humanismus«* // Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. S. 313–364 (Gesamtausgabe, 9).
23. Heidegger M. *Der Begriff der Zeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2004. 133 S. (Gesamtausgabe 64).
24. Heidegger M. *Die Grundprobleme der Phänomenologie*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989. 473 S. (Gesamtausgabe, 24).
25. Heidegger M. *Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus* // *Frühe Schriften*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1978. 189–411 S. (Gesamtausgabe, 1).
26. Heidegger M. *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1988. 227 S. (Gesamtausgabe 63).
27. Heidegger M. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. 447 S. (Gesamtausgabe 20).
28. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. 583 S. (Gesamtausgabe 2).
29. Heidegger M. *Was ist Metaphysik?* // Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. S. 103–122 (Gesamtausgabe, 9).
30. Heidegger M. *Einführung in die phänomenologische Forschung*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1994. 332 S. (Gesamtausgabe 17).
31. Heidegger M. *Platon: Sophistes*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1992. 668 S. (Gesamtausgabe 19).
32. McGrath S. J. *The early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken*. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2006. 268 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой обстоятельное исследование ключевой темы «Бытия и времени». Разумеется, и новое обращение к ней вряд ли может претендовать на исчерпывающее «прояснение» мысли Хайдеггера, тем не менее, следует признать, что автору удалось уточнить границы интерпретации текстов немецкого философа и тем самым способствовать хотя бы частичному преодолению их «непрозрачности», с описания которой начинается статья. Автор приходит к выводу о близости Хайдеггера своему учителю в вопросе о времени как «критерии различия» человеческого существования от способа бытия предметов (образов сознания), не подверженных участии переживания времени. Думается, продолжение представленного исследования (в направлении, легко «вычитываемом» из последних предложений) могло бы быть связано с уточнением отношения бытия предметов, остающихся равнодушными ко времени, к тому целому, которое в немецкой классической философии, в конце концов, предстало как Дух. Знакомство со статьёй не оставляет сомнений в том, что она может привлечь внимание всех, кто интересуется историей западной философии. Автор обладает несомненной эрудицией, высказывает во многих случаях точные оценки, проявляет проницательность в толковании труднейших философских текстов. Замечания,

которые будут сделаны ниже, не могут рассматриваться в качестве препятствия для публикации статьи в научном журнале, хотя учёт некоторых из них и способен улучшить текст статьи. Так, представляется правильным взять в названии статьи «бытие» и «данность» в кавычки, ведь речь идёт именно о понятиях философии Хайдеггера, о том, какой смысл в них «прочитывается» интерпретатором. Автор в начале статьи излишне пространно говорит о «загадочности» «бытия» у Хайдеггера, эти строки в действительности мало что говорят читателю, поскольку никто и никогда, думается, и не пытался доказывать, что Хайдеггер «ясен». Скорее – и, кажется, автор также разделяет эту позицию, – «загадочность» добавляет своеобразного обаяния текстам немецкого философа, привлекая к ним всё новых читателей. Далее, местами текст статьи выглядит излишне описательным, автор лишь «толкует» Хайдеггера, вместо того, чтобы анализировать его тексты, попытаться выделить более глубокую концептуальную структуру повествования. Кроме того, во многих случаях автор напрасно воспроизводит немецкий текст, он не добавляет понимания, поскольку и приводимый русский перевод не искажает оригинал. Но самый главный упрёк, который можно было бы высказать автору, состоит в том, что он рассматривает тексты Хайдеггера на фоне «привычной» для этой темы литературы (причём многие источники и приводимые критические оценки дублируют друг друга); почему бы, например, не обратиться к «Феноменологии духа» как универсальному контексту понимания и оценки последующих феноменологических концепций? В «техническом» отношении статья оформлена весьма добротно, немногочисленные опечатки (например, «der faktisches Dasein») можно исправить в рабочем порядке. Рекомендую опубликовать статью в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Глуздов Д.В. — Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта // Философская мысль. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.40062 EDN: NFQRFV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40062

Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта

Глуздов Дмитрий Викторович

ORCID: 0000-0001-7043-5139

аспирант, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

✉ dmitry.gluzdov@mail.ru

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.40062

EDN:

NFQRFV

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2023

Аннотация: Объектом философского исследования является искусственный интеллект. Предмет исследования охватывает воздействие процесса развития искусственного интеллекта на человека, на формирование и изменение представления о человеке, его природе и сущности. Но в исследовании акцент делается на противоречивость этого воздействия. Философско-антропологический анализ искусственного интеллекта ориентирован на понимание влияния этой технологии через феномен человека, человеческое существование и его опыт. Статья является попыткой изучить с разных позиций проблему, в том числе вопрос, как обеспечить контроль над растущим "потреблением" искусственного интеллекта в самых разных, а так же, что может повлиять на возможности развития самого человека и того, как современные тенденции способствуют изменению или созданию социальных и культурных норм, таких как идеи «робоэтики» и этическая ответственность при создании и использовании интеллектуальных машин. Наличие разрозненного или недостаточно полного охвата в изучении представленной темы в работах исследователей позволяет ставить задачу

формулирования проблемы и её изучение. Именно потребность в комплексном исследовании является идеей инициировавшей данную работу, что сводится к попытке проведения философско-антропологического анализа, выявления недостатков существующей ситуации и определения перспектив. С этой позиции, в процессе исследования не было обнаружено материалов, рассматривающих проблему всеобъемлюще, а с другой, объединяющих в себе задачу выявления причин и оснований этих противоречий с целью их анализа с позиций философской-антропологии, что и определяет новизну исследования.

Ключевые слова:

философская антропология, человек, искусственный интеллект, технология, противоречия, сознание, свобода, идентичность, этика, междисциплинарное сотрудничество

Введение

В последние годы искусственный интеллект (далее – ИИ или ИИ-системы) добивается значительного прогресса благодаря развитию вычислительных мощностей, накоплению данных в цифровом виде (материала для обработки), а также благодаря достижениям в областях машинного обучения, нейронных сетей и алгоритмов глубокого обучения. Поскольку ИИ продолжает развиваться и становиться все более изощренным, его развитие ставит ряд разнородных задач, требующих междисциплинарного подхода для их решения. Несомненно, развитие ИИ сопровождается определенными противоречиями, для полного и разностороннего понимания которых требуется философское осмысление проблемы.

Искусственный интеллект способен качественно изменить бытие человека. Поэтому именно перед философской антропологией, стремящейся понять принципы, управляющие человеческим существованием, стоит задача проанализировать вопросы и проблемы, связанные с развитием искусственного интеллекта. Цель данной статьи – проанализировать противоречия в развитии ИИ с позиций философской антропологии, что соответствует и её исследовательским целям – познанию того, что значит быть человеком.

Актуальность определена тем, что существующие состояния контроля за развитием ИИ можно назвать ничтожно малым. Несмотря на то, что государственные органы разных стран уже начали формировать законодательную базу по контролю за искусственным интеллектом, она не охватывает все возможные сферы и проблемы. Чаще затрагиваются только отдельные вопросы в отношении изучаемой предметной области (например, только юридические аспекты или вопросы, или безопасности) и не рассматриваются противоречия в целом.

Новизна исследования заключается в выявлении причин и оснований противоречий развития искусственного интеллекта, попытке проанализировать эти противоречия с позиций философской антропологии.

В **методологическом плане** в данной работе используются классификация, сравнительный анализ. Также применен герменевтический подход, позволяющий интерпретировать первоисточники, и феноменологический подход, позволяющий рассмотреть ИИ как феномен социокультурной среды человека.

Об истоках противоречий в развитии искусственного интеллекта

Различные причины способствовали развитию искусственного интеллекта и актуализации потребности в исследовании противоречий. Эти противоречия возникают из-за различий в ожидании от применения искусственного интеллекта, возможностью выбора разных направлений в его развитии, а также отсутствием регулирующих принципов и контролирующих органов.

Начало ускоренного развития искусственного интеллекта стало одним из самых значительных технологических достижений в новейшей истории. Начиная от виртуальных помощников, гаджетов, персональных компьютеров, до беспилотных транспортных средств – искусственный интеллект проник почти во все аспекты современной жизни и продолжает проникать всё глубже и глубже. Но одним из основных источников противоречий, связанных с развитием ИИ, является отсутствие единого подхода, теории, юридических норм, контролирующих структур, которые могли бы направлять и координировать его развитие [\[1, с.501-502\]](#)[\[2, с.91\]](#)[\[3, с.18,22\]](#). В настоящее время исследования искусственного интеллекта характеризуются наличием различных подходов: изучение через нейронные сети, эволюционные алгоритмы, глубокое обучение и др. Каждый из подходов имеет свои сильные и слабые стороны. Но развитие искусственного интеллекта осложняется наличием этических и социальных проблем. Среди них и обязательное влияние на область занятости человека, и проблемы с доступом к конфиденциальной информации, и её безопасность, и не корректность обработки данных. Последнее может повлечь усугубление существующих неравенств и несправедливости. Если алгоритмы не разработаны и не протестированы должным образом, то ИИ-системы могут сохранить в самой «сердцевине» искусственного интеллекта – «знаниях», определённую предвзятость, а как следствие и дискриминацию в отношении человека (или групп людей).

Одним из ключевых источников противоречий в развитии искусственного интеллекта является противоречие между стремлением к повышению эффективности и необходимостью этической и социальной ответственности. ИИ действительно может значительно повысить производительность и эффективность, автоматизируя задачи и процессы, которые ранее выполнялись людьми, может повысить скорость и точность принятия решений. Как пример, это приводит к разработке алгоритмов, которые могут более эффективно прогнозировать поведение потребителей, быстрее оптимизировать цепочки поставок и качественнее диагностировать заболевания. Но какова обратная сторона повышения эффективности?

Применяемые алгоритмы для создания ИИ (за редким исключением) представляют из себя обученный «чёрный ящик», в отношении которого отсутствует уверенность в правильности принимаемого решения в 100% случаев. Это связано с тем, что собираемый для него обучающий материал не содержит варианты ответов на все случаи жизни, а возможность принимать идеально правильное и морально взвешенное решение не всегда доступно даже человеку.

Так же противоречия возникают на границе между потребностями в большем контроле над ИИ и в случаях необходимости большей автономии, предоставляемой создаваемым системам. Такая потребность возникает в связи с тем, что создаваемые системы искусственного интеллекта имеют возможность адаптироваться и извлекать уроки из своего же опыта. Результаты этого можно увидеть в разработке беспилотных автомобилей, которые используют датчики и алгоритмы для навигации в сложных условиях. Однако эта же адаптивность может привести к непредсказуемому поведению,

что вызывает опасения по поводу безопасности систем искусственного интеллекта.

Обзор литературы

Если в рамках границ философской антропологии останавливаться только вопросах интеллекта с точки зрения проблемы философии сознания, то можно отметить, что в европейской философии вопрос о природе человека и о его сознании возникал постоянно. Так в Новое время активно поднимались вопросы как о самом мышлении человека, так и о характере этого мышления. И естественно, что именно в это время происходит сравнение естественного человеческого интеллекта с машиной. В то время, когда происходило взрывное развитие механики как науки, не удивительно, что сравнение интеллекта сводилось к сравнению с часами, как с машиной, которая была больше всего изучена и развита. Подобное сравнение с часами мы обнаруживаем у разных философов Нового времени и в первую очередь у Рене Декарта, Готфрида Лейбница и у Жюльена Офре де Ламетри.

Проблемы искусственного интеллекта, находят отражение в работах многих зарубежных учёных, среди которых М. Арбиб, Дж. Вейценбаум, С. Дрейфус, Х. Дрейфус, Дж. Маккинси, Х. Патнэм, Р. Пенроуз, Б. Розенблум, А. Тьюринг, Р. Шенк. Несомненно, не обходят эту тему отечественные учёные и философы, среди которых А. П. Алексеев, А. Ю. Алексеев, И. Ю. Алексеева, В. В. Васильев, Д. Б. Волков, Д. И. Дубровский, А. Ф. Зотов, В. А. Лекторский, А. П. Огурцов, Ю. В. Орфеев, В. И. Самохвалов, Н. М. Смирнова, А. Г. Спиркин, В. С. Тюхтин, Н. С. Юлина.

Непосредственно противоречия искусственного интеллекта в том или ином виде в своих работах рассматривали Н. Виннер, Н. Бостром, Д. Деннет, Х. Дрейфус, П. Норвиг, С. Рассел, Д. Сёрл. Из отечественных учёных и исследователей, можно выделить таких как А. Ю. Алексеев, Д. И. Дубровский, Э. В. Ильенков, В. А. Кутырёв, А. Л. Лекторский, Ю. Ю. Петрунин. Логические проблемы искусственного интеллекта рассматриваются также в работах И. Ю. Алексеевой, С. Л. Катречко. Достаточно обширный круг вопросов информатизации, в котором тема искусственного интеллекта составляет только часть, рассматривается в работах Дж. Вейценбаума, Н. Винера, В. А. Звегинцева, К. А. Зуева, Г. Л. Смоляна, А. И. Ракитова.

По результатам рассмотрения научных источников можно сказать, у авторов нет единой позиции в терминологии. Как правило, раскрываются только отдельные стороны проблемы искусственного интеллекта, чаще фокусирующиеся на негативной составляющей его развития. Тем не менее, большое число учёных, работающих в рамках изучения ИИ, еще раз подчеркивает актуальность исследуемой темы.

Роль философской антропологии в развитии искусственного интеллекта

Технологии можно рассматривать как расширение человеческих возможностей и инструмент для достижения имеющихся целей. И если человек – это голая обезьяна, которая прикрыта созданным им покрывалом культуры, – то технологии можно (однобоко) рассматривать как «утепление» этого «одеяла».

Однако с позиции философской антропологии есть и другая сторона. Технологии можно рассматривать как силу, участвующую в формировании нашего восприятия, наших ценностей и социальных отношений. Ключевой вопрос: как технологии меняют наше понимание того, что значит быть человеком? Меняет ли наша растущая зависимость от технологий наше чувство свободы действий и автономии или же повышает нашу способность создавать и вводить новшества? Не менее важные вопросы: как технологии

влияют на наши отношения с другими людьми? Позволяет ли использование социальных сетей и цифровых коммуникационных технологий по-новому общаться с другими людьми или же оно приводит к ощущению изоляции и оторванности от отношений в реальном мире?

Учёные и философы исследуют этические и моральные последствия технологий. Например, они задают вопросы об обязанностях тех, кто создает и проектирует технологии, и о том, как мы должны сбалансировать технологический прогресс с заботой о человеческом процветании и, например, экологической устойчивостью.

Искусственный интеллект – та же технология, но с заметно более широкими и изощрёнными возможностями проникновения в жизнь человека и с возможностями влиять на неё. Философская антропология способна и должна играть заметную роль в выявлении и разрешении противоречий, возникающих в развитии ИИ. Изучая природу и смыслы человека, философская антропология может помочь нам лучше понять этические и социальные последствия развития искусственного интеллекта.

Одной из категорий философской антропологии является агентность – способность выступать в качестве самостоятельного агента и делать осознанный и свободный выбор. Хотя системы ИИ могут выполнять задачи и принимать решения, им не хватает самостоятельности, которая является фундаментальным аспектом человеческого существования. Но наличие агентности у систем с искусственным интеллектом – это уже открыто обсуждаемый вопрос [\[4, с.296-297\]](#), по этой причине данная тема поднимает вопросы о возможности моральной ответственности систем искусственного интеллекта и роли человеческого контроля в их разработке и развертывании [\[5, 6\]](#).

Другой важной категорией в философской антропологии является сознание. Хотя системы искусственного интеллекта уже могут имитировать человеческое поведение и принятие решений, им всё же не хватает субъективного опыта сознания. Эта сфера затрагивает вопросы об отношениях между искусственным интеллектом и человеческим сознанием [\[7, с.19-20\]](#), а также и этических последствиях создания сознательных машин [\[8, с.33\]\[9\]](#).

При определении предмета исследования была поставлена задача обозначить роль философской антропологии в исследовании проблем искусственного интеллекта. Говоря о роли философской антропологии в развитии искусственного интеллекта, можно выделить следующее:

- Искусственный интеллект – это быстро развивающаяся область, которая трансформирует общество и влияет на жизнь людей разными способами. Как следствие, разработка искусственного интеллекта требует понимания человеческой природы и человеческого опыта, которые можно получить благодаря исследованиям, которыми занимаются в том числе и философы в отношении человека.
- Философская антропология обеспечивает основу для понимания отношений между людьми и технологиями, включая этические и социальные последствия применения технологий искусственного интеллекта.
- Разработчики искусственного интеллекта считают возможным выделить интеллект из человека как функцию, что ведёт к следующему выводу – существует возможность пересадить его во что-то другое [\[10, с.58-59\]](#). Редуцируя человека до уровня функций, можно в итоге отказаться от человека. Получается, это путь к постчеловеку. Включив

философскую антропологию как участника междисциплинарного сотрудничества по вопросам развития ИИ, мы сможем создать системы, которые в большей степени ориентированы на человека и лучше соответствуют нашим ценностям и целям общества.

- Развитие искусственного интеллекта ставит новые задачи перед философской антропологией, требуя от нас пересмотра и уточнения нашего понимания человеческой природы в свете новых возможностей и ограничений технологий.
- Философская антропология может помочь выявить потенциальные ограничения ИИ в понимании и оценке всей сложности человеческого опыта и культуры, подчеркивая важность воплощенного опыта, языка и культуры, иррациональных факторов и контекста. Понимание этих ограничений может помочь при разработке и использовании систем ИИ более ответственно и с уважением относиться к человеческому опыту и культуре.
- Философская антропология может способствовать разработке систем искусственного интеллекта, которые лучше отражают разнообразие и богатство человеческого опыта и культуры, обеспечивая более инклюзивные и справедливые результаты.
- Благодаря междисциплинарному сотрудничеству мы можем развивать более комплексные и тонкие подходы к разработке искусственного интеллекта, учитывающие этические, социальные и культурные аспекты технологий.

Возможные вопросы и противоречия

Развитие искусственного интеллекта вызывает противоположные оценки и опасения в разных плоскостях. С одной стороны, искусственный интеллект может улучшить качество жизни человека и ускорить решение сложных задач. Однако с другой стороны, он может привести к сокращению рабочих мест, породить этические проблемы, привести к проблемам информационной безопасности, таких как нарушение конфиденциальности и доступа к информации.

Попробуем классифицировать и сгруппировать противоречия развития искусственного интеллекта по типам. Сделаем это следующим образом:

1. Экономические противоречия. Высокая эффективность искусственного интеллекта может увеличить производительность, но в то же время может, например, уменьшить число рабочих мест, что включает в себя:

- **Повышение производительности труда.** Разворачивание ИИ может принести значительную пользу экономике, в том числе повысить производительность, улучшить процесс принятия решений и открыть новые возможности для бизнеса.
- **Ликвидация рабочих мест.** ИИ может автоматизировать многие задачи и рабочие функции, что приведет к потере работы людьми [\[21\]](#).
- **Воздействие на распределение рабочей силы.** Разворачивание систем ИИ может разрушить существующие рынки труда и повлиять на рабочие места и навыки работников в самых разных отраслях. Это требует тщательного рассмотрения влияния ИИ на рабочую силу, а также разработки политики и программ, поддерживающих переподготовку и повышение квалификации работников в ответ на меняющиеся требования рынка труда.
- **Усугубление неравенства.** Стоимость разработки и развертывания систем ИИ высока, и существует риск того, что только ограниченное количество организаций и отдельных лиц будет иметь доступ к технологии. Это вызывает озабоченность по поводу

распределения благ и возможности усугубления существующего неравенства.

2. Противоречия в области социальных воздействий. Разворачивание ИИ может изменить общество различными способами, включая новые формы коммуникации, через улучшение здравоохранения, внесение изменений в формы образования, предлагать иные, возможно, более эффективные и действенные системы и средства предоставления основных услуг. Также необходимо понимать то как он может оказывать потенциальное воздействие на общество в целом, обеспечивать распределение его выгод и понимание его воздействия на различные сообщества и группы. Здесь можно выделить:

- **Доступность и справедливость.** Существует риск того, что ИИ принесет пользу только тем, у кого есть доступ к технологиям и ресурсам для их разработки и использования, что усугубит существующее неравенство [\[3, с.30\]](#).
- **Предвзятость и дискриминация, предубеждения и предрассудки.** Алгоритмы ИИ могут увековечивать (сохранить в своих наборах данных – «знаниях») и, возможно, усиливать человеческие предубеждения и предрассудки, включая вопросы, связанные с расой [\[3, с.32\]](#), полом и социально-экономическим статусом, что, в том числе, приведёт к дискриминационным результатам [\[3, с.30-31\]](#).
- **Улучшенная поддержка работы по уходу за людьми:** системы ИИ могут использоваться для поддержки работы по уходу, например, путем предоставления роботов для ухода или цифровых инструментов, которые упрощают работу по уходу и делают ее более управляемой.
- **Инклюзивность и разнообразие.** Развитие искусственного интеллекта может принести пользу обществу в целом, но необходимо обеспечить справедливое распределение его преимуществ и доступность технологии для всех. Это требует соответствующего подхода к развитию ИИ, учитывая перспективы и потребности различных сообществ и групп.

3. Этические противоречия.

Системы с искусственным интеллектом принимая решения, могут осуществлять действия, которые не соответствуют этическим нормам [\[13\]](#). К этическим можно отнести проблемы, связанные нарушением конфиденциальности и доступа к информации. Кроме этого ИИ может быть использован для целей, не только приносящих пользу, но и в иных, таких как, например, взлом или нападение. Поэтому важными моментами являются:

- **Безопасность и этика.** По мере того, как системы ИИ становятся более автономными, возникает риск несчастных случаев или непредвиденных последствий, и необходимо учитывать этические последствия принятия решений ИИ.
- **Согласование ценностей.** Растет потребность в обеспечении того, чтобы системы ИИ соответствовали человеческим ценностям и этическим принципам, включая вопросы, связанные со справедливостью, прозрачностью и подотчетностью. Сюда входят вопросы о разработке систем искусственного интеллекта, соответствующих человеческим ценностям и этическим принципам, а также о разработке алгоритмов принятия решений, учитывая человеческие предубеждения и предпочтения.

4. Технологические противоречия. «В настоящее время наступила постпьюринговая эпоха, которая зафиксировала технологические противоречия в развитии искусственного интеллекта и заточена на переход от попыток имитации интеллекта человека к созданию нечеловеческого интеллекта, дополняющего человеческий» [\[23\]](#).

[c.621](#).

5. Экология – воздействие на окружающую среду. Разворачивание систем ИИ может принести значительные экологические выгоды [\[24, 25\]](#), но также важно учитывать воздействие технологии и связанной с ней инфраструктуры на окружающую среду и обеспечивать ее устойчивость в долгосрочной перспективе. Это требует тщательного рассмотрения воздействия ИИ на окружающую среду, а также разработки политики и программ, способствующих устойчивой и экологически ответственной практике.

6. Технологические и регулятивные вопросы, противоречия и вызовы [\[3\]](#).

· **Отсутствие объяснения, интерпретируемость модели.** Многие модели ИИ считаются «черными ящиками» [\[3, c.31\]](#), из-за чего даже специалистам сложно объяснить, как принимаются решения – это может снизить доверие к технологии. То есть системы с искусственным интеллектом поднимают важные вопросы об объяснимости, интерпретируемости их функционирования, интерпретации принимаемых решений и результатов. Это требует разработки и реализации мер, обеспечивающих прозрачность и понятность процессов принятия решений.

· **Стандартизация, регулирование, и управление.** Быстрые темпы развития ИИ превзошли возможности правительства и контролирующих органов по его регулированию, что привело к формированию «лоскутного одеяла» из несовместимых законов и стандартов в разных юрисдикциях. Для разработки и внедрения ИИ требуется надежная нормативно-правовая база, учитывающая его этические, социальные и технические последствия. Это включает в себя потребность в четких и эффективных правилах, обеспечивающих ответственное использование ИИ и защиту отдельных лиц и общества, а также в разработке рамок управления, поощряющих сотрудничество и координацию между различными заинтересованными сторонами.

· **Человеческий контроль и надзор.** Внедрение систем ИИ связано с важными вопросами о человеческом контроле и надзоре, включая необходимость обеспечения того, чтобы системы ИИ находились под контролем людей-операторов, и чтобы их результаты контролировались человеком. Это требует разработки систем искусственного интеллекта, которые должны быть управляемыми и подлежащими надзору со стороны человека, а также принятия мер для обеспечения того, чтобы их результаты соответствовали ценностям и принципам общества.

· **Ответственность и подотчетность.** Разворачивание систем ИИ поднимает важные вопросы об ответственности и подотчетности, включая необходимость обеспечения ответственности систем ИИ и подотчетности их результатов. Это требует разработки систем искусственного интеллекта, которые должны быть ответственными и подотчетными, а также принятия мер для обеспечения того, чтобы их результаты соответствовали ценностям и принципам общества.

· **Подотчетность человека.** С развитием ИИ растет потребность в ответственности человека при их развертывании и использовании. Сюда входят вопросы о том, кто должен нести ответственность за действия систем ИИ и как привлечь отдельных лиц и организации к ответственности за любой ущерб, причиненный технологией ИИ.

· **Интероперабельность (функциональная совместимость).** Разработка систем и платформ ИИ разными организациями привела к фрагментации ландшафта ИИ, что поднимает важные вопросы о функциональной совместимости. Это включает в себя

потребность в открытых стандартах и протоколах, которые могут позволить различным системам искусственного интеллекта беспрепятственно работать вместе.

· **Неправомерное использование.** По мере того, как системы ИИ становятся более способными, возрастает риск их неправомерного использования в злонамеренных целях, включая кибератаки, пропаганду и манипуляции. Важно устраниć эти риски и разработать меры безопасности для предотвращения неправомерного использования технологии ИИ.

7. Интеграционные коммуникационные вопросы.

· **Взаимодействие с человеком.** ИИ все больше интегрируется в нашу повседневную жизнь и возникают вопросы о том, как люди будут взаимодействовать с технологией и дополнит ли она человеческие возможности или заменит их.

· **Взаимодействие с людьми.** В результате распространения ИИ в нашей повседневной жизни растет потребность в понимании того, как люди взаимодействуют с технологиями, и она взаимодействует с ними. Сюда входят вопросы о пользовательском опыте, интерфейсах и возможностях сотрудничества человека и ИИ.

· **Интеграция с другими технологиями.** Поскольку ИИ продолжает развиваться, растет потребность в его интеграции с другими появляющимися технологиями, такими как Интернет вещей, блокчейн и 5G. Это включает в себя разработку систем на основе ИИ, которые могут беспрепятственно работать с другими технологиями, предоставляя новые возможности и преимущества.

· **Совместная разработка.** Разработка ИИ – это глобальная задача, требующая сотрудничества между различными организациями, группами и отдельными лицами, включая промышленность, академические круги и правительство. Для этого требуется совместный подход к разработке ИИ, объединяющий опыт из различных областей и поощряющий открытый и прозрачный диалог о потенциальных преимуществах и проблемах, связанных с технологией.

8. Противоречия, вносимые междисциплинарным подходом. Разработка и развертывание ИИ требует междисциплинарного подхода, объединяющего экспертов из различных областей, включая информатику, инженерию, социальные и гуманитарные науки. И это разнообразие создаёт свои проблемы и противоречия. Это потребует разработки междисциплинарных исследовательских и образовательных программ, направленных на изучение этических, социальных и технических аспектов ИИ.

9. Вопросы образования и здравоохранения.

· **Изменения в образовании:** образовательные инструменты и ресурсы на основе ИИ могут не только расширить доступ к образованию, особенно в регионах, где возможности получения образования ограничены, но и разрушить то что существует: «Другие идут дальше и говорят, что ChatGPT и его неизбежно более умные преемники означают мгновенную смерть традиционного образования» [\[21\]](#).

· **Развитие в области здравоохранения:** системы искусственного интеллекта можно использовать для улучшения результатов в области здравоохранения, например, за счет разработки персонализированной медицины [\[26\]](#), но, несомненно, будут иметь и обратную сторону. Например, можно предположить снижение практических навыков у профессиональных медицинских работников в случае если оценку состояния больного

будет проще осуществлять «автоматически».

10. Международные противоречия [\[27, с.23\]](#).

· **Международное сотрудничество.** Разработка и внедрение ИИ – это глобальное явление, и для обеспечения справедливого распределения его преимуществ во всем мире требуется международное сотрудничество. Это требует разработки международных структур и инициатив, которые способствуют сотрудничеству и сотрудничеству между странами и заинтересованными сторонами и обеспечивают ответственное и устойчивое развитие и использование ИИ в разработке основ управления ИИ и этических норм, а также развитие глобальных сетей для обмена идеями и информацией.

· **Международная конкуренция.** Разработка и внедрение ИИ является источником глобальной конкуренции, поскольку страны и организации соревнуются за то, чтобы быть в авангарде технологий. В то же время необходимо глобальное сотрудничество для решения проблем и противоречий, связанных с ИИ, и обеспечения его ответственной разработки и использования.

Мы ещё не прошли длительный путь адаптации этой относительно новой технологии в свою жизнь (она лишь проходит путь становления) и по этой причине, как у любого «ребёнка», велико разнообразие создаваемых ею проблем. Но это только подчёркивает наличие противоречий и потребность в поиске решений. Все эти противоречия и их решения необходимо анализировать через призму влияния именно на человека, возможность его развития и его жизненные принципы, что ещё больше выделяет роль философской антропологии, как возможного участника и арбитра.

Важность междисциплинарного сотрудничества

Разработка ИИ является по сути междисциплинарной проблемой. Происходящее вовлечение философии, этики и социальных наук только усиливает этот тезис. Более того, всё сказанное выше, подтверждает то, что подобное сотрудничество принципиально необходимо, так как только науки, ориентированные на человека и общество, могут дать требуемый ориентир в развитии – то, чего не способна дать ни одна инженерная наука. И здесь философия может играть ключевую роль, имея в своём арсенале, например, этику. Специалисты по этике могут помочь обозначить и решить этические проблемы ИИ, а также обеспечить разработку и использование систем ИИ в соответствии с нашими этическими и социальными ценностями. Более того, специалисты по этике могут способствовать повышению осведомленности общества и вовлечению ее членов в этические последствия развития и внедрения искусственного интеллекта в нашу жизнь.

Социальные науки также играют важную роль в понимании социальных и политических аспектов развития ИИ. Социологи, антропологи и политологи могут помочь в изучении социальных и культурных последствий развития ИИ, включая его влияние на занятость, конфиденциальность и безопасность. Более того, социологи могут помочь выявить и устранить потенциальное социальное и экономическое неравенство, которое может возникнуть в результате разработки и внедрения ИИ.

Устранение противоречий в развитии искусственного интеллекта

Здесь, несомненно, необходимо использовать междисциплинарный подход, который включал бы позицию философии. Устранение противоречий в развитии искусственного интеллекта с участием философской антропологии предполагает применение её

принципов и концепций, к системам с ИИ на стадии их разработки и развития.

В разделе «Возможные вопросы и противоречия» мы показали в каких плоскостях можно рассматривать противоречия, связанные с ИИ и каждая из них – это отдельный спектр проблем. Но в каждом случае можно выделять как минимум два возможных направления: с позиции частных наук и с позиции общечеловеческих (философских) вопросов. Проблемы частных наук не являются предметом данной статьи, поэтому остановимся общечеловеческих и философских. Здесь отталкиваться нужно от природы человека и, следовательно, вопроса «Что значит быть человеком?». С этой позиции мы можем определить потенциальные области противоречий и сформировать следующие вопросы:

- Как дальнейшее развитие ИИ влияет на формирование нашей идентичности, наших целей и смыслов?
- Как обеспечить многообразие человеческих ценностей: расовых, национальных, этнических, гендерных и т.д.?
- Что необходимо запретить «улучшать» в человеке?
- Как мы можем гарантировать, что системы ИИ разработаны таким образом, чтобы уважались и сохранялись права и интересы всех людей?
- Какие качества людей мы можем или должны обеспечить системами с искусственным интеллектом для их мотивации или улучшения?
- Каким образом мы сможем гарантировать, чтобы системы с ИИ были разработаны с сохранением автономии человека?
- Каковы этические последствия создания систем ИИ, имитирующие человеческое поведение и эмоции?

... вопросам не будет конца.

Подход «от человека» (фактически с позиции философской антропологии) сразу позволяет локализовать потенциальные области противоречий в развитии систем ИИ и работать над их устранением. Таким образом, обозначив человека как «точку опоры» в вопросе о противоречиях, мы автоматически обозначаем вектор движения в противоречиях, которые без этой «точки» изначально были равноправны. Так, например, без культурного контекста, в котором существует человек, любое техническое решение не имеет признаков оценки в парах «хороший – плохой», «удачный – неудачный», «нужный – не нужный» и т.п. Изучая природу людей, определяя этические последствия, понимая культурный контекст и учитывая конечную цель ИИ, мы можем работать над созданием ответственных и этических систем ИИ, которые соответствуют нашим фундаментальным ценностям и интересам.

Будущее развития искусственного интеллекта

Будущее развития ИИ, вероятно, будет определяться рядом факторов, включая достижения в области машинного обучения и алгоритмов глубокого обучения, разработку более сложной робототехники и систем автоматизации, а также растущую доступность больших данных.

Экономические выгоды коммерческих структур, выгоды маркетологов и политических групп, получаемые от результатов обработки больших объёмов данных, не остановят,

или скорее простилируют развитие ИИ, которое продолжается, и остановить этот процесс невозможно. Но важно, чтобы мы сохраняли критическую, взвешенную и обоснованную позицию в отношении его развития.

Предполагая вовлеченность философских антропологов, одним из потенциальных направлений будущего развития ИИ является и будет являться учет этических соображений при разработке систем с ИИ. Обозначая этические рамки и формируя рекомендации/требования в процесс разработки, мы можем начинать гарантировать, что системы ИИ разрабатываются и используются в соответствии с нашими этическими и социальными ценностями. К счастью, в крупных корпорациях и международных политических и экономических образованиях, в последние несколько лет такой подход начал практиковаться [\[18, 19, 20\]](#).

Ещё одним потенциальным направлением будущего развития ИИ может являться формирование и разработка теоретической и практической базы для исключения понятия «чёрный ящик» при обсуждении ИИ, что приведёт к построению более прозрачных и объяснимых ИИ-систем. Это может помочь гарантировать, что решения ИИ не будут определяться предвзятостью или дискриминацией, и может способствовать большему общественному доверию и уверенности в технологии.

Заключение

Развитие искусственного интеллекта ставит серьезные задачи перед человеком, обществом и человечеством. В настоящее время не существует ни арбитра по любым вопросам, ни готовых практических или хотя бы теоретических решений для разрешения противоречий, возникающих в процессе развития искусственного интеллекта. Противоречия, присущие развитию ИИ, такие как противоречия между эффективностью и ответственностью, контролем и автономией, требуют междисциплинарного подхода, объединяющего идеи из философии, этики, социальных и технических наук. Но место философской антропологии оказывается одним из наиболее релевантных для участия в решении этих противоречий, так как подходит к любому вопросу с позиций человека, при этом имея возможность не только выступать в качестве ментора, а ещё и накапливать новые исследования и материал в рамках своей предметной области. Философская антропология обладает потенциалом для гармоничного развития ИИ, обогащает своими концепциями философию науки и техники, для которой ИИ также является предметом пристального изучения.

Поскольку ИИ продолжает развиваться, крайне важно, чтобы мы придерживались критической и взвешенной позиции в отношении его разработки, развития и применения. Мы должны гарантировать, что ИИ-системы развиваются и используются в соответствии с нашими этическими и социальными ценностями. Более того, мы должны оставить под постоянным контролем оценку потенциального влияния ИИ на человека.

Подход к изучению и развитию искусственного интеллекта именно с позиций философской антропологии помогает человеку понимать и интерпретировать степень влияния ИИ на собственное бытие, общество, государство. Философская антропология поможет вербализовать возможные проблемы, оценить пути развития ИИ с точки зрения изменения бытия человека и в нужный момент скорректировать это направление. Поэтому очень важно, чтобы и технические специалисты, и ученые разных областей знаний, и философи, участвовали в открытом диалоге о развитии и применении ИИ сейчас и в будущем.

Библиография

1. Mittelstadt B. Principles alone cannot guarantee ethical AI // *Nature Machine Intelligence* – Volume 1, November 2019 – p.501-507. DOI: 10.1038/s42256-019-0114-4
2. Афанасьевская А.А. Правовой статус искусственного интеллекта // *Вестник саратовской государственной юридической академии* – 2021, №4 (141), – с.88-92 DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92
3. *Preparing for the Future of Artificial Intelligence*. 2016. Washington, DC. Executive Office of the President National Science and Technology Council Committee on Technology – 2016 – [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf (дата обращения: 14.03.2023)
4. Шаткин М. А. Агентность цифровых платформ: ценностный подход // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика* – 2022, №3 – с.293-297. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297
5. Лещев С. В. Искусственно-интеллектуальная агентность в пространстве гуманитарного измерения // *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук* – 2021 – с.65-68.
6. Мерцалов А. В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // *Вестник московского университета. Серия 7: Философия* – 2022, №5 – с.72-90.
7. Глуздов Д. В. Философско-антропологические основания взаимодействия искусственного и естественного интеллекта // *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10, № 4. С.15. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-15
8. Яковлева Е. В., Исакова Н. В. Искусственный интеллект как современная философская проблема: аналитический обзор // *Гуманитарные и социальные науки*. 2021. №6. – С.30-35. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35
9. Roche C., Wall P. J., Lewis D. Ethics and diversity in artificial intelligence policies, strategies // *AI and Ethics*. – Springer Nature, 2022. DOI: 10.1007/s43681-022-00218-9 – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43681-022-00218-9>
10. Смирнов С. А. Место человека в антропологии будущего // *Человек как открытая целостность: Монография* / Отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. – Новосибирск: Академиздат – 2022 – С.54-62 DOI: 10.24412/cl-36976-2022-1-54-62
11. Thomas S. AI is the end of writing. The computers will soon be here to do it better. // *The Spectator* – 11Mart 2023 – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/ai-is-the-end-of-writing/> (дата обращения: 14.03.2023)
12. Jones M. Is ethical risk getting the better of artificial intelligence? // *TechHQ*, 2021 – 2 February 2021 – [Электронный ресурс]. URL: <https://techhq.com/2021/02/is-ethical-risk-getting-the-better-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 14.03.2023).
13. Цуркан Д. А. Проблема человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска: дис. ... канд. философ. наук. – Курск, 2020 – Режим доступа: <https://cloud.kursksu.ru/kursksu.ru/pages/2020/December/9/5HhGA8Yy.pdf> (дата обращения: 14.03.2023)
14. Kwame N. E, Cobbina S. J., Attafuah E. E., Opoku E., Gyan M. A. Environmental sustainability technologies in biodiversity, energy, transportation and water management using artificial intelligence: A systematic review // *Sustainable Futures* – 2022, Volume 4 – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666188822000053> (дата обращения: 14.03.2023)

- обращения: 14.03.2023), DOI: 10.1016/j.sfr.2022.100068
15. Городнова Н. В. Применение искусственного интеллекта в проектах «Smart-экология» // Дискуссия. 2021. №2-3 (105-106), DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10094
 16. Абдуганиева Ш.Х., Никонорова М.Л. Цифровые решения в медицине // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины – 2022, Т.12, №2 – с.75-83 DOI: 10.37279/2224-6444-2022-12-2-73-85
 17. Коробков А.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения // Вестник МГИМО-Университета. – 2021 – С.1-25 DOI: 10.24833/2071-8160-2021-olf1
 18. The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/ec/autonomous-systems.html> (14.03.2023)
 19. ЮНЕСКО Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence – 23 November, 2021 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137_eng (дата обращения: 14.03.2023)
 20. Pullella P., Dastin J. Vatican joins IBM, Microsoft to call for facial recognition regulation // Reuters – FEBRUARY 28, 2020 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.reuters.com/article/us-vatican-artificial-intelligence/vatican-joins-ibm-microsoft-to-call-for-facial-recognition-regulation-idUSKCN20M0Z1> (дата обращения: 14.03.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются вопросы влияния развития искусственного интеллекта на социальные и межличностные отношения, а также возможные негативные последствия этих процессов в области безопасности человека и поддержании нравственных ценностей. Нельзя сказать, что в современной отечественной литературе эта проблематика обсуждается недостаточно, тем не менее, автору удалось найти некоторые аспекты темы, которые раскрыты в его статье весьма полно и обстоятельно. Автор полагает, что исходным и наиболее острым является противоречие между стремлением государственных структур и бизнеса к повышению эффективности труда и необходимостью поддержания на должном уровне ответственности тех, кто разрабатывает и использует технические устройства, работающие на основе искусственного интеллекта. Далее, автор, думается, оправданно отстаивает точку зрения, в соответствии с которой именно философская антропология способна сыграть важную роль в выявлении и разрешении противоречий, возникающих в развитии искусственного интеллекта: «Изучая природу и смыслы человека, – пишет он, – философская антропология способна помочь нам лучше понять этические и социальные последствия развития искусственного интеллекта». Невозможно не согласиться с автором и с подчёркиваемой им важностью «социального аспекта» проблемы: «Одной из ключевых проблем в устранении противоречий в развитии ИИ является необходимость повышения осведомленности и участия общественности». Тем не менее, несмотря на общую достаточно высокую оценку статьи, в ней осталось много упущений, которые препятствуют решению о возможности публикации её в имеющемся на сегодняшний

момент виде. Прежде всего, статья может быть существенно сокращена (и это придаст изложению дополнительную смысловую насыщенность) за счёт устраниния фрагментов, в которых автор предлагает читателю лишь некие общеизвестные констатации (например, что такое философская антропология, и какое место этот раздел занимает в философском знании; следует также заметить, что подобные ремарки о «философской антропологии» или «искусственном интеллекте» ещё и неоднократно повторяются в тексте). Можно постараться также менее «формально» описать актуальность, предмет, значимость темы, в рамках журнальной статьи следует делать акцент на концептуальной строгости обоснования темы и решения поставленных проблем, а не на соблюдении «академических» требований, на которые принято ориентироваться в диссертационных исследованиях и отражающих их содержание и структуру авторефератах. Тем более избыточным даже на этом фоне представляется подробный обзор литературы, который свидетельствует об эрудированности автора, но мало помогает читателю вникнуть в существо проблемы. Нередко возникают замечания к стилистике текста, например: «Разные причины простилировали развитие искусственного интеллекта и т.д.». По-видимому, следовало сказать «различные», а не «разные», а «простилировали» – это и вовсе выражение из словаря «современных управленцев», в науке явно излишнее. Или: «Можно считать, что...», – считать «несомненным»? Но что означает «можно считать»? Прочитаем начало ещё одного предложения: «Учёные от философской антропологии также исследуют...», – почему «от» философской антропологии? Кое-где встречаются и лишние запятые, которые, может быть, были поставлены автором в соответствии с интонацией русской речи, например: «...формирование теории в прошлом веке и начало ускоренного развития искусственного интеллекта в этом веке, стало одним из самых...». Остались и опечатки, например, «конфициальности» вместо «конфиденциальности». Устранение подобных недостатков необходимо для доведения уровня текста до состояния, соответствующего требованиям современной научной публикации. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта

В научной статье «Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта», представленной автором в журнал «Философская мысль», затрагивается актуальная тема, вызывающая в последнее время интерес и острые дискуссии в самых разных научных кругах.

Цель обозначена в статье как анализ противоречий в развитии искусственного интеллекта с позиций философской антропологии.

Актуальность предложенной темы исследования автор видит в том, что сегодня практически нет должного контроля «за развитием искусственного интеллекта» (видимо речь идет о государственных структурах). Отсутствует сформированная законодательная база и в целом противоречия в этой сфере не рассматриваются. Автор статьи утверждает, на мой взгляд, совершенно не обосновано, что данный вопрос не исследуется современными учеными специально с позиции философской антропологии (не понятно отечественными или западными учеными?). В целом за последние несколько

лет, объем исследований, связанных с проблемой взаимодействия человека и искусственного интеллекта в ближайшем будущем, возрос многократно. Примером может служить и список литературы автора статьи, который составил 39 позиций!

Одна из задач, которую автор указывает в работе, связана с классификацией уже имеющегося материала в области развития и широкого внедрения искусственного интеллекта в современной практике. Надо отметить, что автору удалось собрать обширный материал по исследуемой теме и упорядочить его.

В вводной части своего исследования автор приводит довольно объемный обзор мыслителей, так или иначе рассматривающих тему искусственного интеллекта, но указывает, что все они являются недостаточно глубокими и затрагивают слишком узкий круг вопросов. В этом случае хотелось бы возразить автору, что работа над конкретной проблематикой как раз и является примером профессионализма. В статье, присутствует очень краткий обзор исследований (как отечественных, так и зарубежных) по данной тематике, но представлен он крайне странно для научной статьи, то есть простым перечислением (даже в автореферате имеет место более развернутое описание). Перечисление такого обширного списка имен без ссылок на источники выглядит сомнительно.

Отдельное место занимает в работе заявленная методология исследования, она указана достаточно широко, однако трудноопределима в тексте. Особенно это касается герменевтики, феноменологического анализа, исторического и диалектического метода. Не понятно, зачем автор включил гипотетико-дедуктивный метод, что именно он хотел этим сказать? На мой взгляд, автор обобщает материал, классифицирует некоторые моменты и проводит частично сравнительный анализ.

Название статьи соответствует содержанию.

Новизна исследования не очевидна, поскольку статья носит обзорный характер. Автору необходимо специально обозначить новизну в работе.

Рассматривая основное противоречие, автор отмечает действительно важные моменты, например, он пишет: «Одним из ключевых источников противоречий в развитии искусственного интеллекта является противоречие между стремлением к повышению эффективности и необходимостью этической и социальной ответственности». Об этом, правда, уже писали ученые и писатели в XX веке, задолго до современных технологических прорывов. Автор подчеркивает, что именно: «философская антропология может помочь нам лучше понять этические и социальные последствия развития искусственного интеллекта».

В тексте встречаются несогласованные предложения, поэтому важно еще раз вычитать статью. Например, автор пишет:

- «системы искусственного интеллекта проектируются, например, для быстрой реакции на окружающую среду, могли иметь возможность адаптироваться...»
- «При определении предмета исследования была поставлена задача обозначить роль философской антропологии, которая должна быть сформулирована»
- «ИИ ставит перед человеком и возможность выбора разных направлений в его развитии, но и отсутствием регулирующих принципов?»
- Наличие разных подходов? (таких как системы, нейронные сети, эволюционные алгоритмы и глубокое обучение).

И таких предложений в статье встречается много!

По тексту сделаны необходимые ссылки. Библиография отражает исследовательский материал и оформлена в соответствии с требованиями.

Статья структурирована, но характер и стиль изложения материала требует доработки. Текст написан, с моей точки зрения, «тяжелым» языком (многие фразы приходится несколько раз перечитывать из-за неправильной структуры). В некоторых случаях в

изложении автора сложно уловить логику и последовательность мысли. Часто возникает ощущение пересказа отдельных идей самых разных исследователей, занимающихся данной проблемой, но ссылки и прямое цитирование отсутствуют.

Библиография хотя и отражает в целом исследовательский материал, но не совсем уместно включает в себя ряд источников. Не думаю, что к библиографии относятся подобные источники в виде статей в газете: РПЦ: Стратегии развития искусственного интеллекта нужен этический регламент // Российская газета – 2021 – [Электронный ресурс].

Очень не хватило полноценного заключения и выводов по теме исследования! Подводя итоги, автор указывает на необходимость акцентировать внимание на проблеме: «противоречия между эффективностью и ответственностью, контролем и автономией», которые должны рассматриваться с позиции, междисциплинарного подхода. Далее автор делает и так очевидный вывод, что: «философская антропология обладает потенциалом для гармоничного развития ИИ, обогащает своими концепциями философию науки и техник». Никаких конкретных выводов по тексту не удалось обнаружить в заключении, хотя потенциал в самом содержании присутствует.

Несмотря на высказанные замечания, данная тема, на мой взгляд, имеет хорошие перспективы и может быть интересна для широкого круга аудитории, если ее развернуть в правильном ключе, чего я искренне и желаю автору. Статья может быть интересна для специалистов в области философской антропологии, философии науки.

Таким образом, статья «Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта» при условии доработки статьи, исправлении указанных замечаний и более развернутого заключения, может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая статья посвящена интересной и актуальной современной теме, которая находится в постоянной сфере внимания исследователей когнитивных способностей человека различных направлений. «Интеллект» – понятие, содержание которого уже давно настолько разноспектрально, что без уточнения этого содержания невозможно ни сформулировать цели и задачи исследования, ни правильно интерпретировать, понять результаты этого исследования. Данным понятием оперируют не только психологи, но и социологи, педагоги, философы, оно нашло своё место в кибернетике.

В быту, говоря об интеллекте в самом общем смысле, мы говорим о сознании и способности мыслить. Интеллект считался особым свойством человеческого существа – тем, чего нет ни у животных, ни у предметов, вещей, и, как следствие, интеллект определяли таким образом, чтобы выделить человеческую особенность, специфику того, что у человека есть. При этом интеллект чаще всего рассматривался через такие понятия, как «разум», «рассудок», «здравый смысл», что до сих пор вызывает сомнение о б идентичности и ли различии этих понятий. Действительно, этимология слова «интеллект» связана с латинским словом «*intellectus*», означающим «восприятие» и «ощущение», «разумение» и «понимание», «смысл» и «значение», «рассудок». Стоит обратить внимание, что все эти значения относятся к сознательному опыту, к тому, что сложно увидеть со стороны – тому, что является некоторой внутренней «жизнью», внутренним процессом. Это стало причиной, почему долгое время человек замечал свойства интеллекта только у себя. Но в XX веке понятие интеллекта было расширено новыми значениями, в частности понятие интеллекта было также соотнесено с

животными, чей интеллект начал изучаться. Сегодня интеллект связывают с набором способностей, которыми должно отличаться существо, обладающее им. И среди этих способностей: способность логически рассуждать, способность мыслить абстрактно (об отвлечённых понятиях), планировать и прогнозировать свои действия, способность гибко адаптироваться к окружающему миру, обучаться – аккумулировать опыт и использовать его для дальнейших своих действий.

Автор ставит проблему и выявляет направления, имеющие самое прямое отношение к вопросам современного существования человека. «Локомотив» повсеместной цифровизации, где в качестве одного из передовых видов топлива используются достижения Философская антропология, философия культуры в сфере искусственного интеллекта, уже не сможет остановиться. Но должны быть найдены средства управления этим локомотивом, его направлением и скоростью движения.

Выделенные нами направления в развитии искусственного интеллекта выбраны не случайно.

Так, дихотомии, являющиеся частью сущности человека, подталкивают его к поиску вариантов возможного ускорения своего развития, сохранения своего существования.

Однозначного понимания последствий этого нет. На фоне этого мы видим и прогнозируем,

что системы с элементами искусственного интеллекта ограничивают возможности самостоятельного выбора человеком вектора своего развития, снижая его волевые и умственные качества, нивелируя возможную свободу и растворяя идентичность в своих скрытых или даже не интерпретируемых целях. И если это не цели коммерческих корпораций, то непонимание существования возможностей диалога естественного и искусственных интеллектов в случае серьёзного развития последнего ещё раз обозначает

неготовность осознать, понять и проанализировать эти самые цели.

Учёный какой сферы деятельности способен быть вовлечён в выявление, формулирование и участие в разрешении возникающих вопросов? Несомненно, современная

наука (в том числе техническая) всё более отделяется от сферы использования (то есть социального внедрения) своих достижений. Исследователь как бы продаёт итог своего труда как продукт на рынке. И если с потребительской точки зрения существуют экспертизы, контролирующие качество продукции и соответствие техническим нормативам и нормативам, то кто способен контролировать и ограничивать такую продукцию, которая влияет на существенные человеческие качества в человеке? Наличие такой экспертизы в век цифровизации и цифровой трансформации можно уже считать более важным, особенно когда при ускоряющемся темпе жизни в оглавле всё чаще ставятся только задачи эксплуатационной оптимизации, оптимизации функционирования устройства, программ или системы, а не вопросы человека.

Работа анализирует различные точки зрения на данную проблематику, причем присутствует в том числе и апелляция к аргументам оппонентов, статья базируется на большом библиографическом массиве как отечественной, так и зарубежной исследовательской литературы. Текст будет интересен определенной части аудитории журнала.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ветров В.А. — Социогуманитарные проблемы программ преконцепционного генетического скрининга // Философская мысль. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.44164 EDN: NISNCT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44164

Социогуманитарные проблемы программ преконцепционного генетического скрининга

Ветров Владимир Андреевич

редактор Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям
ИИОН РАН, г. Москва

117218, Россия, Московская область, г. Москва, пр. Нахимовский, 51/21

✉ vetrov21v10@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.44164

EDN:

NISNCT

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2023

Аннотация: Преконцепционное, то есть осуществляющееся до зачатия, генетическое тестирование на носительство рецессивных мутаций (ПГТН) является важным генетическим исследованием, которое позволяет лучше спланировать способ зачатия ребенка (естественный или с помощью ЭКО), ход беременности, необходимость дополнительного обследования развивающегося плода. Несмотря на очевидные преимущества, которые ПГТН привносит в здравоохранение, неопределенность относительно проблем и понятий, таких как определение тяжести заболевания, социальные последствия рутинизации скрининга, целеполагание, создают этические противоречия в определении состояний, целесообразных для включения в скрининговую панель. Разработка же широкомасштабной скрининговой программы обостряет факторы неопределенности и требует методологической проработки. Автор выделяет и обозревает проблемные области преконцепционного генетического тестирования на носительство не со стороны этических последствий, конкретных (или предполагаемых) кейсов, но ищет их источник в недостаточной разработке базовых понятий и интуиций в оценке тяжести генетического заболевания. Аналитические и

эмпирические инструментарии в данной ситуации же оказываются недостаточными. Автор делает вывод, что удовлетворительный консенсус относительно рассматриваемых проблем достижим только при участии в его разработке ученых-социогуманитариев, включения в анализ эпистемологического, экзистенциального, социологического и других гуманитарных измерений. Социогуманитарная экспертиза является необходимым элементом для нахождения систематического решения для программ преконцепционного генетического скрининга.

Ключевые слова:

биоэтика, репродукция, генетическое тестирование, преконцепция, здравоохранение, оценка технологий, преконцепционное генетическое тестирование, генетика, философия техники, этика технологий

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00422)

Введение

Преконцепционное генетическое тестирование на носительство (ПГТН) или, как его часто обозначают в англоязычной литературе, расширенный скрининг носительства (ECS – Expanded Carrer Screening) – это генетическое исследование, предлагаемое населению в целом или парам, у которых нет известного риска рецессивных и Х-сцепленных генетических заболеваний и которые готовятся стать родителями (поэтому тест или скрининг часто называется «репродуктивным»). Тест единовременно может выявлять носительство нескольких аутосомно-рецессивных заболеваний. У пар с положительным тестом на носительство имеются различные варианты реализации своей репродуктивной автономии. Так, они могут решить смириться с 25-процентным риском рождения ребенка с заболеванием и ничего не предпринимать либо же попытаться минимизировать шанс развития болезни. Варианты избегания риска варьируются от немедицинских вариантов, таких как отказ от рождения детей, опекунства или даже смены партнера, до использования вспомогательных репродуктивных технологий, таких как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) и преимплантационная диагностика, пренатальная диагностика (в случае, если преконцепционное тестирование проводилось уже во время беременности) или донорство спермы/яйцеклеток.

Согласно исследованиям, на сегодняшний день одно из 1300 известных рецессивных генетических заболеваний поражает как минимум трех детей на каждую тысячу. Заболевания с рецессивным заболеванием могут быть относительно редкими, если рассматривать их по отдельности, но, если учитывать их как группу, они становятся эпидемиологически значимыми [1].

Репродуктивный риск рецессивных заболеваний особенно высок в кровосмесительных парах и географически изолированных популяциях. Так, лица ашкеназского еврейского происхождения обычно проходят тест на носительство в подростковом возрасте или перед началом личных отношений. Известно, что еврейская популяция ашкенази подвержена высокому риску развития определенных генетических заболеваний из-за высокой частоты носительства некоторых рецессивных заболеваний, которые обычно реже наблюдаются в общей популяции, таких как болезнь Гоше 1 типа и болезнь Тея-Сакса. Целевые стратегии тестирования по этническому происхождению были

эффективно применены в нескольких географических регионах, страдающих от конкретных генетических заболеваний (например, муковисцидоз в США, Австралии и Италии, бета-талассемия на Кипре, в Сардинии, в Израиле и Турции), резко снижая частоту встречаемости заболевания у новорожденных^[2]. В результате генетического тестирования до зачатия и последующего информированного планирования семьи было зарегистрировано значительное снижение заболеваемости (от 47% до 90%) серьезными моногенными заболеваниями, такими как муковисцидоз и β-талассемия^[3].

Раньше генетическое тестирование перед зачатием предлагалось в основном парам с положительным семейным анамнезом генетического заболевания или конкретным сообществам и регионам с высокой распространенностью этих заболеваний, как в вышеописанных примерах. Однако в последнее время технология стала более надежной и доступной, что позволяет рассматривать возможность массового скрининга на носительство среди населения. По отдельности эти заболевания встречаются редко, но в совокупности они приводят к значительной доле младенческой смертности (около 20%) и госпитализаций (около 18%)^[4]. Кроме того, использование панэтнических стратегий в тестировании позволяет преодолевать известные ограничения и неточности, связанные с самоотчетом об этнической принадлежности.

Несмотря на общий консенсус в отношении теоретической и практической полезности и ценности ПГТН в здравоохранении, крупномасштабное клиническое внедрение на уровне программы может создавать серьезные проблемы для специалистов здравоохранения и всех заинтересованных сторон. Внедрение расширенных скринингов на носительство требует экспертной оценки конкретных, но взаимосвязанных и одинаково важных аспектов: технических, этических, правовых, социальных.

При этом проблемы ПГТН (особенно этические) так или иначе связаны с неопределенностью, которая в свою очередь имеет 2 источника: технологический, ограничивающий точность определения фенотипического проявления некоторых генетических вариантов, который так или иначе будет преодолен (смотря оптимистично на развитие генетики) и фундаментально-понятийный. Автор считает, что удовлетворительный консенсус относительно проблем «второй категории» в рамках расширенных программ преконцепционного скрининга может быть достигнут только с участием ученых-гуманитариев, так как даже развитый аналитический инструментарий и широкие эмпирические исследования могут оказаться недостаточными в принятии решений относительно фундаментальных вопросов, социогуманитарные же дисциплины обладают здесь существенным преимуществом.

В данной работе выделяется три взаимосвязанных проблемных области, которые, как считает автор, связаны с фундаментальной неопределенностью и не могут быть решены без глубокой социогуманитарной рефлексии, а именно:

1. Определение тяжести заболевания
2. Рутинизация и евгенические риски
3. Целеполагание

Каждой из проблематик отведен отдельный параграф, где также рассматривается влияние на внедрение программ ПГТН. Исследование обозначенных проблем (и их влияния) может способствовать преодолению текущих препятствий или дискуссионных вопросов реализации стратегий преконцепционного генетического скрининга, более того, часть выводов их такого рассмотрения может быть полезной и для других видов

генетического тестирования и здравоохранения вообще.

Определение тяжести заболевания

При появлении технических возможностей для скрининга все большего количества генетических вариантов одним из важнейших моментов становится выбор генетических вариантов, включаемых в скрининговую панель, так как даже при наличии желания «проверить все» (о спорности такого стремления будет написано ниже), государственная программа неизбежно встретится с экономическими ограничениями. Ключевой темой при разработке крупномасштабных программ скрининга носительства генов является понятие тяжести или серьезности (severity) возможного заболевания (речь идет прежде всего о неизлечимых и хронических заболеваниях либо имеющих ограниченный срок доступного вмешательства). Например, среди критериев, применяемых при отборе генов в австралийском проекте «Миссия Маккензи», было указание на то, что состояние должно быть включено в расширенный скрининг только в том случае, если типичная пара «предпримет шаги, чтобы избежать рождения ребенка с таким заболеванием» [\[5\]](#).

Несколько профессиональных обществ публиковали рекомендации по выбору состояний в расширенных панелях скрининга носительства [\[6\]](#). Согласно этим рекомендациям, следует установить четкие критерии для формирования панели, вместо включения как можно большего количества заболеваний. Проверяемые гены должны иметь строго определенную связь с фенотипом. Более того, состояние должно вызывать когнитивные или физические нарушения, оказывать пагубное влияние на качество жизни, требовать медицинского или хирургического вмешательства или иметь раннее начало [\[7\]](#). Европейское общество генетики человека также утверждает, «что естественное течение скринируемого заболевания должно быть адекватно понято, и что должен быть доступен приемлемый и надежный тест с известной чувствительностью, специфичностью и прогностической ценностью» [\[8\]](#).

Один из алгоритмов классификации тяжести был предложен и оценен в ходе исследования, проведенного среди 192 медицинских работников. В этом алгоритме характеристики заболевания были распределены по тяжести на 4 уровня [\[9\]](#):

- 1)Сокращенная продолжительность жизни (смерть в младенчестве, детстве, подростковом возрасте), интеллектуальная недееспособность
- 2)Сокращенная продолжительность жизни (юношество), нарушения мобильности, дисфункция внутренних органов
- 3)Дисфункции органов чувств (зрения, слуха, осязания и др., включая боль), имуннодефицит, рак, психические заболевания, дисморфии
- 4)Бесплодие или ограниченная fertильность

Используя характеристики заболевания, состояния по этому алгоритму можно классифицировать как легкие, умеренные, тяжелые и очень тяжелые:

Очень тяжелые (profound) состояния имеют более 1 характеристики уровня 1. Тяжелые или серьезные (severe) состояния имеют как минимум 1 характеристику уровня 1 или несколько характеристик уровня 2 или 3. Умеренные (moderate) состояния - это заболевания, имеющие как минимум 1 характеристику уровня 3, но не имеющие других характеристик уровней 1 или 2. Легкие (mild) заболевания - это заболевания без каких-либо характеристик уровня 1, 2 или 3.

Эксперты предложили, чтобы при расширенном скрининге носительства приоритет отдавался скринингу «тяжелых» и «очень тяжелых» состояний. «Умеренные» заболевания также могут быть включены в скрининг, если результаты могут дать возможность раннего вмешательства [6].

Однако при этом тяжесть как критерий является спорным при практическом применении, этически неоднозначным, и, что вероятно, существуют различные и непримиримые мнения о том, когда и в какой степени состояние является серьезным/тяжелым.

Количественная оценка характеристик заболеваний (подобно приведенной выше) лишь частично отвечает на вопрос о том, является ли состояние достаточно тяжелым для включения в скрининговую панель. Действительно, такой подход позволяет уточнить критерии, что обеспечивает большую последовательность и объективность в интерпретации требований к тяжести заболевания в отборе генов для тестирования. Хотя такие инструменты, несомненно, ценные, пример с мутацией гена CFTR, отвечающей за муковисцидоз (при котором наблюдаются нарушения функции желез внешней секреции, проявляющиеся тяжелыми расстройствами функций органов дыхания, желудочно-кишечного тракта и прочих органов и систем), демонстрирует сложность классификации состояния, при котором может наблюдаться разная экспрессивность (то есть тяжесть и само наличие симптомов даже при наличии одинакового генотипа у разных людей могут значительно отличаться). Существует широкий консенсус, что классическая форма муковисцидоза, требует включения гена CFTR в репродуктивный скрининг носительства. Однако менее ясно, как следует относиться к более легким вариантам CFTR [10]. Возникает вопрос о том, какие именно варианты следует выявлять в контексте скрининга носительства.

Следующий вопрос: может ли тяжесть состояния при оценке целесообразности внедрения в панель скрининга зависеть от индивидуального восприятия, или же тяжесть — это то, что относится к медицинскому состоянию независимо от отношения пациента? Тяжесть бесплодия для отдельного взятого человека зависит от наличия или отсутствия желания иметь детей; если у человека нет желания иметь биологических детей или потомство вообще, то маловероятно, что он будет воспринимать состояние бесплодия как тяжелое, и наоборот. Тяжесть может оцениваться по-разному в зависимости от страданий пациента (которые также являются строго индивидуальными), медицинского прогноза, инвалидности и прочего. Определенно, восприятие оказывается значимым в определении тяжести заболевания, по крайней мере, частично. Однако, когда и в какой степени? Как этические и экзистенциальные установки вкупе с социумом влияют на выраженность индивидуального отношения к своему состоянию (или своего ребенка)? Как тогда должна оцениваться тяжесть, какие дополнительные критерии должны учитываться? Данные вопросы требуют, во-первых, размышления о взаимосвязи между субъективным благополучием, воззрениями социума и объективными характеристиками заболевания, во-вторых, методологической разработки.

Объективную (симптоматическую) тяжесть заболевания также не всегда легко определить: болезни, как правило, по-разному проявляются у людей (и, как было указано, люди по-разному же на них реагируют, что еще больше усложняет оценку, так как здравоохранение базово является социальными явлениями). Вместе с этим, тяжесть заболевания может меняться с течением времени даже у пациентов с хроническими заболеваниями. Высокий уровень фенотипической изменчивости и различная экспрессивность приводят к тому, что результаты тестов на генетическую

восприимчивость оставляют пациентов с существенной неопределенностью в отношении тяжести, а также начала заболевания, что является нежелательным в крупномасштабной программе.

Международные руководства по проведению генетического тестирования требуют, чтобы при проведении генетического тестирования был обеспечен медицинский контроль и генетическое консультирование. Они указывают, что форма и объем генетического консультирования «должны определяться в зависимости от последствий результатов тестирования»[\[11\]](#) и «должны быть пропорциональны и соответствовать характеристикам теста, его ограничениям, потенциалу вреда и значимости результатов тестирования для отдельных лиц и их родственников»[\[11\]](#).

Репродуктивное тестирование может нести потенциальный вред, такой как риск для здоровья (например, ненужное наблюдение), психологический риск (беспокойство) и социальный риск (финансовые расходы, дискриминация). Поэтому при этической оценке услуг генетического тестирования и скрининга традиционно главным критерием является благоприятный баланс между рисками и выгодами, т.е. между принципами благодеяния и невреждения[\[12\]](#).

Доступность же терапевтических вмешательств является основным преимуществом и обоснованием для генетического тестирования или скрининга. Однако в последние несколько десятилетий, когда медицина частично сместила акцент с лечения на профилактику, понятие лечения стало включать другие "значимые варианты действий"[\[13\]](#), которые были добавлены в первую очередь для того, чтобы включить принятие решений по репродуктивным вопросам. Так, система ACSE (аналитический процесс, получивший название от 4 критериев: аналитической достоверности, клинической достоверности, клинической полезности и ELSI аспектов, состоящий из 44 целевых вопросов[\[2\]](#)) представляет профилактические варианты и действия как возможные преимущества скрининга: она требует, чтобы существовало "эффективное средство, приемлемое действие или другое измеримое преимущество". В контексте тестирования генома с широким разнообразием заболеваний, на наличие которых проводится тестирование, возможность действия стала более подходящим понятием, чем возможность лечения, хотя и тут возникают некоторые коллизии, когда возникает вопросы – стоит ли пациентам знать о возможностях этого действия (как опять-таки и о самом потенциальном заболевании) и как оценить объем генетического консультирования относительно результатов носительства подобной мутации. Решения, как выбор сложного и дорогостоящего пути ЭКО с преимплантационным генетическим тестированием или, если беременность уже наступила, пренатальной диагностики с возможностью прерывания беременности, могут быть особенно сложными, если выбор основан на результатах генетического теста с неопределенными последствиями.

Важным моментом при сообщении результатов скрининга является то, будет ли предоставленная информация полезной для участников и каким образом. Один из главных этических компромиссов при принятии решений об информировании - будет ли хуже для участников программы, если скрининг не выявит тех, у кого высока вероятность рождения ребенка с определенным заболеванием, или же людям будет вреднее получить информацию о варианте, который является очень сложным и неопределенным. Такая информация может привести к тому, что люди с повышенной вероятностью рождения ребенка с определенным сочетанием вариантов предпримут, возможно, ненужные шаги. Такая информация может быть скорее обременительной, чем полезной для семьи.

Все описанные факторы неопределенности могут создать проблемы для предоставления информации до и после преконцепционного тестирования и для процессов добровольного информированного согласия. Возможно, потребуются альтернативные стратегии отчетности о вариантах, которые могут ограничить ее комбинациями вариантов, которые ассоциируются с тяжелыми клиническими проявлениями (что, однако, не устраняет необходимость основательной проработки концепта «тяжести»).

Рутинизация и евгенические опасения

Поскольку повышенная автономия одних может влиять на выбор других, целесообразно обратить внимание на то, как движение в сторону нормализации применения ПГТН и, в частности, внедрение расширенных программ преконцепционного скрининга может привести к тому, что парам будет сложнее отказаться от этих услуг в будущем [\[14\]](#).

Предлагая возможность для дополнительного репродуктивного контроля, растущее обращение к преконцепционному генетическому тестированию и особенно внедрение скрининговых программ потенциально может создать социальное ожидание воспользоваться этим контролем, который в некоторых случаях (ряд которых был рассмотрен выше) может стать дополнительным источником беспокойства.

Если скрининг начинает восприниматься как рутина, люди могут в меньшей степени критически размышлять о том, подходит ли он им, или рассматривать ценность результатов для их репродуктивного выбора. Известным примером является ультразвуковое обследование и пренатальная диагностика, которые стали обыденными во многих странах. Большинство женщин проходят эти процедуры, и исследования показывают, что большинство же считают такие тесты «ответственным выбором», который также «з защищает здоровье» их ребенка, хотя аборт является единственной альтернативой рождению ребенка [\[15\]](#). Это заставляет исследователей задаться вопросом о том, в какой степени люди обладают самостоятельным выбором в таких ситуациях. Внедрение скрининговых программ может привести к подобной критике. Следует отметить, что здравоохранение не обязательно является движущей силой сдвига в нормативных ожиданиях. Пары и их социальное окружение вполне могут быть существенными факторами в этом развитии, что подразумевает, что любые усилия по корректировке должны учитывать медицинских работников и пациентов, а также их партнеров. Особенности же ПГТН и расширенной панели скрининга, как было указано выше, делают оценку рисков и определение соотношения польза/вред проблематичной как для пар, так и для медицинских работников, консультирующих их.

Решением в данной ситуации может быть поддержка в принятии решения до тестирования, такая как образовательные видеоматериалы и пособия по принятию решений, которые помогут парам рассмотреть последствия результатов положительного носительства и их варианты репродукции.

Связанными с рутинизацией проблемами являются дискриминация и стигматизация, как в отношении тех, кто будет иметь положительный результат носительства, так и в отношении детей с генетическими заболеваниями. Исследователи подчеркивают риск появления дополнительного социального давления на носителей рецессивного признака в ситуации полноценного внедрения программ преконцепционного скрининга [\[16\]](#). Более широкая этическая дискуссия касается так называемого экспрессивистского аргумента. Согласно нему, преконцепционный инструментарий, который можно использовать, чтобы избежать рождения детей с определенными признаками, выражает негативное отношение к людям с этими признаками. Экспрессивистский аргумент и опасения по

поводу дискриминации, очевидно, более актуальны для тестов с дизайном панелей, включающим признаки заболеваний, которые позволяют человеку прожить относительно «нормальную» жизнь. Как было указано выше, существуют очень тяжелые заболевания с ранним началом, которые несовместимы с жизнью вообще или сильно ее ограничивают/вызывают чрезмерные страдания, и в подобных случаях этот аргумент не вызывает морального противоречия. Однако, если в скрининговые панели включаются признаки заболеваний, связанных с неполной пенетрантностью, поздним началом и незначительным ухудшением качества жизни, то такие программы определенно столкнутся с этическим возражением.

Еще более серьезной проблемой, «возведенной в абсолют», связанной с программами ПГТН, является возможная интерпретация её как евгенической по намерениям или результатам. В широком смысле евгеника описывает совокупность методов (политических, социальных и медицинских), направленных на развитие определенных характеристик или же их исключение в рамках вида путем манипулирования наследственностью. Генетический скрининг в репродуктивных целях, часто проводимый для того, чтобы избежать рождения ребенка с определенными генетическими заболеваниями, имеет некоторые общие черты с евгеникой, поскольку он может повлиять на то, какие люди будут рождаться, и требует от институтов здравоохранения (в случае с государственной программой скрининга) определенного представления об уровне здоровья, который требует тех или иных репродуктивных решений. И если опять-таки действия относительно тяжелых и очень тяжелых заболеваний преимущественно избегают евгенических обвинений, дискуссионный вопрос о самоценности жизни и неоевгенике в современном обществе остается актуальным.

Хотя с научной точки зрения программы преконцепционного скрининга вряд ли существенно изменят генетический состав популяции, существует опасение, что даже предполагаемая возможность такого изменения может повлиять на общественные нормы и отношение (как положительное, так и отрицательное) [\[17\]](#). Хоть генетические варианты и проявляются фенотипически, но как эти изменения повлияют на качество жизни, зависит от социально-экологического контекста и от культурных и социальных представлений об инвалидности.

Социокультурный контекст, формирующий принятие репродуктивных решений, отражает эпистемические нормы в отношении понимания инвалидности [\[18\]](#). Некоторые из важных возражений против скрининга на генетические заболевания перед зачатием частично опираются на социальную, а не биомедицинскую, модель инвалидности [\[19\]](#). Если биомедицинская модель определяет инвалидность как отклонение от определенной нормы, то социальная модель инвалидности признает, что нарушение включает физическую и/или интеллектуальную аномалию, а это означает, что степень инвалидности зависит (в определенной степени) от социальной и экологической реакции на это нарушение. Социально-экологические факторы могут включать как отношение, например, дискриминацию или принятие, так и практические элементы, такие как пандусы для инвалидных колясок и меры помощи для слабослышащих и глухих людей в общественных учреждениях. Государственные инициативы по скринингу могут фактически снизить уровень принятия обществом людей с инвалидностью и их поддержки, особенно если они приведут к тому, что людей, живущих с определенными видами инвалидности, станет меньше (и, следовательно, уменьшится потребность в конкретных социально-экологических вмешательствах).

Если какое-либо заболевание включено в панель, оно интуитивно начинает

восприниматься будущими родителями требующим какого-либо вмешательства. Точка зрения людей, живущих с инвалидностью, редко доступна потенциальным родителям. Это отражает доминирование медицинской точки зрения, которое можно рассматривать как форму эпистемологической несправедливости, поскольку жизненный опыт людей с различными заболеваниями, как правило, маргинализирован и менее заметен в рамках основного социального понимания таких заболеваний [\[20\]](#).

Хотя понятие достойного уровня жизни в значительной степени формируется социальным контекстом, дизайн скрининговой программы также может в определенной степени оказать влияние. Выбор заболеваний для скрининга в рамках ПГТН, а также способы предложения и оценки вариантов дальнейшего вмешательства нормализуют или укрепляют определенные взгляды и ценности. Все это является частью нормативного общественного контекста, который влияет на то, как отдельные пары будут оценивать свои репродуктивные возможности и принимать решения.

Глобальным последствием широко предлагаемой программы преконцепционного скрининга может стать уменьшения со временем числа людей, рожденных с заболеваниями, на которые проводится скрининг. Вероятность такого исхода основана на опыте пренатального скрининга на генетические заболевания [\[21\]](#), а также на существующих инициативах по скринингу носителей [\[22\]](#). Если людей, живущих с инвалидностью и различиями, станет меньше, то общество может стать менее терпимым, сочувствующим и благосклонным к людям, живущим с генетическими заболеваниями. Другими словами, общепринятое понимание того, что делает человека «лучшим», может со временем сузиться. Этот нормативный дрейф, вероятно, повлияет на репродуктивные решения, которые принимают люди. Однако он также может оказать негативное влияние на благополучие людей с ограниченными возможностями в обществе.

Целеполагание программ скрининга

Одним из важнейших вопросов для крупномасштабных инициатив по преконцепционному скринингу является то, как описываются их цели. Два основных направления для формулирования целей таких программ – это, во-первых, результат для отдельных людей и их семей, то есть, прежде всего, влияние на репродуктивную автономию; во-вторых, результат для популяций, такой как снижение заболеваемости определенными генетическими заболеваниями.

Цель, направленная на снижение популяционной заболеваемости детей с тяжелыми генетическими заболеваниями, может не подходить для репродуктивного скрининга [\[23\]](#). Такая позиция основана на опасениях, связанных с рутинизацией практики. Кроме того, такая цель может быть истолкована как подразумевающая, что пары, получившие результат с повышенной вероятностью заболевания, обязаны принять меры, чтобы избежать рождения ребенка, подверженного заболеванию. Также цель снижения частоты встречаемости определенных генетических заболеваний среди населения может выражать неблагоприятное суждение о ценности жизни людей, которые в настоящее время живут с таким заболеванием или могут родиться в будущем. Поэтому в случае с преконцепционным скринингом более этически приемлемой является цель повышения и поддержки репродуктивной автономии пар путем предоставления более обширной информации о потенциальных заболеваниях и рисках, ними связанными, позволяющей сделать выбор в соответствии с их ценностями [\[8\]](#).

В связи с этим целесообразной является поддержка размышлений участников

потенциальной программы о своих ценностях и целях тестирования, чтобы помочь им решить, будет ли этот скрининг полезен и важен для них [\[24\]](#). Помимо этого, результаты любого генетического теста могут быть сложными и неопределенными, поэтому результаты тестов должны быть представлены таким образом, чтобы они были и инструментально, и аксиологически полезными.

Сообщение о вариантах, которые не являются клинически значимыми или создают неопределенность для людей, прошедших скрининг, может оказаться проблематичным в контексте популяционного преконцепционного генетического тестирования. По мере того, как скрининг становится все более доступным, консультационное сопровождение результатов все чаще будет, хотя бы частично, осуществляться медицинскими работниками, не имеющими специальной подготовки в области генетики, и несмотря на то, что большинство медицинских работников обладают определенной степенью геномной компетентности, существует постоянная обеспокоенность по поводу их способности передавать сложную геномную информацию [\[25\]](#).

Чтобы оптимизировать полезность результатов, участникам потребуется базовое понимание ключевых понятий, а также последствий обнаружения носительства. Также важно обеспечить, чтобы участие в скрининге не истолковывалось как гарантия того, что у пары будет здоровый ребенок.

Разработка скрининговых панелей ПГТН требует оценки потенциального воздействия воздействии данного состояния на больного человека и его семью. Общепопуляционные программы скрининга носительства определенно не будут ориентированы на предоставление информации о легких генетических состояниях (какими бы критериями они не определялись). Сам критерий тяжести заболевания будет постоянно проблематизироваться в каждом отдельном случае внедрения скрининговой программы и требовать от инициаторов программы прояснения с учетом социального контекста

При этом научное понимание генетических вариантов и их влияния на здоровье постоянно развивается, поэтому пересмотр списков генов также является важным компонентом расширенных программ генетического скрининга. Состояние, которое ранее не было включено в список, может потребовать включения в скрининговую панель, если оно станет более понятным. Аналогичным образом, возможно, что расширение знаний о гене или состоянии может оправдать его исключение из программы преконцепционного скрининга. Поскольку гены интерпретируются и реклассифицируются по-новому, вопрос о том, нужно ли и как донести эту информацию до предыдущих участников программы, является сложным и требует всестороннего рассмотрения и планирования [\[26\]](#).

Заключение

Так или иначе, определение состояний, которые следует включать в скрининговую панель масштабной программы является одной из наиболее дискуссионных проблем. Рассмотренные в данной работе аспекты внедрения скрининга, по-разному связанные с формированием панели ПГТН, (определение тяжести, целеполагание, рутинизацию/евгенизацию) важно учитывать на этапе отбора генов для расширенного скрининга на носительство. Эти факторы требуют осторожного подхода к разработке скрининговых панелей, учитывающего вероятностную ценность (и, соответственно, вред) информации, полученной в результате скрининга, и возможность реализации в больших и разнообразных популяциях.

Некоторые решения о том, какие гены включать в панели, имеют большую сложность, поскольку клиническая картина заболевания может быть крайне нестабильной. Интерпретация вариантов может быть также проблематичной, особенно если мутации редкие, а также могут присутствовать другие дополнительные факторы, такие как эпигенетические эффекты, воздействие окружающей среды и гены-модификаторы. Переменная экспрессивность и неполная пенетрантность порождает неопределенность и является одним из элементов, который может затруднить определение последствий результатов скрининга носительства.

Поскольку скрининг может быть стигматизирующим для людей, живущих с генетическими заболеваниями или даже являющимися его носителями, на которые проводится скрининг, считается наиболее этически оправданным проводить скрининг только на гены, связанные с тяжелыми заболеваниями детского возраста (что находит отражение в существующих практиках). Однако поскольку восприятие серьезности и тяжести заболевания не является чисто объективным, любая программа скрининга на носительство должна тщательно взвесить различные способы проявления заболевания, а также последствия этого состояния для человека и его семьи.

Учитывая крайне сложный и неопределенный характер некоторых генетических вариантов, необходимо тщательно продумать баланс между предоставлением потенциально обременительной или вредной информации и предоставлением ценной информации для обоснования репродуктивных решений.

Одним из вариантов облегчения некоторых этических проблем для расширенного скрининга может быть принятие меньших генных панелей и исключение вариантов, когда возникают факторы неопределенности, подобные трем рассмотренным. Это потребует перехода от точки зрения, согласно которой скрининг разрабатывается или интерпретируется как возможность "найти все", к точке зрения, согласно которой скрининг разрабатывается для выявления хорошо составленного и надежного списка условий, отвечающих требованиям, включая экономию ресурсов при представлении результатов, простоту получения результатов (в том числе неспециалистами) и ценность информации для пар. Консервативный подход, который можно реализовать в масштабах всей популяции, и который сообщает только о тех вариантах (или комбинациях вариантов), которые будут иметь ценность для принятия репродуктивных решений или вмешательства в самом начале жизни, должен быть вариантом по умолчанию, а любые отступления от него должны быть четко обоснованы.

Тем не менее, даже при принятии стратегии минимизации всех рисков, связанных со скринингом, и радикальном уменьшении скринируемых состояний в каждом из рассмотренных аспектов внедрения крупномасштабных программ ПГТН будут оставаться фундаментальные проблемы, требующие социогуманитарной и, в частности, философской рефлексии. Уточнение концепта тяжести заболевания, определение наиболее подходящих для здравоохранения целей, оценка долгосрочных рисков евгенизации общества и стигматизации носителей генетических мутаций – все эти задачи не могут быть разрешены только лишь улучшением диагностического инструментария, они требуют эпистемологической, экзистенциальной, социологической и общегуманитарной проработки. Только посредством встраивания исследователей-гуманитариев в экспертизу программ преконцепционного генетического скрининга достижимо систематическое и наиболее широкое разрешение вышеуказанных проблем.

^[11] См. Council of Europe: Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine, concerning Genetic Testing for Health Purposes. 2008

[2] См. подробнее: <https://www.cdc.gov/genomics/gtesting/acce/index.htm>

Библиография

1. Capalbo A., Poli M., Rierra-Escamilla A., et al.. Preconception genome medicine: current state and future perspectives to improve infertility diagnosis and reproductive and health outcomes based on individual genomic data. // *Human Reproduction Update*. 2021. Vol. 27. Issue 2. P. 254–279.
2. Angastiniotis M.A., Hadjiminas M.G. Prevention of thalassaemia in Cyprus // *Lancet*. 1981. No. 1. P. 369-371.
3. Cunningham S., Marshall T. Influence of five years of antenatal screening on the paediatric cystic fibrosis population in one region // *Arch Dis Child*. 1998. Vol.78. No. 4. P. 345-348.
4. Kingsmore S. Comprehensive carrier screening and molecular diagnostic testing for recessive childhood diseases [Электронный ресурс]: *PLoS Curr*. 2012. No. 4. URL: <https://currents.plos.org/genomictests/article/comprehensive-carrier-screening-and-molecular-diagnostic-testing-for-recessive-childhood-diseases/> (дата обращения 19.07.2023)
5. Kirk E.P., Ong R., Boggs K., Hardy T., Righetti S., Kamien B., Roscioli T., Amor D.J., Bakshi M., Chung C.W. Gene selection for the Australian reproductive genetic carrier screening project ("Mackenzie's Mission") // *Eur J Hum Genet*. 2021. No. 29. P. 79–87.
6. Beauchamp K.A., Muzzey D., Wong K.K., Hogan G.J., Karimi K., Candille S.I., Mehta N., Mar-Heyming R., Kasenit K.E., Kang H.P., Evans E.A., Goldberg J.D., Lazarin G.A., Haque I.S. Systematic design and comparison of expanded carrier screening panels // *Genet Med*. 2018. Vol.20. No. 1. P.55-63.
7. Committee Opinion No. 690 Summary: Carrier Screening in the Age of Genomic Medicine // *Obstet Gynecol*. 2017. Vol.129. No. 3. P. 595-596.
8. Henneman L., Borry P., Chokoshvili D., Cornel M.C., van El C.G., Forzano F., Hall A., Howard H.C., Janssens S., Kayserili H., Lakeman P., Lucassen A., Metcalfe S.A., Vidmar L., de Wert G., Dondorp W.J., Peterlin B. Responsible implementation of expanded carrier screening // *Eur J Hum Genet*. 2016. Vol. 24. No. 6
9. Lazarin G.A., Hawthorne F., Collins N.S., Platt E.A., Evans E.A., Haque I.S. Systematic classification of disease severity for evaluation of expanded carrier screening panels // *PLoS One*. 2014. Vol. 9, No. 12. P. 1-16.
10. Deignan J.L., Astbury C., Cutting G.R., Del Gaudio D., Gregg A.R., Grody W.W., Monaghan K.G., Richards S. CFTR variant testing: a technical standard of the American College of Medical Genetics and Genomics (ACMG) // *Genet Med*. 2022. No. 22. P. 1288-1295.
11. OECD: *Guidelines for quality assurance in molecular genetic testing*. 2007.
12. Wilson J.M.G., Jungner G. *Principles and practice of screening for disease*. Geneva: WHO, 1968.
13. Health Council of the Netherlands: Genetische screening. The Hague: Health Council of the Netherlands, 1994 (на немецком).
14. Krahn, T., & Wong, S. (2009). Preimplantation genetic diagnosis and reproductive autonomy // *Reproductive BioMedicine Online*. No. 19. P. 34–42.
15. Lawson K. Perceptions of deservedness of social aid as a function of prenatal diagnostic testing // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. No. 33. P. 76–90.
16. Kihlbom U. Ethical issues in preconception genetic carrier screening. // *Ups J Med Sci*.

2016. Vol. 121. No. 4. P. 295-298.
17. Dive L., Newson A.J. Reproductive carrier screening: responding to the eugenics critique // *J Med Ethics*. 2022. Vol. 48. N. 12. P. 1060-1067.
18. Rubeis G, Steger F. A burden from birth? Noninvasive prenatal testing and the stigmatization of people with disabilities // *Bioethics*. 2019. Vol. 33. No.1 P. 91-97.
19. Scully J.L. *Disability and the challenge of genomics* / In: Gibson S., Prainsack B., Hilgartner S., et al., eds. Routledge Handbook of genomics, health and society. London: Routledge, 2018. P. 186-194.
20. Scully J.L. From «She Would Say That, Wouldn't She?» to «Does She Take Sugar?» Epistemic Injustice and Disability // *Int J Fem Approaches Bioeth*. 2018. Vol. 11, No.1. P. 106-124.
21. Maxwell S., Bower C., O'Leary P. Impact of prenatal screening and diagnostic testing on trends in Down syndrome births and terminations in Western Australia 1980 to 2013 // *Prenat Diagn*. 2015. Vol. 35, No.13. P. 1324-1330.
22. Massie J., Petrou V., Forbes R., et al. Population-Based carrier screening for cystic fibrosis in Victoria: the first three years experience // *Aust N Z J Obstet Gynaecol*. 2009. Vol. 49 No. 5. P. 484-489.
23. De Wert G.M., Dondorp W.J., Knoppers B.M. Preconception care and genetic risk: ethical issues // *J Community Genet*. 2012. No. 3. P. 221- 228
24. Holtkamp K.C., Mathijssen I.B., Lakeman P., et al. Factors for successful implementation of population-based expanded carrier screening: learning from existing initiatives // *Eur J Public Health*. 2017. No. 27. P. 372- 377.
25. Haga S.B. First responder to genomic information: a guide for primary care providers // *Mol Diagn Ther*. 2019. No. 23. P. 459-466.
26. Silver J., Norton M.E. Expanded Carrier Screening and the Complexity of Implementation // *Obstet Gynecol*. 2021. Vol.137. No. 2. P. 345-350.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи обладает несомненной актуальностью, достижения генетики создали условия для организации исследований и практической работы с целью предупреждения будущих родителей о вероятности проявления генетических заболеваний, однако, подобная практика сталкивается не только с трудностями технического характера (возможности постепенного преодоления которых расширяются с течением времени), но и с проблемами правового и этического характера. В этой связи автор оправданно говорит о необходимости «глубокой социогуманитарной рефлексии» в связи с распространением программ преконцепционного генетического скрининга: «Удовлетворительный консенсус относительно проблем «второй категории» в рамках расширенных программ преконцепционного скрининга может быть достигнут только с участием ученых-гуманитариев, так как даже развитый аналитический инструментарий и широкие эмпирические исследования могут оказаться недостаточными в принятии решений относительно фундаментальных вопросов, социогуманитарные же дисциплины обладают здесь существенным преимуществом». Разумеется, трудно предположить, что широкая дискуссия с участием генетиков и учёных-гуманитариев способна привести к полному согласию в обществе относительно столь сложной

проблемы, однако, рецензируемая статья показывает, насколько существенными могут оказаться уточнения и разъяснения специалистов, которые должны быть доведены до сведения будущих родителей, насколько они сужают (делают более определённой) сферу их выбора, хотя (что следует из содержания статьи) выбор всегда остаётся всё же за самими парами, и перевести решение этого вопроса в русло «технологических решений» в полной мере невозможно. Автор точно определяет основные сферы риска и исключительно профессионально анализирует их, показывая, какую роль в каждом из случаев занимает мера неопределенности неблагоприятного развития событий, и, соответственно, оценивает степень ответственности в этом потенциальных родителей, медицинских работников и социального окружения. Он делает вывод о необходимости тщательно продумывать «баланс между предоставлением потенциально обременительной или вредной информации и предоставлением ценной информации для обоснования репродуктивных решений». Статья структурирована, для каждой из конкретных рассматриваемых проблем выделен отдельный параграф, введение и заключение также оформлены безупречно. Хотя статья подготовлена на основании очень широкого круга источников и профессиональной литературы, она написана доступным языком и в этой связи может представлять интерес для самого широкого круга читателей, она непосредственно выполняет и просветительские функции. Сколько либо существенных замечаний к тексту нет, возможно, перед публикацией автору можно было бы ещё раз проверить весь материал, чтобы скорректировать небольшие стилистические погрешности (например, повторение: «варианты избегания риска варьируются от немедицинских вариантов...»). Рецензируемая статья в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям, рекомендую принять её к печати.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ильинская С.Г., Сирина Е.А. — Разные логики социального и политического анализа // Философская мысль. — 2023. — № 10. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.10.68757 EDN: NXENWU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68757

Разные логики социального и политического анализа

Ильинская Светлана Геннадьевна

ORCID: 0000-0002-7402-5265

кандидат политических наук

доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики
Института философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр.1, оф. 421

✉ svetlana_ilinska@mail.ru

Сирина Екатерина Артуровна

ORCID: 0000-0003-1246-4091

соискатель сектора социальной философии, Институт философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1

✉ ekasirina@gmail.com

[Статья из рубрики "Рецензии монографий"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.10.68757

EDN:

NXENWU

Дата направления статьи в редакцию:

20-10-2023

Аннотация: Статья представляет собой развернутое рассмотрение постструктураллистской концепции, которую развивают в работе «Логики критического объяснения в социальной и политической теории» Д. Глинос и Д. Ховарт, и вызовет интерес у всех, кто занимается дискурсивными исследованиями. В работе профессоров Эссекского университета силами социальной и политической философии осуществлена глубокая проработка дискурсивной парадигмы, впервые концептуально обозначенной в работе Ш. Муфф и Э. Лакло «Гегемония и социалистическая стратегия», пока не

переведенной на русский язык. Предложенная Муфф и Лакло «новая онтология» стала базой для оригинальной научной школы. Рецензируемая монография представлена новым витком развития указанного направления исследований. На основе онтологических установок дискурсивной парадигмы Глинос и Ховарт предлагают постпозитивистскую модель социальных наук, опирающуюся на абдукцию, проблемно-ориентированный подход (проблематизацию), необходимость учета как «герменевтической», так и «материалистической» составляющей, как объективной, так и субъективной стороны социального. Схемы, которые они формируют для социально-политического анализа, представляются аналитически ценными. Им, безусловно, существуют альтернативы, но одним из ключевых следствий дискурсивной парадигмы является установка не на конкуренцию онтических подходов, но на их объединение, поскольку важным полагается то, что тот или иной подход привносит в социальное знание, а не то, чем он противоречит другому подходу.

Ключевые слова:

социальное, политическое, критический анализ, дискурсивные исследования, новая онтология, онтика, парадигма, логика, модель, методология

Введение

Книга «Логики критического объяснения в социальной и политической теории» профессоров Эссекского Университета Великобритании Джейсона Глиноса и Дэвида Ховарта, пусть и вышедшая достаточно давно, в 2007 году, крайне актуальна сегодня сразу по нескольким причинам.

Во-первых, (1) Глинос и Ховарт представляют направление постструктуралистского дискурс-анализа, так называемую Эссекскую школу, основанную Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло. Дискурс-анализ (дискурсивные исследования) – одно из интереснейших направлений развития современной социальной мысли, мощное междисциплинарное течение, возникшее на стыке социальной философии, лингвистики, семиотики, культурологии, медиа-исследований, когнитивных наук, социологии, политологии, которое становится все более популярным в России, однако большую известность у нас получило направление критического дискурс-анализа (КДА, в англоязычной литературе – CDA).

На русский язык переведена работа Тьена Ван Дейка [1], подробно рассматривались методики Кристофера Харта [2, 3]. Несмотря на их несомненную ценность, они, на наш взгляд, не дают полного представления о «дискурсивной парадигме» (хотя и разделяют ее специфическую онтологию). КДА, как и многие другие «школы» дискурс-анализа, хоть и имеют ярко выраженный междисциплинарный характер, основаны представителями языковых дисциплин и развиваются на кафедрах лингвистики. Естественно, что в первую очередь, здесь применяются концепции и теории, созданные в рамках «языковых наук». Теоретический багаж лингвистики, семиотики обогащает дискурсивные исследования мощным арсеналом инструментальных средств. Овладение этим инструментарием важно и полезно, но, как показывает анализ выполненных в России в рамках КДА исследований (в основном, в рамках филологии, реже – политологии и социологии, медиа-исследований, иногда – культурологии и философии), он часто проводится без прояснения онтологических позиций. «Прежде, чем использовать дискурс в категориях лингвистики или социологии, следует обратится к его философским истокам,» –

справедливо отмечает А. Олешкова [4, с. 15], анализируя социально-философские аспекты критического дискурс-анализа по методикам Нормана Фэркло. Отметим, что Фэркло, которого относят к критической школе дискурсивных исследований, как и постструктуралисты, уделяет значительное внимание онтологическим вопросам, его идеи и концепции во многом пересекаются с тем, о чём пишут Глинос и Ховарт в рецензируемой работе. Это еще раз говорит о едином основании подходов. Однако, именно в работах Муфф-Лакло и их последователей, «дискурсивная парадигма» выстроена и описана наиболее полно.

Пренебрежение анализом оснований методологии в мультипарадигмальном социальном знании – проблема, о которой все чаще напоминают социальные мыслители (см., например, [5]). «Методологические вопросы обязательно затрагивают онтологическое и эпистемологическое измерение любого социального исследования, равно как техники сбора и анализа данных в конкретном случае» [6, с. 6].

Вторая причина актуальности (2) заключается в том, что «новая онтология», по мнению Глиноса и Ховарта, способна дать основания для новой модели социальных наук, которую авторы называют «постпозитивистской» и которая имеет «объективное измерение, но в тоже время избегает ограничений позитивистских подходов, основанных на причинно-следственной парадигме естественных наук» [6, с. 81]. Потребность в альтернативной модели мышления считывается во многих текстах самых разных социальных дисциплин. В предисловии Эрнест Лакло характеризует работу Глиноса и Ховарта как попытку предложить общую основу для социальных исследований с постструктуралистской точки зрения. И, возможно, именно постструктурализм претендует на то, чтобы стать новой стадией развития социальных наук, в терминах Томаса Куна, первым поставившего вопрос: «Так ли уж очевидно, что лучше говорить о приспособлении языка к миру, а не о приспособлении мира к языку? ... Может быть, то, что мы называем «миром», не более чем результат взаимного приспособления опыта и языка?» [7, с. 449]

При этом реализуется переход с философского уровня («глобальной оптики»), на уровень практики, где конечная цель – адекватный социальный и политический анализ. В социальных науках постепенно происходит «практический поворот», обусловленный тем, что знание должно давать ответы на актуальные для общества проблемы. Следуя за Хайдеггером, Глинос и Ховарт уделяют внимание отношениям между онтологией и онтикой (мышлением о сущем, но не о бытии сущего), возможностям операционализации предложенных моделей. По выражению еще одного рецензента книги Хью Миллера (Hugh T. Miller), они предлагают «контекстно-зависимый исследовательский протокол».

Третье основание актуальности (3) заключается в том, что, разрабатывая постпозитивистскую модель социальных наук, Глинос и Ховарт используют и проясняют постструктуралистское понимание логики, заложенное Витгенштейном, развиваемое постструктуралистами, например, Делёзом в его «Логике смысла» [8]. А такое понимание все больше разделяется [9] как принципиально важное для адекватного анализа современной социальной реальности и возникающих общественных проблем. «Дискурсивная парадигма» обосновывает онтологическую возможность многих логик и определяет их место в анализе.

«Неочевидная» онтология

«Важность онтологии заключается не только в определении того, какие вещи

существуют, но и в определении того, как и почему они существуют,» – подчеркивают Глинос и Ховарт [\[6, с. 11\]](#). Со времен античности философия дает разные ответы на эти вопросы, и наличие набора ответов, при отсутствии «окончательного», определяет мультипарадигмальность социального знания. Постструктуралисты (к которым обычно относят представителей Франкфуртской школы, Жана Бодрийяра, Жиля Делёза, Жака Деррида, Мишеля Фуко, Славоя Жижека, самих Муфф и Лакло), пытаясь преодолеть каноны «рациональных», «позитивистских», претендующих на всеобщую объективность концепций эпохи модерна и находясь в поиске нового языка для описания социальной реальности, связывают возможные ответы с культурно-историческим контекстом.

Для Хабермаса главной задачей философии всегда было преодоление «разрывов», когда один способ восприятия мира сменяется другим, и эта задача «двигает» историю философии, которая существует не сама по себе, но «отвечает на изменения в развитии общества», удовлетворяя «спрос» на их осмысление [\[10\]](#). Тем же вопросом задавался и Грамши: «Необходимо... объяснить, как получается, что во все времена существуют многие философские системы и течения, объяснить, как они рождаются, как они распространяются, почему при распространении они обнаруживают определенные линии разрыва, принимают определенную направленность» [\[11, с. 141\]](#). «Дискурсивная парадигма» предлагает достаточно убедительный способ осмысления разрывов, трактуя их как смену «дискурсивных формаций».

Понятие дискурса в концепции Муфф-Лакло totally. Метафорическую формулу Деррида «все есть дискурс», они концептуализируют в модели, которая связывает объективное и субъективное измерения социальной реальности, символический и материальный уровни социального порядка, снимая тем самым проблемные оппозиции социальных наук, включая марксистскую оппозицию между «базисом» и «надстройкой». В отношении дискурсивных исследований в целом, и постструктуралистской дискурс-теории в частности, нередко можно встретить недопонимание: их трактуют как подходы, рассматривающие общество как сугубо символическую реальность. Однако, как подчеркивают Глинос и Ховарт, речь идет о «материалистической онтологии, основанной на реляционной концепции реальности и радикальной случайности социальных отношений и идентичностей» [\[6, с. 102\]](#). Недопонимание, на наш взгляд, происходит из-за попыток осмыслить иную, отличную от позитивистской, логику рассуждений в духе позитивизма, объяснять понятия одного «языка» понятиями иного. Изучение постструктуралистского взгляда на мир (как и любой другой системы взглядов) требует погружения в тексты. Один из немногих удачных примеров – комментарии Н.А. Автономовой к ее переводам текстов Деррида и других постструктураллистов [\[12, с. 7-110\]](#).

При этом позитивистский подход к познанию, основанный на операциях с «идеальными моделями», ориентированный на изучение стабильных и предсказуемых систем, в постструктуралистской дискурс-теории не отрицается. Очерчивается его место, как одного из возможных типов онтологий, обозначаются его возможности и ограничения. Принципиальная особенность постструктуралистской дискурс-теории состоит в том, что она предоставляет «право на существование» разным онтологиям, и именно поэтому может претендовать на статус новой парадигмы.

Следствие такого подхода – набор выводов и предложений, которые разворачивают в своих работах Лакло и Муфф, а также их последователи. При всей их «неочевидности» с позитивистских позиций, они во многом совпадают с выводами и предложениями, к которым приходят современные социальные мыслители, которые рассматривают

коммуникацию как системное основание общества (например, [\[13\]](#)) . Признание принципиальной (онтологической) возможности разных картин мира приводит к осознанию ключевой роли коммуникации и выработке «новых правил коммуникации» самих онтологий.

Концепция Муфф-Лакло аналитически сложна, а краткое ее изложение далеко не всегда позволяет «ухватить идею», основанную на междисциплинарном знании. Глинос и Ховарт на протяжении всей книги разворачивают эту «неочевидную» онтологию, отвечая на возникающие к ней вопросы, касающиеся самой онтологии, вытекающих из нее «грамматики» и «логики» рассуждений, самого постпозитивистского взгляда на социальное знание.

Обозначим ключевые составляющие данной концепции. Прежде всего, её понимание (как и дискурсивной парадигмы в целом) невозможно без принятия идеи, обозначенной Фердинандом де Соссюром в области анализа языка [\[14\]](#) и развернутой Лаканом в области психоанализа, – разрыва между «означающим» и «означаемым», который Глинос и Ховарт называют «онтологией нехватки» (ontology of lack). «Нехватка лежит в области символического, но наши ощущения по ее поводу вполне реальны,» – пишет Лакан [\[15, с. 168\]](#). Несоответствие, «разрыв» между реальным и символическим, между «означающим» и «означаемым», оказывается разрушительным или «подрывающим» (disruptive), «зnamенует невозможность какой-либо предполагаемой полноты бытия (being), будь то на уровне структур, субъектов или дискурсов» [\[6, с. 11\]](#). Муфф и Лакло переносят обозначенные Соссюром и Лаканом «структуры» когнитивного и психического уровня на уровень социальный, который не может не быть ими опосредован. И делают вывод о принципиальной незавершенности любого символического порядка, сопровождающейся заложенной в человеческой природе потребностью к его завершению – «объективизации» на уровне социальной жизни (см., например, [\[16, с. 54-57\]](#)).

Любая социальная система, отношения, порядок (одним словом, все социальное) опосредованы бесконечным «скольжением означающего над означаемым» [\[17, с. 137\]](#). Значения элементов (означающие) всегда могут быть изменены, следовательно, социальные сущности дискурсивны, нестабильны, неустойчивы по своей природе. Муфф и Лакло называют это «радикальной случайностью» (radical contingency) социальных отношений. Социальные сущности и «возможны», и «невозможны», они могут быть стабильны, но могут быть и изменены. Скорее, нет сущностей, но есть «проекты». «Нет общества вообще, но лишь конкурирующие между собой проекты общества», – пишет Ольга Оришева [\[17, с. 138\]](#). Адекватность предложенной картины мира подтверждает тот факт, что понятия «проект», «проектное мышление» все больше становятся элементами картины мира современного человека. Принципиальная возможность изменения составляет при таком подходе «политическое измерение», которое для постмарксистов Муфф и Лакло становится определяюще важным.

Обозначим другие элементы концепции. Марксистское понятие «гегемонии», осмысленное Антонио Грамши как «культурная» (символическая) «гегемония», доводится до логического завершения и становится ключевым элементом «дискурсивной парадигмы». Концепция культурной гегемонии Грамши предполагает, что в основе стабильности или изменений социальных структур лежат господствующие мировоззрения. Муфф и Лакло соединяют уровни символического и объективного: культурная гегемония структурирует практики, повседневность, в которой существуют и действуют люди. И, в

тоже время, реальные практики, как «социальная ткань» жизни, формируют мировоззрения.

Совокупность доминирующих (гегемонистских) дискурсов и практик складывается в понятие «режим», который определяет «порядок», «систему», «дискурсивную формацию», «институты», т.е. образования структурного уровня [\[6, с. 105\]](#). В главе «Онтоология» Глинос и Ховарт предлагают схему режимов и практик. Понятия «социальные» и «политические» практики были введены Муфф и Лакло [\[18\]](#) и соответствуют состояниям стабильности и изменений: «социальные» практики поддерживают существующие режимы, в то время как «политические» способствуют их изменениям. Общая конфигурация условий создает условия возможности или невозможности изменений.

Отметим еще одно ключевое понятие новой парадигмы, которому Глинос и Ховарт отводят отдельную главу. Артикуляция – т.е. способ построения цепочки «означающих», способ утверждения одного из возможных «проектов», представлений о социальной реальности, который формирует картины мира и идентичности. Также, как в случае со словом «проект», понятие «артикуляция» получает все большее распространение в широком общественном и научном дискурсе, где оно снимает вопрос множественности определений, позволяя не придавать явлениям статус устойчивых сущностей, но артикулировать конкретные связи и проявления. Новый язык принимается как более адекватный для описания современного мира.

Постструктурализм в целом и «дискурсивная парадигма» в частности предлагают варианты решения многих проблем, которые встали перед социальными науками. Это касается, например, возможности создания моделей и инструментов для анализа изменений, нехватка которых констатируется многими социальными учеными. Как состояния стабильности, так и процессы трансформации могут быть проанализированы на самых разных уровнях, как на уровнях структур и повседневных практик, так и на «глобальном уровне» осмысления этих процессов в социальной философии [\[6, с. 103\]](#). Рассмотрение «движения» историко-философской мысли, с точки зрения дискурсивной парадигмы, позволяет описать ее как процесс смены дискурсивных формаций, а значит, и социальных и «политических» режимов самой науки и философии, в том числе конкретных практик производства знания. Говорить о смене исследовательских практик, наверное, было бы преувеличением. Но о смене практик представления, доказательства и утверждения говорить, очевидно, можно. Глинос и Ховарт подробно разбирают эту тему в главе «Retroduction».

Работа Глиноса и Ховарта – социально-философский текст, в своих рассуждениях авторы опираются на историю и философию науки, ведут диалог с теми, кто внес в ее осмысление значительный вклад (упомянем только Людвига Витгенштейна, Чарльза Сандерса Пирса, Карла Поппера, Ханса Райхенбаха), у каждого из них находя критику переноса модели естественных наук (и ее постулатов) на науки социальные.

С точки зрения «дискурсивной парадигмы» социальная реальность – это бесконечная смена гегемонии различных «дискурсивных реальностей». Философия и научное познание – также дискурсивные реальности. Позитивизм, ставший «идеальной моделью» познания в естественных науках и способствующий многим достижениям, занял по историческим причинам гегемонистическую позицию и в науках социальных. Задача современного обществознания, с точки зрения постструктуралистов (понимаемая ими как «политическая» задача) – разбить эту гегемонию, бросить вызов «универсализирующем

каузальным законам позитивизма, которые неуместно колонизировали мир» [\[6, с. 5\]](#).

Вместо позитивистского подхода к социальным исследованиям, включающего разработку гипотезы, ее проверку на эмпирическом материале и последующее создание объяснительной модели, предлагается постпозитивистская модель социальных наук. Ее ключевые элементы: проблемно-ориентированный (problem-driven) подход, или проблематизация в терминах Фуко; приоритет абдукции (ретродукции) как способа рассуждения не только на этапе выдвижения гипотез, но и на этапе их обоснования; включение «контекстуализированных самоинтерпретаций» как необходимого элемента социального анализа, при условии сохранения «объективного измерения».

Проблемно-ориентированный подход позволяет «строить теоретические и эмпирические объекты исследования, исходя из насущных практических забот современности» [\[6, с. 11\]](#), избегать «ловушек» как теоретически ориентированного (theory-driven) и методологически ориентированного (method-driven) подходов, столь распространенных в социальных и политических исследованиях и немало способствующих отрыву социальных ученых от реальности, возникновению разрыва между теорией и практикой. Более того, опора на проблему, как отправную точку для исследования, снимает и весьма распространенные в социальных науках дискуссии о возможности «методологической синергии» (см., например, [\[19, с. 273-306\]](#)). При условии прояснения онтологических позиций синергия становится не только возможной, но и желательной, даже необходимой. Если различные «школы» дискурсивных исследований явно или неявно разделяют специфическую онтологию, которую мы называем «дискурсивной парадигмой», то применение различных моделей и методов становится всего лишь вопросом практического выбора, подобно тому как это происходит в прикладных исследованиях, ориентированных на получение информации для принятия решений.

Утверждению приоритета абдукции посвящена отдельная глава, в которой авторы, ссылаясь на Аристотеля, Пирса, Поппера, теоретиков истории и философии науки, выстраивают достаточно убедительную аргументацию, основной посыл которой – невозможность жесткого разделения в социальных науках «контекста открытия» и «контекста валидации», на основе которого выстраивается «идеальная модель» познания в естественных науках.

Способ «валидации», который предлагают Глинос и Ховард, вероятно, вызовет отторжение у многих «теоретиков» социальных наук, но, возможно, является единственным способом сделать социальное знание адекватным общественным запросам, «работающим» на практике. В качестве замены эксперимента в естественных науках они предлагают сопоставление предложенных моделей с реальными практиками, обсуждение их с членами профессиональных и непрофессиональных сообществ. И в этом смысле выступают как последовательные марксисты.

Две главы книги посвящены анализу альтернативных позитивистской моделей: герменевтике (при этом разбираются три «герменевтических» подхода) и подходу, который заменяет парадигму причинно-следственных связей на обращение к изучению причинно-следственных механизмов (работы Юна Эльстера (Jon Elster) и его последователей). Авторы рецензируемой книги отказываются считать эти подходы реальной альтернативой позитивизму. В первом случае из-за исключения «объективного» измерения, во втором – из-за того, что предложенные теоретические модели в конечном итоге все же опираются на позитивистскую парадигму [\[6, с. 81-102\]](#). Результатом анализа Глиноса и Ховарта становятся два вывода. Первый: невозможность

полностью игнорировать самоинтерпретацию акторов, вовлеченных в исследуемую практику, что происходит при следовании позитивистской парадигме. Герменевтический минимум необходим, – признают авторы «Логик критического объяснения...». Второй вывод можно обозначить как противоположный: при объяснении социальных и политических явлений нельзя полагаться только на то, что говорят люди, на их самопонимание, даже если эти взгляды должны приниматься во внимание. «Таким образом, адекватный легитимный подход к социально-политическому анализу должен учитывать самоинтерпретацию, но не сводится к ней», – резюмируют Глинос и Ховарт [\[6, с. 13\]](#). Тогда ключевым становится вопрос: где проходит граница, что считать находящимся внутри, а что за пределами самоинтерпретаций? Поиск ответа на него – значимая задача для социальной и политической философии. Тем не менее, дискурсивная парадигма предлагает объяснительную модель, которая, с одной стороны, включает «контекстуализированные самоинтерпретации субъектов, как неотъемлемый элемент любого полноценного объяснения в социальных науках», при этом уходя от «чрезмерно описательных или частных решений». С другой стороны, имеет «объективное измерение, но в тоже время избегает ограничений позитивистских подходов, основанных на причинно-следственной парадигме» [\[6, с. 81\]](#).

Крайне важной в работе Глиноса и Ховарта представляется разработка связи между онтологией и онтикой (как нефилософским мышлением). Дискурсивная онтология позволяет проводить многоуровневый анализ, используя разную «оптику». Соответственно, возникает потребность в терминах, обозначениях, новом «словаре» для описаний. Глинос и Ховарт используют слово «измерения» (dimension), предлагая онтическую модель, в которой выделяются «социальное», «политическое», «идеологическое» и «этическое» измерения социальной реальности [\[6, с. 104\]](#). Естественно, термин «измерения» используют не только они. О разных «измерениях» пишет, например, один из ключевых представителей школы критического дискурс-анализа Тьен Ван Дейк, это понятие применяют не только те, кто занимается дискурс-анализом. В данном случае важно то, что концептуально формулируются, обретают теоретическую основу идеи, возникающие у разных ученых, в разных (не только социальных) дисциплинах. Идет процесс формирования нового научного языка, и приверженцы «дискурсивной парадигмы» вносят в него значительный вклад.

Предложенные авторами рецензируемой монографии модели: а) имеют четко выстроенную связь с онтологической основой; б) представляются аналитически ценными, поскольку имеют проблемную и практическую ориентацию, а не являются результатом построений, исходной точкой которых служит теория или метод; в) артикулированы как «модель», то есть инструмент для социально-политического анализа. Постструктуралистское понятие «измерения» можно трактовать и как ракурс. «Социальный», «политический», «идеологический» и «этический» ракурсы – это проекции комплексной и многоплановой реальности, каждая из которых исследуется как онтическая [\[6, с. 15\]](#).

Логики в социальных науках

Плюрализм логик – неизбежное следствие предложенной онтологии. «Множество логик необходимо для объяснения сложных и исторически обусловленных комплексов социальных обстоятельств,» – подчеркивают авторы книги [\[6, с. 12\]](#). «Понятие логики, защищаемое в этом тексте, обязательно окажет длительное влияние на работу социальных и политических ученых,» – отметил Эрнесто Лакло в предисловии к работе

Глиноса и Ховарта. «Исходная интуиция определяет требования к развернутому рассуждению и его логике,» – пишет Андрей Смирнов [\[20, с. 81\]](#). «Связь с нехваткой является для построения любой логики настолько существенной, что всю историю логики можно представить, как ряд успешных попыток эту нехватку замаскировать,» – объяснял Лакан [\[15, с. 163\]](#). Эта мысль в разных формулировках и в разном контексте постоянно звучит в Лакановских семинарах. «Означающие», образующие цепочки значений, могут быть выстроены различным образом, тоже самое можно сказать и о научном рассуждении о логике анализа.

«Формальная» логика, таким образом, лишь инструмент, но не способ доказательства или описания социальной реальности. Это хорошо заметно на примере массовой цифровизации, алгоритмы которой постоянно сталкиваются с «несовершенством» реальной жизни, хотя и агрессивно пытаются ее себе подчинить. «Наша концепция логики имеет отношение к целям, онтологическим предпосылкам и правилам, которые делают практику или режим практик возможным. Логика практики включает не только ее описание и характеристику, но и условия, которые заставляют эту практику функционировать,» – пишут Глинос и Ховарт [\[6, с. 15\]](#).

В построении своей концепции множественности логик исследуемые авторы вслед за Муфф и Лакло опираются на идеи Соссюра и Лакана, разворачивая то, что Витгенштейн называет «языковыми играми» [\[21\]](#). Подробнее об этом можно прочитать в соответствующей главе «Логик критического объяснения...». В своем «Курсе общей лингвистики» Соссюр выделяет два типа фундаментальных отношений в системе (ах) языка – ассоциативные и синтагматические. На этой основе Муфф и Лакло предложили анализировать механизмы, организующие дискурс, – дискурсивные логики «дифференциации» (различия) и «эквивалентности» [\[18, с. 130\]](#). Не имея возможности подробно разобрать «аналитически сложную» модель (это делают авторы книги), отметим, что «логики» выступают как способы соединения значений, и эти способы зависят от поставленного вопроса. «Грубо говоря, мы можем сказать, что три типа логики соответствуют трем типам вопросов, которые мы можем задать о проблематизированном феномене, и каждый из которых важен для критического объяснения: что, как и почему» [\[6, с. 108\]](#). Три упомянутых типа логики – «социальная» (social), «политическая» (political) и логика, которую Эрнесто Лакло назвал (fantasmatic) [\[22, с. 54-68\]](#) и которую, на наш взгляд, удачнее всего можно перевести как логику «воображения». «Логика социального» позволяет выделять существующие практики, анализировать, как через них и существующий дискурс воспроизводится социальный порядок, таким образом «схватывает» механизмы стабильности. «Логика политического» – про механизмы изменений, равно как и про механизмы сопротивления изменениям: она показывает «как практики конкурируют между собой и защищаются». «Логика воображения» «позволяет понять причины трансформации и воспроизводства практик», при этом для ее анализа используются знания о природе человека, психических и когнитивных механизмах [\[6, с. 108\]](#). Выделенные аспекты взаимосвязаны так же, как и вопросы «что, как и почему». На онтическом уровне – это разные плоскости (измерения) [\[6, с. 15\]](#). Но речь идет не только об измерениях, логики в данном случае выступают как отражения разных онтологических картин, соответствующих разным состояниям реальности, а задачей социального исследования становится установление отношений, стоящих за этими состояниями [\[23, с. 130\]](#).

«Неочевидная» мысль сейчас находит все больше сторонников, в том числе среди тех,

кто изучает физическую реальность. И квантовая физика, и множество других, менее известных, однако революционных научных открытий в естественных науках способствовали вниманию к состояниям нестабильности (случайности), которые требуют иных подходов (признания иной «картины мира») и не подчиняются логике позитивизма, которую, согласно размышлениям лауреата Нобелевской премии по химии за работы в области неравновесной термодинамики Ильи Пригожина, можно охарактеризовать как логику «контроля». Стремление изучать те явления и проблемы (неважно физического или нематериального мира), которые принадлежат сфере стабильности (а, значит, и предсказуемости), как подчеркивал психоаналитик Лакан – свойство человеческой психики. Но, возможно, преодоление естественных устремлений и является тем механизмом, который движет развитием человечества, в том числе и в науке. «Нестабильность, непредсказуемость и, в конечном счете, время как сущностная переменная стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщенности, которая всегда существовала между социальными исследованиями и науками о природе» [\[24, с. 47\]](#). С этой точки зрения, сам факт предложения логик для анализа «нестабильности», противопоставления их существующим «логикам» социально-политического анализа [\[6, с. 106\]](#) – большая ценность «дискурсивной парадигмы» и ее последователей Глиноса и Ховарта.

Заключение

Интерес к постструктуралистской дискурс-теории в России растет, работы появляются, хотя пока их немного (см., например, [\[25\]](#)). Концепция, претендующая на статус «новой парадигмы» и «новой онтологии» вызывает живые отклики в различных регионах мира: и на «Западе», и на «Востоке». Как философская, так и исследовательская и практическая значимость «дискурсивной парадигмы» тем более высока, что она дает ответы на многие «неразрешимые» с точки зрения классической социально-политической теории и крайне актуальные для общества вопросы, предлагая иной взгляд, например, на классическую дилемму между правом народов на самоопределение и нерушимостью государственных границ. Конструктивный «политический» подход – концепция «агонизма», сформулированная Шанталь Муфф: «онтологическое» принятие различий требует не поиска способов доказательств чьей-то правоты, но поиска способа совместного существования в условиях, когда «у каждого – своя правда» [\[26\]](#). И если такой вектор развития как социальной, так и политической мысли будет находить все больше сторонников, если уже во многом доказавшая свою несостоятельность при понимании социального «рациональность» будет «переработана» с учетом новых (и объединенных) знаний о человеке, которыми науки, в том числе естественные, обогатились за прошедшее с эпохи модерна время, возможно, мир станет более человечным и безопасным.

Ценность подхода не ограничивается «политическим ракурсом». С развитием информационных технологий, искусственного интеллекта, «цифровой реальности», философские вопросы становятся все более актуальными и для естественных и точных наук. Сейчас все больше говорят об «онтологическом повороте» как в информатике, так и в прикладном знании – инженерии, менеджменте. Решение комплексных задач по построению, управлению и контролю над масштабными системами и процессами требует выявления и объединения различных «онтологий», разработки моделей их объединения.

Книга Джейсона Глиноса и Дэвида Ховарта стала солидным вкладом в развитие «дискурсивной парадигмы». «Парадигма» в данном случае представляется наиболее точным названием – это способ мышления, который позволяет по-иному взглянуть на

«социальное», не только на общество, его историю, политику, культуру, и даже экономику, но и на наше знание об этом обществе. В одних случаях «включаются» новые измерения и перспектива, в других – предлагается пересмотр, иногда кардинальный, установок, «общепринятых» не только на уровне обыденного сознания, но и в политике, в науке. Ведь эти установки являются частью доминирующей на данный момент дискурсивной формации. В настоящее время на глобальном уровне это дискурсивная формация западной рациональности.

Для дискурсивной парадигмы понятие «политического» всеобъемлющее, как и понятие «идеологического», поскольку представления и практики всегда взаимосвязаны и влияют друг на друга. «Идеология» является не только неотъемлемым элементом повседневности, но и неотъемлемым элементом самого знания, а значит и науки как института. Постструктураллистская дискурс-теория концептуализирует это на уровне теоретических конструкций. Признание нашей «априорной зависимости» от тех ценностей, которые мы разделяем, меняет и взгляд на научное высказывание. Тогда обязательной научной процедурой становится рефлексия не только по поводу онтологических, но и по поводу идеологических установок (см., например, [\[11\]](#)). Проблемой становится слепое заимствование и задействование приобретающих все большую популярность «инструментов» дискурс-анализа – теоретических моделей, исследовательской методологии вне их критического осмысления на предмет соответствия российской логике смысла. Изучение постструктураллистской дискурс-теории, в частности работы Глиноса и Ховарта, помогает этого избежать.

Принципиальным, на наш взгляд, является и обоснование того, что логики рассуждения в социальных науках не ограничиваются набором формальных логик, но имеют культурно и исторически обусловленную составляющую. Дискурсивная парадигма предлагает инструменты для анализа «взаимоотношений логик», например, при столкновении процессуальной и субстанциональной логик смысла, принципиальное различие которых подробно проанализировано А.В. Смирновым [\[20\]](#). Другой важный для нас вывод – требование анализировать любой научный текст в его «собственной логике», что происходит далеко не всегда.

На основе онтологических установок дискурсивной парадигмы Глинос и Ховарт предлагают постпозитивистскую модель социальных наук, опирающуюся на абдукцию, проблемно-ориентированный подход (проблематизацию), необходимость учета как «герменевтической», так и «материалистической» составляющей, как объективной, так и субъективной стороны социального. Модели, которые они предлагают для социально-политического анализа, позволяют это делать и представляются аналитически ценными. Им, безусловно, могут быть предложены альтернативы, но одним из ключевых следствий дискурсивной парадигмы является установка не на конкуренцию онтических моделей и подходов, но на их объединение – важно то, что та или иная модель (подход) привносит в социальное знание, а не то чем она противоречит другой модели (подходу).

Библиография

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
2. Ильинская С.Г., Сирина Е.А. Дискурсивные исследования и выявление идеологических конструктов // Личность, культура, общество. 2022. №3-4 (115-116). С. 108-129.
3. Нагорная А.В. Харт К. Дискурс, грамматика и идеология: функциональная и

- когнитивная перспектива. Рец. на: Hart Ch. Discourse, grammar and ideology: Functional and cognitive perspectives. L.: Bloomsbury, 2016 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкоzнание: Реферативный журнал. 2017. №1.
4. Олешкова А.М. Критический дискурс-анализ в традиции Н. Фэркло: социально-философский аспект // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6 (96). Ч. 4. С. 15-18.
 5. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 289 с.
 6. Glynos J., Howarth D. Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory. Routledge Innovations in Political Theory. Routledge, 2007. 264 p.
 7. Кун Т. Метафора в науке / Пер. с англ. А.Л. Никифорова // Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: AST Publishers, 2014. С. 424-449.
 8. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
 9. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 448 с.
 10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. 12 лекций. Пер. с нем., 2-е изд., испр. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 416 с.
 11. Грамши А. Тюремные тетради: в 3-х ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
 12. Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М: Ad Marginem, 2000. С. 7-110.
 13. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. / А. Антоновский. М: Логос, 2004. 232 с.
 14. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990. 280 с.
 15. Лакан Ж. Тревога (Семинары, книга X (1962/63)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Изд-во «Гнозис», изд-во «Логос», 2010. 424 с.
 16. Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. №4-5 (39). С. 54-57.
 17. Оришева О.Ф. «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии // Труды БГТУ. Серия 5. История, философия, филология. 2010. С. 136-139.
 18. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, New York: Verso, 2001 (1985). 208 p.
 19. Baker P., Gabrielatos C., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // Discourse & Society. 2008. №19, p. 273-306.
 20. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; ИД ЯСК, 2019. 216 с.
 21. Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. Москва: Издательство АСТ, 2018. 352 с.
 22. Лаклау Э. О популизме // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. №3. С. 54-68.
 23. Гололобов И.В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение // Бюллетень антропологии, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 129-136.
 24. Пригожин И. Философия нестабильности / Пер. с англ. Я.И. Свирского // Вопросы философии. 1991. №6. С. 46-52.

25. Байша О.А. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2021. 184 с.
26. Муфф Ш. Витгенштейн, политическая теория и демократия / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2003. №4-5 (39). С. 153-165.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья по своей форме является рецензией, однако, предлагая рецензию на книгу Дж. Глиноса и Д. Ховарта, автор в действительности использует эту книгу как повод высказаться о «достоинствах» «дискурсивной парадигмы», талантливыми последователями которой он считает как раз Глиноса и Ховарта. Подобный жанр «расширенной рецензии» является весьма интересным, поскольку позволяет высказаться о затрагиваемых в рецензируемой работе принципиальных вопросах. К сожалению, в нашей философской литературе этот жанр используется нечасто, а удачных его примеров – ещё меньше; можно вспомнить в этой связи, например, известную рецензию П.П. Гайденко на монографию А.Л. Доброхотова «Категория бытия...». Поэтому следует приветствовать появление очередной попытки написать философскую статью в указанном жанре. Конечно, в данной работе сразу бросаются в глаза недостатки, которые не позволяют оценить её как вполне удачную. Прежде всего, следует скорректировать её название, заменив неприемлемое «разные логики», например, на «многообразие логик». О чём вообще говорит автор, почему у него появляется в названии статьи это странное выражение? Он указывает на то, что «постструктураллистская дискурс-теория» (а именно эту линию и продолжает рецензируемая книга) «предоставляет «право на существование» разным онтологиям», а «признание принципиальной (онтологической) возможности разных картин мира» порождает, полагает автор, и «плурализм логик». Не станем здесь обсуждать основательность или хотя бы оправданность подобного заключения, скажем о другом: разве выражение «многообразие логик» менее удачно отражало бы это положение, чем «разные логики»? Не претендуя на оптимальный характер представленного варианта, повторим, что имеющееся сегодня в названии выражение следует заменить. Далее, не вступая в спор с автором (подобно тому, как мы оставляем без внимания и рискованное заключение о соотношении онтологии и логики) относительно оценки тех или иных теорий, обращаем внимание на необходимость использовать в публикациях те или иные понятия в их привычном значении, а при необходимости – уточнять их. Прочитаем следующее высказывание: ««Идеология» является не только неотъемлемым элементом повседневности, но и неотъемлемым элементом самого знания, а значит и науки как института». Хорошо, что «идеология» здесь дана в кавычках, но даже в этом случае понятно, что автор использует это многострадальное слово далеко не в преобладающем в современной философии смысле, а уж о «науке» и говорить нечего, если, конечно, понимать под «наукой» реальную познавательную деятельность, а не бессодержательную метку, ставшую предметом откровенного издевательства со стороны адептов «постструктуралистского дискурса». Сделаем ещё несколько замечаний, которые необходимо учесть до публикации статьи. Автор явно неудачно использует термин «аналитически» (концепция Муфф-Лакло аналитически сложна...), – «сложна в структурном отношении?; «...представляются аналитически цennыми», – даже не решаемся предположить, что имеется ввиду). Много погрешностей в пунктуации, прежде

всего, в тексте имеется множество лишних запятых («наличие набора ответов, при отсутствии...», «его место, как одного из...» и т.п.). Впрочем, это, может быть, и не столь существенно в сравнении с той путаницей, которую создаёт нагромождение причастных и деепричастных оборотов и придаточных предложений: «подход к познанию, основанный на операциях с «идеальными моделями», ориентированный...»; «...претендующих на всеобщую объективность концепций эпохи модерна и находясь в поиске...», – кто «находится в поиске»?; «с выводами и предложениями, к которым приходят современные социальные мыслители, которые рассматривают...»; «...отвечая на возникающие к ней вопросы, касающиеся самой онтологии, вытекающих...», – откуда что «вытекает»?). Как бы ни стремиться следовать «философской моде», которая в последние десятилетия от «разума» явно соскользнула к «дискурсивности», автор должен заботиться о понимании его текста читателем, а потому и принимать некоторые условности способа выражения, даже если они и представляются излишне консервативными. Многие из высказанных замечаний могут быть учтены в рабочем порядке, они не являются принципиальным препятствием для публикации, рекомендую принять статью к печати в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The problem of loss of integrity of modern philosophical and scientific knowledge

Gribkov Andrei Armovich

Doctor of Technical Science

Senior Researcher, Scientific and Production Complex "Technological Center"

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Abstract. The article deals with the actual problem of social development, the development of sciences and, in general, the development of human civilization – a gradual departure from reliance on a system of established generally accepted ideas and, as a result, the loss of the integrity of philosophical and scientific knowledge. The ability of various models to reliably describe areas of cognition that are outside the area on the basis of knowledge about which these models are formed is considered. The general theory of systems is considered, the central idea of which is the existence of isomorphism of forms and laws in various subject areas and at various levels of the universe, through which the integrity of the world is manifested. The necessity of relying on a system of generally accepted ideas about nature, society, ethics and aesthetics is justified, even if these ideas are not indisputable and final. The necessity of returning philosophy to the leading role in cognition is stated, since only philosophy is able to ensure the integrity of the knowledge system. It is stated that such a property is possessed by models that are able to fit into a holistic picture of the world. The idea is put forward that the General theory of systems can become the basis for building a holistic picture of the world. To do this, it should be expanded by defining the methodology of formation and describing particular manifestations of isomorphism, as well as supplemented with an ontological part containing an explanation of the genesis of isomorphism.

Keywords: world picture, model, reliability, genesis, ontology, General Theory of Systems, isomorphism, knowledge system, cognition, integrity of the world

References (transliterated)

1. Kozhevnikov N.N., Danilova V.C. Vliyanie Aristotelya na formirovaniye nauchnoi i filosofskoi metodologii // Pedagogika. Psichologiya. Filosofiya. 2016. №4 (04). C. 45-51.
2. Gol'bak P.A. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom 1. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963. 715 s.
3. Kant I. Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Tom 8. M.: «Choro», 1994. 718 s.
4. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. M.: Mysl', 1976-1983.
5. Shirkov D.V. Perenormirovki v kvantovoi teorii polya // Soobshcheniya Ob"edinennogo instituta yadernykh issledovanii. Dubna, 1985.
6. Erekaev V.D. «Zaputannye» sostoyaniya: (filosofskie aspekty kvantovoi mekhaniki). Analiticheskii obzor. M.: INION RAN, 2003. 80 s.
7. Figurovskii N.A. Ocherk obshchey istorii khimii. Ot drevneishikh vremen do nachala XIX v. M.: Nauka, 1969. 455 s.
8. Guerlac H. Lavoisier – the Crucial Year: the Background and Origin of His First

- Experiments on Combustion in 1772. Cornell University Press, Ithaca, New York, 1961. 240 p.
9. Razumov A.E. Vera, понимание, доказательство // Высшее образование в России, 2019, т. 28, № 4. С. 72-80.
 10. Usachev A.V. Filosofskie aspekty sovremennoogo religioznogo mirovozzreniya // Kul'tura i iskusstvo, 2022, № 9. С. 1-16.
 11. Kanakov D.V. Fenomen religioznogo dogmatizma. K postanovke problemy // Filosofskie nauki, 2010, № 8. С. 74-83.
 12. Karpov A.O. Kognitivnaya rol' dogmatischeskogo znaniya: real'nost', myshlenie, obuchenie // Voprosy filosofii, 2019, №10. С. 99-109.
 13. Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. V 2-kh knigakh. M.: «Ekonomika», 1989.
 14. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. George Braziller Inc., New York, 1969, 289 p.
 15. Kveid E. Analiz slozhnykh sistem. M.: «Sovetskoe radio», 1969. 520 s.
 16. Gig D. Prikladnaya obshchaya teoriya sistem. Knigi 1 i 2. M.: «Mir», 1981.
 17. Mesarovich M., Takakhara Ya. Obshchaya teoriya sistem: matematicheskie osnovy. M.: «Mir», 1978. 312 s.
 18. Uemov A.I. Sistemnyi podkhod i obshchaya teoriya sistem. M.: «Mysl'», 1978. 272 s.
 19. Urmantsev Yu.A. Obshchaya teoriya sistem: sostoyanie, prilozheniya i perspektivy razvitiya / Sbornik «Sistema, Simmetriya, Garmoniya». M.: «Mysl'». 1988. С. 38-124.
 20. Vinograd E.G. Osnovy obshchey teorii sistem. Kemerovo: Kemerovskii tekhnologicheskii institut pishchevoi promyshlennosti. 1993. 339 s.
 21. Leshchenko V.V. Teoriya obshchikh sistem i informatsionnaya model' mirovozzreniya obshchestva / Sistemnyi podkhod v sovremennoi nauke. Pod red. I.K. Liseeva i V.N. Sadovskogo. Moskva: Progress-Traditsiya, 2004. С. 309-320.

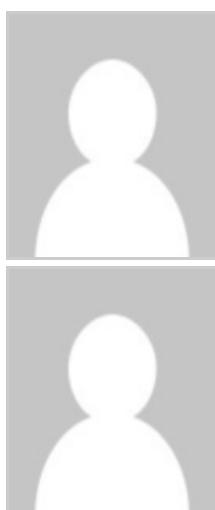
Social Contract: About Approaches to Its Theoretization and Its Philosophical Prospects

Rakhinsky Dmitry Vladimirovich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Public Health and Healthcare, Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Krasnoyarsk State Agrarian University

✉ siridar@mail.ru

Panasenko Galina Vasilevna

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Social Work, Siberian Federal University

✉ galina-panasienko@mail.ru

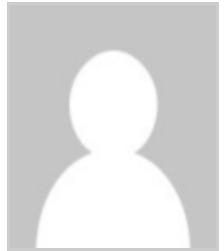

Ravochkin Nikita Nikolaevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy, Professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev

✉ nickravochkin@mail.ru

Morozova Olga Fedorovna

Doctor of Cultural Studies

Professor, Department of Philosophy, Siberian Federal University

✉ ofmorozova@mail.ru

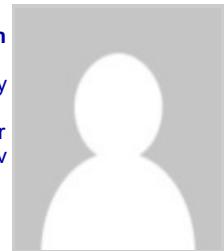

Mineev Valerii Valerevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Philosophy, Economics and Law, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

✉ vwmineyev@mail.ru

Abstract. The authors raise the question of the content of the concept of "social contract theory", discuss the key socio-philosophical content of social contract theories and modern views on it. The object of the study is the social contract as a philosophical concept, the subject of the study is the currently developed ways of interpreting and applying this concept. The goal towards which the research presented in the article is aimed is to understand the ways of developing the concept of a social contract and the prospects for its further socio-philosophical use. The significance of the concept of a social contract for discussing the ontological foundations of the norms and obligations implemented in society that arise between the actors of social interaction is revealed. The theoretical and methodological innovations used by modern authors are analyzed to develop the concept of the social contract. In the course of this study, the authors used methods of comparative analysis (in relation to the considered ways of understanding the social contract), analytical and interpretive methods, and a historical-genetic method (in the context of considering ways of developing the concept of a social contract). The scientific novelty of the study lies in the formulation of assumptions regarding the philosophical prospects for the development of the concepts of social contract, as well as in the discussion of the meaning and methods of application of these concepts. Based on the study, the authors conclude that the concept of a social contract is of current importance in the context of reflecting the foundations of norms regulating social interaction.

Keywords: contractualism, contractarianism, ontology of social norms, revision of social contract, horizontal social contract, vertical social contract, equilibrium, agreement, consent, social contract

References (transliterated)

1. Gavrilov M.V., Yunusov A.T. Formy i usloviya otvetstvennosti v moral'noi teorii T.M. Skleniona // Filosofiya i obshchestvo. 2022. № 4 (105). S. 89–128.
2. Nikonorov L.V., Fedyukin V.P. Chto takoe kontraktualizm? // Filosofskie deskripty. 2016. № 16. S. 195–201.

3. Darwell S. Contractarianism / Contractualism. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2002. – 296 p.
4. Cudd A., Eftekhari S. Contractarianism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 30.09.2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractarianism/> (data obrashcheniya: 20.09.2023)
5. Ashford E., Mulgan T. Contractualism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 20.04.2018. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/contractualism/> (data obrashcheniya: 20.09.2023)
6. Yu-Lan' F. Kratkaya istoriya kitaiskoi filosofii. SPb.: Evraziya, 2017. – 376 s.
7. Golovin A.A., Filippovskaya A.A. Obshchestvennyi dogovor: istoriya i sovremennost' // Dukhovnye osnovy i vyzovy vremeni: sbornik nauchnykh statei nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kursk: Universitetskaya kniga, 2022. S. 109–117.
8. Blazhevich N.V., Blazhevich I.N. Gosudarstvennaya vlast' v yuridicheskem i eticheskem aspektakh // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2023. № 2(64). S. 20–30.
9. Spinoza B. Traktaty. M.: Mysl', 1998. – 446 s.
10. Gobbs T. Leviafan. M.: Mysl', 2001. – 478 s.
11. Lokk Dzh. Sochineniya v 3-kh t. T. 3. M.: Mysl', 1988. – 668 s.
12. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore. M.: Yurait, 2020. – 146 s.
13. Taraban N.A. Ideya obshchestvennogo dogovora na sovremennom etape politiko-pravovykh issledovanii // Filosofiya prava. 2019. № 1 (88). S. 130–134.
14. Burnyeat G., Johansson M.S. An Anthropology of the Social Contract: The Political Power of Idea // Critique of Anthropology. 2022. Vol. 42 (3). P. 221–237.
15. Gempik E.A., Kustova K.A. Gorod v koordinatakh vertikal'nogo i horizontal'nogo obshchestvennogo dogovora // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2018. № 4(21). S. 8–21.
16. Ravochkin N.N. Diskussii o sotsial'noi real'nosti v sovremennoi lingvisticheskoi filosofii // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2023. № 3. S. 123–129.
17. B'yukenen Dzh. Sochineniya. M.: Taurus Al'fa, 1997. – 556 s.
18. Boitsova O.Yu. Obshchestvennyi dogovor — osnova doveriya k vlasti // Obozrevatel'. 2012. № 4 (267). S. 50–58.
19. Prokof'ev A.V. Printsip soglasiya i primenenie sily // Voprosy filosofii. 2014. № 12. S. 35–44.
20. Rolz Dzh. Spravedlivost' kak chestnost' // Logos. 2006. № 1(52). S. 35–60.
21. Scanlon T. What We Owe to Each Other. Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 432 p.
22. Harsanyi J. Essays on Ethics, Social Behaviour and Scientific Explanation. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1976. 278 p.
23. Skyrms B. Evolution of the Social Contract. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 164 p.
24. Huntjens P., Kemp R. The Importance of a Natural Social Contract and Co-Evolutionary Governance for Sustainability Transitions // Sustainability. 2022. Vol. 14 (5). P. 1–26.
25. Seabright P., Stieglitz J., Van der Straeten K. Evaluating Social Contract Theory in the Light of Evolutionary Social Science // Evolutionary Human Sciences. 2021. Vol. 3. P. 1–22.

The mystery of man in the teachings of Blaise Pascal: between mysticism and rationality

Gutova Svetlana Georgievna

Doctor of Philosophy

Professor of the Department of Mass Communications and Tourism, Nizhnevartovsk State University

628602, Russia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Nizhnevartovsk, Omskaya str., 54, sq. 168

✉ svetguts.07@mail.ru

Berillo Ivan Viktorovich

Postgraduate student, Department of Mass Communications and Tourism, Nizhnevartovsk State University

628605, Russia, Khanty-Mansiysk Okrug-Yugra Autonomous Okrug, Nizhnevartovsk, Lenin str., 56

✉ Superivanberillo@yandex.ru

Abstract. The article explores an anthropological essence of Blaise Pascal's philosophical views along with their analysis in the context of his personal being and also of common directions in the Modern Age intellectual and philosophical movement. An unbreakable connection between Pascal's ideas and setting cartesian scientific and philosophical world-outlook is shown here, as well as some cardinal differences of his thoughts on nature, significance and perspectives for human being from pure rationalistic treatings of these problems. The main anthropological work of Pascal ("Pensees") is characterised under the angle of its structure and method. The comparison of reception and evaluation of Pascal's and Socrates' personalities and ideas by the modern European philosophers (W. Windelband, E. Kassirer) and Russian religious thinkers (B.P. Vysheislavtzev, S.S. Glagolev) provided here. It is shown that in his reasonings on human being, which are traditionally considered as religious and mystical, Pascal keeps some faithfulness towards "geometric spirit" of cartesian philosophy. It is manifested by using of mathematical terminologies and also by constructing of phenomenological topica of human existing. The last one must be characterised as vector determinants or as intentional existence. The principal attention is given to concepts of love and heart with stressing that Pascal realised his specific method of exploring the human being problems through these intuitive and existential symbols in "world - self - being" triada. In conclusion it is determined that Pascal's anthropological ideas as presented in "Pensees" are to be considered as some christian apologetic experience (according to author's personal intentions) and also as one of the foundings of contemporary philosophical anthropology (due to their principally critical primal points).

Keywords: Modern Age philosophy, jansenism, heart, intentionality, human being, existence, anthropology, Pensees, Blaise Pascal, cartesianity

References (transliterated)

1. Armour L. "Infini rien": Pascal's wager and the human paradox. Southern Illinois University Press. 1993.
2. Brown G. A. Defence of Pascal's wager. Religious Studies. doi:10.1017/S0034412500016322
3. Cargile J. Pascal's wager. Philosophy. 1966.
4. Janzen, G. Pascal's Wager and the Nature of God. SOPHIA 50, 2011. 331–344 p.

- <https://doi.org/10.1007/s11841-010-0213-5>
5. Moriarty M. Pascal: Reasoning and Belief. Oxford: Oxford University Press. 2020. 432 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198849117.003.0020>
 6. Altashina V. D. Blez Paskal' i russkaya kul'tura: ot «bylinky» do «trostinki» / Blez Paskal': pro et contra, antologiya /vstup. stat., sost. V.D. Altashinoi. – SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2013. – 1095 s.
 7. Antonov K.M., Tarasov B. N. «Myslyashchii trostnik» // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie, № 15, 2006, S. 189-191.
 8. Ivanov M. S. Chelovek v religioznoi filosofii Bleza Paskalya // Bogoslovskii vestnik. 2019. T. 35. – № 4. – S. 72-86.
 9. Tsypina L. V. Otstupniki razuma: Paskal', K'erkegor i dialekticheskii paradoks chelovecheskogo sushchestvovaniya // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 17. 2016. – Vyp. 2. – S. 63-72.
 10. Chernyak N. A. Dukhovnyi optyt B. Paskalya // Vestnik Omskogo universiteta, – T. 24. № 3. 2019, – S. 153-156.
 11. Kassirer E. Filosofiya Prosveshcheniya. – M. : ROSSPEN, 2004. – 399 s.
 12. Vindel'band V. Istorya novoi filosofii v ee svyazi s obshchei kul'turoi i otdel'nymi naukami. T.1. Ot Vozrozhdeniya do Kanta. – SPb., 1902. – 466 s.
 13. Kassirer E. Optyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoi kul'tury // Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: Perevody. – M. : Progress, 1988. – S. 3-30.
 14. Filippov M. M. Paskal', ego zhizn' i nauchno-filosofskaya deyatel'nost'. – SPb.: tipo-lit. I.G. Salova, 1891. – 78 s.
 15. Strel'tsova G. Ya. Blez Paskal' – M.: Mysl', 1979 – 237 s. Paskal' B. Mysli. – M.: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1995. – 480 s.
 16. Strel'tsova G. Ya. Paskal' i evropeiskaya kul'tura. – M.: Respublika, 1994. – 495 s.
 17. Vindel'band V. O Sokrate // Vindel'band V. Izbrannoe: Dukh i istoriya. – M., 1995. – S. 58-79.
 18. Mamardashvili M. K. Problema soznaniya i filosofskoe prizvanie // Voprosy filosofii. 1988. – № 8. – S. 37-47.
 19. Hibbs T. S. Wagering on an ironic God: Pascal on faith and philosophy. – Baylor University Press, 2017. 216 p.
 20. Paskal' B. Pis'ma k provintsialu. Perevod s frantsuzskogo O.I. Khoma. – Kiev : Port-Royal, 1997. – 592 s.
 21. Butru E. Paskal'. – M.: LKI, 2008. – 216 s.
 22. Paskal' B. Iz «Myslei» // Razmyshleniya i aforizmy frantsuzskikh moralistov XVI-XVIII vekov. – L. : Khudozh. lit : Leningr. otd-nie, 1987. – S. 202-286.
 23. Paskal' B. Mysli. – M.: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1995. – 480 s.
 24. Paskal' B. Mysli (O religii). – M. : tipografiya Bonch'-Bruevicha, Per. s frants. P. D. Pervova. 1899. – 290 s.
 25. Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate. – M.: Nauka, IF RAN, 1993. – 592 s.
 26. Gulyaev A.D. Eticheskoe uchenie v "Myslyakh" Paskalya. – Kazan' : tipo-lit. Imp. un-ta, 1906. – 276 s.
 27. Douchilloux H. Apologie et théologie dans le Penseés de Pascal // Rev. fr. de la France et de l'étranger. 2002. – T. 182, N 1. – P. 3-19.
 28. Gaisler N. L. Entsiklopediya khristianskoi apologetiki / Norman L. Gaisler; [Per.

- Gavrilov V.N.]. – SPb.: Bibliya dlya vsekh, 2004. – 1184 s.
29. Gagarin A. S. "Chelovek – eto zvuchit...": ekzistentsialistika cheloveka kak "krapinki na kartine mirozdaniya" (M. Monten') i "myslyashchii trostnik" (B. Paskal') // Grani istoriko-filosofskoi nauki. K 70-letiyu professora K.N. Lyubutina: Sb. nauch. trudov / Pod red. A.V. Pertseva. – Ekaterinburg, 2005. S. – 168-182.
30. Gagarin A. S. Fenomenologicheskaya topika: smyslozhiznennoe prostranstvo ekzistentsialov chelovecheskogo bytiya // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2009. – № 9. – S. 7-26.
31. Tarasov B. N. «Myslyashchii trostnik»: Zhizn' i tvorchestvo Paskalya v vospriyatiu russkikh filosofov i pisatelei. –2-e izd. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. – 896 s.
32. Shestov L. Sochineniya : v 2 t. – Moskva : Nauka, T. 1. – 1993. – 667 s.
33. Vysheslavtsev B. P. Vechnoe v russkoi filosofii // Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. – M. : Respublika, 1994. – S. 154-350.
34. Vovenarg L. Vvedenie v poznanie chelovecheskogo razuma. Fragmenty. Kriticheskie razmyshleniya o nekotorykh pisatelyakh. Razmyshleniya i maksimy / Per. Yu.B. Korneeva, E. L. Linetskoi; obshchaya red. N. A. Zhirmunskoi; – L.: Nauka. 1988. – 440 s.

What Can Philosophy and the Cognitive Sciences Give Each Other?

Sushchin Mikhail Aleksandrovich

PhD in Philosophy

Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

117418, Russia, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 51/21

✉ sushchin@bk.ru

Abstract. The article explores some possible ways of interaction between philosophy and the specific cognitive scientific disciplines: psychology, neurosciences, artificial intelligence, linguistics, and anthropology. The author draws on V.A. Lektorsky's idea of the dialogue between philosophy and the cognitive sciences. Philosophy and the cognitive sciences engage in a productive dialogue in which their mutual enrichment, the strengthening or weakening of certain scientific or philosophical theories, and theoretical progress can occur. On the one hand, it is asserted that philosophy can have the greatest impact on the development of the cognitive sciences in the way of clarifying problems of the philosophy of science. These problems encompass the problem of the theoretical progress of cognitive studies, the problem of the nature of individual cognitivist theories (as well as the nature of groups of individual theories such as connectionism, predictive processing, etc.), the problem of the relationship of cognitive disciplines to each other, and more. In addition, philosophers can contribute to discussions concerning the foundations of the cognitive sciences and their key concepts of representation and computation. They can also play a significant role in assessing the ethical implications of the emergence of new cognitive technologies and neurotechnologies. On the other hand, the specific cognitive disciplines can provide new insights into traditional philosophical issues, like the problem of consciousness and the brain, the problem of free will, and enrich the philosophy of science with novel empirical data.

Keywords: representation, dialogue, practices, the problem of theoretical progress, theoretical complexes, cognitive sciences, philosophy of science, computation, cognitive technologies, neurotechnologies

References (transliterated)

1. Dennett D. C. The Part of Cognitive Science That Is Philosophy // Topics in Cognitive Science. – 2009. – Vol. 1. – No. 2. – P. 231–236.
2. Thagard P. Why Cognitive Science Needs Philosophy and Vice Versa // Topics in Cognitive Science. – 2009. – Vol. 1. – No. 2. – P. 237–254.
3. Lektorskii V.A. Filosofiya pered litsom kognitivnykh issledovanii // Voprosy filosofii. – 2021. – № 10. – S. 5–17.
4. Van Fraassen B. C. The scientific image. – Oxford University Press, 1980.
5. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago Press, 1962.
6. Feyerabend, P. Consolations for the Specialist // Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1965, I. Lakatos, A. Musgrave (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – P. 197–230.
7. Sushchin M.A. Plyuralizm v kognitivnykh naukakh: teoreticheskii, metodologicheskii ili ob"yasnitel'nyi? // Filosofiya i kul'tura. – 2022. – № 10. – S. 117–131.
8. Shapere D. The Structure of Scientific Revolutions // Shapere D. Reason and the Search for Knowledge. 1984. D. Reidel Publishing Company: Dordrecht. – P. 37–48.
9. Newen A., Gallagher S., De Bruin L. 4E cognition: Historical roots, key concepts, and central issues. Oxford University Press. – 2018. – P. 3–16.
10. Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes // Imre Lakatos: the methodology of scientific research programmes. Philosophical papers. Vol. 1. New York: Cambridge University Press, 1989. P. 8–101.
11. Laudan L. Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1978.
12. Von Eckardt B. What is Cognitive Science? Cambridge, Massachusetts: MIT press, 1995.
13. Sushchin M. A. Kognitivnaya nauka: ot paradigm k teoreticheskim kompleksam // Filosofiya nauki i tekhniki. – 2021. – T. 26. – №. 1. – S. 5–22.
14. Sushchin M. A. Teoreticheskie kompleksy v kognitivnykh naukakh // Voprosy filosofii. – 2022. – №. 12. – S. 40–51.
15. Churchland P. S. Neurophilosophy: Toward a unified science of the mind-brain. – MIT press, 1989.
16. Sushchin M. A. Psichologiya i neironauka: problemy integratsii // Filosofskie nauki. – 2019. – T. 62. – №. 1. – S. 89–105.
17. Sushchin M. A. V zashchitu gipotezy vnutrennikh reprezentatsii v sovremennykh issledovaniyakh vospriyatiya i poznaniya // Voprosy filosofii. – 2018. – №. 4. – S. 27–40.
18. Piccinini G., Scarantino A. Computation vs. information processing: why their difference matters to cognitive science //Studies in History and Philosophy of Science Part A. – 2010. – Vol. 41. – No. 3. – P. 237–246.
19. Dubrovskii D. I. Neiroetika: nekotorye aktual'nye filosofsko-metodologicheskie voprosy //Filosofiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki. – 2020. – T. 4. – №. 1. – S. 24–41.
20. Dupré J. The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1993.

21. Pigliucci M. et al. The demarcation problem. A (belated) response to Laudan // *Philosophy of Pseudoscience: Reconsidering the Demarcation Problem*, M. Pigliucci, M. Boudry (eds.). University of Chicago Press P. 9–28.

Dialogue between government and society in the digital public sphere (theoretical and methodological aspect)

Zaitsev Aleksandr Vladimirovich

Associate professor of the Department of Philosophy and Political Studies at Nekrasov Kostroma State University

156005, Russia, Kostroma region, Kostroma, Ovazhnaya str., 20/23, sq. 1

 aleksandr-kostroma@mail.ru

Abstract. The subject of the research of this article is the theoretical and methodological aspect of the transformation of dialogical interactions between government and society in the digital public sphere. The essence of this transformation, taking place in the context the digital information society, is the reconfiguration of the "traditional" public sphere into a digital public sphere, civil society into a digital civil society, the usual offline dialogue between the government and society into an intersubjective digital online dialogue. Unfortunately, many of these changes up to the present time remain completely unexplored by Russian political science and related fields and branches of socio-humanitarian knowledge. The scientific novelty of the article consist in the question of choosing the most adequate theoretical and scientific-methodological means for the study of the transformations occurring in the digital public sphere in the context of the dialogue between government and society. The main purpose of writing this article is focused on the study and selection and choosing the most appropriate theoretical and scientific and methodological tools for the study of transformations occurring in the digital public sphere, in the dialogue between government and society, tools that make it possible to comprehend the leading transformational trends in the field of communication technologies.

Keywords: new digital reality, digitalization, communication, transformation, Habermas, agonism, dialogue, society, power, digital public sphere

References (transliterated)

1. Habermas J. (1962). *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
2. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge Massachusetts: The MIT Press. 1991. 326 p.
3. Khabermas Yu. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery*. Issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva/ per. s nem. V.V. Ivanova. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir». 2016. 344 s.
4. Kazakov Yu. M. «Publichnaya sfera» Yu. Khabermasa: realizatsiya v internet-diskurse // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2013. № 3 (31). S. 125–130.
5. Kuz'menko O. V. Perspektivy tsifrovoi transformatsii politicheskoi publichnoi sfery // *Yuridicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2021. № 3 (39). S. 16-20.
6. Zaitsev A. V. Yurgen Khabermas i ego dialogika: ponyatie i sushchnost' // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. 2012. T. 18. № 5.

- S. 190–196.
7. Sukhorukov A.A. Tsifrovaya publichnaya sfera sovremennoego obshchestva: osobennosti stanovleniya i kontrolya // Sotsiodinamika. 2018. № 2. S. S. 14-22. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.2.24442
 8. Sokolov A. V., Isaeva E. A. (2022). Transformatsiya vzaimodeistviya vlasti i obshchestva pod vliyaniem tsifrovizatsii: primer Yaroslavskoi oblasti // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2022, T. 24. 2022. № 4: 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>
 9. Yakimets V. N., Nikovskaya L.I. O tsifrovoi transformatsii munitsipal'noi publichnoi politiki v Rossii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория. Politologiya. Sotsiologiya. 2021. № 4. S. 95–101.
 10. Mart'yanov D. S. Transformatsiya virtual'noi publichnoi sfery v usloviyakh spetsial'noi voennoi operatsii // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2022. T. 23. № 3. S. 20–32 DOI: 10.31429/26190567-23-3-20-32
 11. Volodenkov S.V. Transformatsiya sovremennoykh politicheskikh protsessov v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2020. T. 13. № 2. S. 6–25. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1
 12. After Habermas: new perspectives on the public sphere / Ed. by N. Crossley, J.M. Roberts. Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell publishing: Sociological Review, 2004. 184 R.
 13. Celikates, R. (2015). Transformation of the Public Sphere? // Transformations of Democracy. Crisis, Protest and Legitimation. Ed. by R., Celikates, R., Kreide and T., Wesch. London, New York. Rowman & Littlefield. 2015. Rr. 159–174.
 14. Tully, J. (2013). On the Global Multiplicity of Public Spheres: The Democratic Transformation of the Public Sphere? // Beyond Habermas: Democracy, Knowledge, and the Public Sphere, ed. Christian J. Emden and David Midgley New York: Berghahn Books. 2013, Rr. 169–204.
 15. Rethinking the Public Sphere Through Transnationalizing Processes: Europe and Beyond. Salvatore, A., Schmidtke, O., Trenz, H-J (eds.) (2013). Palgrave Macmillan UK: 308 p. DOI 10.1057/0780230229839
 16. Transnationalization of Public Spheres. Wessler, H., Peters, B., Brüggemann, M., Kleinen-von Königslöw K., Sifft S. (auth.). 2008. Palgrave Macmillan UK: 284 p. DOI 10.1057/0780230229839
 17. Splichal, S. Transnationalization of the Public Sphere and the Fate of the Public. New York, 2012. Hampton Press: 253 p.
 18. Fraser, N. (2007). Transnationalizing the Public Sphere. Ed. by K. Nash. Polity Press: 176 r.
 19. Fraser, N. (2007). Transnationalizing the Public Sphere: On the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion // Post-Westphalian World. Theory, Culture & Society 24. 2007: 7–30.
 20. Zaitsev, A. V. Deliberativnaya demokratiya v kontekste dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva // Politika i obshchestvo. 2013. № 10 (106): 1231–1236. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.10.7708
 21. Zaitsev, A.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya institutsionalizatsii dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2012. № 1 (120). S. 231–236.
 22. Arendt Kh. Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni / per. s nem. i angl. V. V. Bibikhina; pod

- red. M. Nosova. SPb.: Aleteiya, 2000. 437 s., [1] l.
23. Shmidt K., Filippov A. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennoego parlamentarizma. Predvaritel'nye zamechaniya (O protivopolozhnosti parlamentarizma i memokratii) // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2009. T. 8. № 2. S. 6–16.
24. Muff Sh. K agonisticheskoi modeli demokratii. Per. A. Smirnova. // Logos. 2004. № 2 (42). S. 180–197.
25. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: dis. doktora filolog. nauk. Volgograd. 2000. 431 s.
26. Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M. : IT DGK «Gnozis», 2004. 368. s.

The problem of freedom in the philosophy of John Locke: semiotic interpretation

Ukhov Artem Evgen'evich

Doctor of Philosophy

Assistant Professor, Department of Philosophy and History, Vologda state dairy farming academy named by N.V. Vereshchagin

75 Sovetsky ave., Vologda, Vologda Region, 160022, Russia

 uae893@yandex.ru

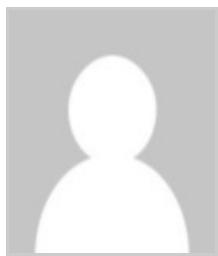
Kovrov Eduard Leonidovich

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Philosophy and History, Vologda Dairy Academy named after N.V. Vereshchagin

160555, Russia, Vologda region, Vologda, Mlochnoye, Schmidt str., 2

 edkovrov@rambler.ru

Simonyan Eleonora Gamletovna

PhD in Philosophy

Assistant professor, Vologda State Dairy Farming Academy named by N.V. Vereshchagin

160555, Russia, Vologda region, Vologda, Mlochnoye, Schmidt str., 2

 eleonora8@mail.ru

Abstract. The article shows the connection between the social constructions of political liberalism and its ontological justification in the system of J. Locke. With the help of semiotics and comparative philosophical analysis of the views of modern philosophers B. Spinoza, T. Hobbes, J. Locke, R. Filmer, J.-J. Rousseau, I. Kant, such problems as the nature of state power, the concept of freedom, natural law, social contract, the right of the people to revolution are analyzed. The semiotic context of natural law is revealed, and it is concluded that happiness, as the goal of New Age individual's quest, according to Locke, is thought to be a rational and, therefore, a free being. Linking the natural need to be a free being not only with the organization of state power, but also with religious need, Locke concludes that political participation itself can be considered not just as a way to achieve freedom, but also as the purpose for a person to improve themselves morally and politically. For Locke, state power turns out to be an integral part of society, and the balance between them always shifts towards society as the source of the social contract. At the same time, the negative meaning of freedom in Locke prevails over the positive, saving the latter from sliding into totalitarianism of the Jacobin type, as in Rousseau. The conclusion is drawn about the

relevance of ideas about the need for free choice of citizens to build a rule of lawful state and develop democracy.

Keywords: independence of existence, common good, natural right, mutual consent, semiotics, law, personality, liberalism, freedom, state

References (transliterated)

1. Bart R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov // Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu. M: IG Progress, 2000. S. 196-238.
2. Belkina T.L., Komarov A.S. Apologiya svobody sovesti v trudakh Dzhona Lokka // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. № 2, 2012. S. 41-44.
3. Berlin I. Filosofiya svobody. Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 448 s.
4. Gobbs T. Sochineniya v 2-kh tomakh. M., Mysl', 1991, T. 2.
5. Enikeev R.N. Istoricheskaya sud'ba gosudarstva: novaya traktovka // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 3(57). S. 17-20.
6. Kovrov E.L., Kukushkin V.L., Ukhov A.E. Krizis reformy mestnogo samoupravleniya v Rossii: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2020. № 5. S. 185-202. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51449
7. Lokk D. Dva traktata o pravlenii // Lokk D. Sochineniya v 3-kh tomakh. T.1 M.: Mysl', 1988. S. 135-406.
8. Lokk D. Opyt o chelovecheskom razumenii // Lokk D. Sochineniya v 3-kh tomakh. T.1 M.: Mysl', 1988. S. 77-582.
9. Osipova N.G. Sotsial'no-filosofskie osnovy (teoreticheskoe yadro) klassicheskogo liberalizma // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2015. № 4. S. 5-27.
10. Pabst A. Postliberal'naya politika // Tetradi po konservativizmu. 2021. № 3. s. 200-223. S. 202. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-200-222>
11. Patsiashvili, S.S. Prava cheloveka i paternalizm v Konstitutsii // Globus: Gumanitarnye nauki. 2020. № 2(32). S. 27-32.
12. Polyakov L.V. O ponimanii svobody. Perechityvaya I.Berlina // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz. 2009. № 1. S. 78-91.
13. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Printsipy politicheskogo prava. M.: Sots-ek.giz, 1938. 123 s.
14. Solov'ev E.Yu. Proshloe tolkuet nas. M.: Politizdat, 1991. 432 s.
15. Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskii traktat. Kazan': [b.i.], 1906. 450 s.
16. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu SPb.: Petropolis, 1998. 432 s.
17. Yum D. Sochineniya v 2-kh t. T. 1. M.: Mysl', 1965. 846 s.
18. Yakovlev A. Zaveshchanie Dzhona Lokka, priverzhentsa mira, filosofa i anglicanina. M.: Izd. Instituta Gaidara, 2013. 432 s.
19. Yakovlev A. Lokk i revolyutsiya // Voprosy filosofii. 2022. T. № 4. S. 93-104.
20. Dunn J. (1973). *The political thought of John Locke*. Cambridge, 1969.

Worldview foundations in the system of ethnopedagogy (using the example of Tuvan culture).

Danchay-ool Ayas Anatolyevich

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Philosophy, Social and Humanitarian sciences, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky
Krasnoyarsk State Medical University

124 K.marxstr., room 401, Krasnoyarsk Territory, 660022, Russia

✉ dayas@inbox.ru

Mongush Salbak Oner-Oolovna

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Philosophy, Tuva State University

66700, Russia, Republic of Tyva, Kyzyl, Lenin str., 5, office 205

✉ mongush.1975@mail.ru

Dongak Venera Sedip-Oolovna

PhD in Sociology

Associate professor, Department of Philosophy, Tuva State University

667000, Russia, Republic of Tyva, Kyzyl, Lenin str., 5, office 205

✉ dongak@mail.ru

Abstract. The article reveals the problem of the need to build ethnopedagogical methods through instilling the fundamental meanings of the worldview of traditional culture. The authors point out the inconsistency of the superficial application in the practice of ethnopedagogy of a simple listing of cultural phenomena or teaching the national language. The processes of upbringing and education must be implemented in unity with cultural enlightenment, in which the unity of man, society and nature is revealed. The problem of distorted interpretation of cultural phenomena in modern times is shown, which creates a contradictory worldview system. The need to instill an understanding of the transformation of the worldview of traditional cultures in modern times is emphasized, which makes it possible to fill pedagogical practice with specific content. The novelty of the study lies in the discovery of the relationship between problems of worldview and pedagogical practice. The ideology of the Soviet era was formed on substantialism and materialism, which required the application of the ideas of abstract progress and holism. In such conditions, Tuvan traditional culture was not fit into the abstract system that reduces the content of archaic cultures. The authors point to the unity of education and thinking, in which a person understands the uniqueness of each culture and its phenomena. In this connection, it is possible to learn the meanings of one's culture, which creates the possibility of self-identification. The main contribution of the authors lay in revealing of the need to develop ethnopedagogy with specific content, which is ensured through high-quality preparation of ideological foundations.

Keywords: progress, interpretation of culture, worldview, traditional culture, education, phenomenon of culture, ethnopedagogy, transformation of culture, upbringing, Tuvan culture

References (transliterated)

1. Kondrat'eva, T. N. K probleme ekologicheskogo vospitaniya v Buryatii na osnove etnoekologicheskikh traditsii titul'nogo naroda // Filosofiya obrazovaniya. 2014. № 1(52). S. 112-117.
2. Krezhevskikh O.V., Karataeva N.A. Opyt primeneniya etnopedagogiki v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2022. № 1 (55). S. 79-93.

3. Tatevosyan M.A. Ekzistentsial'nyi podkhod v obrazovanii // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021. №12. S. 32-34.
4. Danchai-Ool A.A., Adygbai Ch.O. Razvitie religioznykh verovanii tuvintsev v usloviyakh globalizatsii // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. 2022. T. 8, №S. 106-115. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-8 3.
5. Oorzhak S.Y., Oorzhak K.-o.D.-N. Ethnic Pedagogical Knowledge (Expansion of Content on the Materials of the Republic of Tuva) // Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki. 2019. № 2. C. 302-309.
6. Kollegov, A. K., Kim-Maloni, A. A. Etnopedagogika kak sredstvo formirovaniya mezhkul'turnoi kompetentsii v polikul'turnom sotsiume // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 8(197). S. 214-223. doi:10.23951/1609-624X-2018-8-214-223.
7. Khakimov E.R. Etnopedagogika kak nauka: predmet, funktsii, osnovnye kategorii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika». 2007. №9. S. 39-52.
8. Arsaliev, Sh. M. Kh. Etnopedagogika v kontekste sovremennoi nauchnoi paradigm. Saarbrucken-Deutschland: Palmarium Academic Publishing, 2013.
9. Tatarova S. P. Tsennostnye orientatsii naseleniya Respubliki Tyva (po materialam oprosa zhitelei sel i gorodov) // Novye issledovaniya Tuvy. 2016. № 1. S. 20-37.
10. Nezdemkovskaya G. V. Stanovlenie etnopedagogiki v Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 326. S. 186-193.
11. Ondar Ch.G., Dongak V.S., Mongush D.Sh. Tuvinskii yazyk v Internete: predstavlennost', problemy i perspektivy // Novye issledovaniya Tuvy. 2023. № 1. S. 186-207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>
12. Suvandii N.D., Dongak U.E.o. Formirovaniye duchovno-nravstvennykh i etnokul'turnykh tsennostei u obuchayushcheisya molodezhi: rol', funktsii (na primere obucheniya rodnому языку и устному народному творчеству) // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. №4 Pedagogicheskie nauki. 2019. № 3(51). S. 35-42. DOI: 10.24411/2221-0458-2019-10014.
13. Dongak V.S.o., Mongush D.Sh. Tuvinskaya etnichnost' kak ob'ekt issledovaniya // Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN. 2021. № 1. S. 146-172. DOI 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172.
14. Ozhegov S.I., Shvedova Yu.N. Tvorchestvo, Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Moskva: OOO «ITI Tekhnologii», 2003.
15. Pilyak S.A. Razvitie germenevicheskogo podkhoda v izuchenii fenomenov kul'tury. Chast' 1 // Filosofskaya mysl'. 2020. № 8. S. 30-38. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.32743
16. Madyukova S.A., Popkov Yu.V. Sotsiokul'turnyi neotraditsionalizm: vosproizvedenie traditsii i vosproizvodstvo etnichnosti // Novye issledovaniya Tuvy. 2010. №2(6). S. 25-39.
17. Rakhmanin A.A. Zarozhdenie idei progressa: antichnost' ili Novoe vremya? // Gumanitarnyi vektor. Seriya: Pedagogika, psichologiya. 2009. № 2. S. 46-49.
18. Tsybenova Ch. S. Otrazhenie traditsionnykh tsennostei v yazykovom soznanii tuvintsev (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) // Voprosy psikhologicheskikh issledovaniy. 2020. № 1(43). S. 98-109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109.
19. Danchai-Ool A. A., Davaa E. K. o. Antropologicheskie problemy traditsionnoi kul'tury (na primere tuvinskoi kul'tury) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2022. №

- 3(95). S. 51-57. DOI: 10.24158/fik.2022.3.8.
20. Lamazhaa C. Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva Facing Modern Challenges //The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12). Amsterdam University Press, 2022. T. 1. S. 296-308.
21. Zabelin V.I. O nekotorykh aspektakh sokhraneniya prirody Tuvy dlya budushchikh pokolenii // Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo. 2019. №2 (2). S. 34-37.
22. Suzukei V.Yu. Prostranstvo i vremya v traditsionnoi kul'ture tuvintsev // Novye issledovaniya Tuvy. 2009. №. 1-2. S. 250-267.
23. Il'enkov E.V. Filosofiya i kul'tura. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2010.

Being and givenness in the philosophy of M. Heidegger

Gaginskii Aleksei Mikhailovich

PhD in Philosophy

Senior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12/1, office 412

✉ algaginsky@gmail.com

Abstract. The author believes that it is possible to discuss Heidegger's philosophy only in the light of a more or less clarified understanding of being, but this is precisely the main difficulty: Heidegger invites you on the road without saying where to go and what to guide you on the road. What should serve as a guideline to understand it correctly? From what preliminary understanding of being should we proceed when talking about fundamental ontology, ontotheology, ontological difference? First of all, my own being is for me a point of reference and a starting position in the comprehension of being and the construction of ontology. Therefore, the meaning of being is read not from the existing in general, but from the concrete existing, from itself. The being of Dasein – finite, because the existing one is mortal. However, the existence of a person is different from the existence of a number, a tree or an angel – how then to understand what meaning this word has? If being is time, and time is myself, then what is being a rock, a number, or God? In addition, Heidegger does not limit himself to the statement that God or an angel are given to consciousness, that is, given as certain entities, he says that they exist, that is, that entities are essences. This corresponds to the concept of "givenness" in phenomenology. At the same time, the datum can refer to anything, for example, to a unicorn and pegasus, Zeus and Hera, a round square and a wooden iron, but without considering them as something existing. Therefore, the question naturally arises about how Heidegger understands being after all, why does reality act as a synonym for being for him?

Keywords: intentionality, God, phenomenology, givenness, Heidegger, Duns Scot, beings, Being, existence, Husserl

References (transliterated)

1. Akhutin A. V. Dasein (Materialy k tolkovaniyu) // Akhutin A. V. Povorotnye vremena: Stat'i i nabroski. SPb.: Nauka, 2005. S. 551-600.
2. Vdovina G. V. Intentsional'nost' i zhizn'. Filosofskaya psichologiya postsrednevekovoi skholastiki. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 592 s.

3. Vdovina G. V. Khimery v lesakh skholastiki: Ens rationis i ob"ektivnoe bytie. SPb.: SPbPDA; RGPU im A. I. Gertse, 2020. 440 s.
4. Gaginskii A. M. Dasein v Rossii: eshche raz k voprosu o perevode // Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii. 2022. № 4 (16). S. 110–133.
5. Gaginskii A. M. Metodologicheskii ateizm M. Khaideggera: biografiya i filosofiya // Iстория философии. 2023. Т. 28. № 1. S. 67–81.
6. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya // On zhe. Sobranie sochinenii / Per. s nem. V. I. Molchanova. M.: Gnozis; Dom intellektual'noi knigi, 2001. T. 3 (1).
7. Ishchenko N. I. Ponyatie «otkrytost'» v analitike Dasein Martina Khaideggera: problema opredeleniya // Iстория философии. 2020. Т. 25. № 2. S. 55–68.
8. Kant I. Kritika chistogo razuma // Sochineniya v 8 t. M.: Choro, 1994. T. 4.
9. Molchanov V. I. Vremya i soznanie: kritika fenomenologicheskoi filosofii // On zhe. Issledovaniya po fenomenologii soznaniya. M.: Territoriya budushchego, 2007. S. 29–196.
10. Molchanov V. I. Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya // On zhe. Issledovaniya po fenomenologii soznaniya. M.: Territoriya budushchego, 2007. S. 197–454.
11. Patkul' A. B. Ideya filosofii kak nauki o bytii v fundamental'noi ontologii Martina Khaideggera. SPb.: Nauka, 2020. 810 s.
12. Perler D. Teorii intentsional'nosti v Srednie veka / Per. s nem. G. V. Vdovinoi. M.: Delo, 2016. 270 s.
13. Rail G. Ponyatie soznaniya / Per. s angl. M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 408 s.
14. Falev E. V. Germenevtika Martina Khaideggera. SPb.: Aleteiya, 2008. 224 s.
15. Khaidegger M. Vvedenie k: «Chto takoe metafizika?» // On zhe. Vremya i bytie / Per. s nem. V. V. Bibikhina. M.: Respublika, 1993. S. 27–36.
16. Khaidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii / Per. s nem. A. G. Chernyakova. SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001. 446 s.
17. Khaidegger M. Ponyatie vremeni / Per. s nem. A. P. Shurbeleva. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 200 s.
18. Khaidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni / Per. s nem. E. Borisova. Tomsk: Vodolei, 1998. 384 s.
19. Chernyakov A. G. Ontologiya vremeni: Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera. SPb: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001. 460 s.
20. Yampol'skaya A. V. Zhan-Lyuk Marion i reduktsiya k dannosti // Filosofskie nauki. 2013. № 2. S. 100–114.
21. Plato. Meno // Platonis opera / Ed. J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900. Vol. 3. P. 70–100.
22. Heidegger M. Brief über den »Humanismus« // Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. S. 313–364 (Gesamtausgabe, 9).
23. Heidegger M. Der Begriff der Zeit. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2004. 133 S. (Gesamtausgabe 64).
24. Heidegger M. Die Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1989. 473 S. (Gesamtausgabe, 24).
25. Heidegger M. Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus // Frühe Schriften. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1978. 189–411 S. (Gesamtausgabe, 1).

26. Heidegger M. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1988. 227 S. (Gesamtausgabe 63).
27. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. 447 S. (Gesamtausgabe 20).
28. Heidegger M. Sein und Zeit. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. 583 S. (Gesamtausgabe 2).
29. Heidegger M. Was ist Metaphysik? // Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. S. 103–122 (Gesamtausgabe, 9).
30. Heidegger M. Einführung in die phänomenologische Forschung. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1994. 332 S. (Gesamtausgabe 17).
31. Heidegger M. Platon: Sophistes. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1992. 668 S. (Gesamtausgabe 19).
32. McGrath S. J. The early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2006. 268 p.

Philosophical anthropology analysis of contradictions in the development of artificial intelligence

Gluzdov Dmitry Viktorovich

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Social Sciences, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1

✉ dmitry.gluzdov@mail.ru

Abstract. The object of philosophical research is artificial intelligence. The subject of the study covers the impact of the development of artificial intelligence on a person, on the formation and change of ideas about a person, his nature and essence. But in the study, the emphasis is on the contradictoriness of this impact. The philosophical and anthropological analysis of artificial intelligence is focused on understanding the impact of this technology through the phenomenon of man, human existence and his experience. The article is an attempt to study the problem from different positions, including the question of how to ensure control over the growing "consumption" of artificial intelligence in a variety of ways, as well as what can affect the development of a person himself and how current trends contribute to change or create social and cultural norms, such as the ideas of "roboethics" and ethical responsibility in the creation and use of intelligent machines. The presence of fragmented or insufficiently complete coverage in the study of the presented topic in the works of researchers allows us to set the task of formulating the problem and studying it. It is the need for a comprehensive study that is the idea that initiated this work, which boils down to an attempt to conduct a philosophical and anthropological analysis, identify the shortcomings of the existing situation and determine the prospects. From this position, in the process of research, no materials were found that consider the problem comprehensively, and on the other hand, combine the task of identifying the causes and foundations of these contradictions in order to analyze them from the standpoint of philosophical anthropology, which determines the novelty of the study.

Keywords: interdisciplinary cooperation, ethics, identity, freedom, consciousness, technology, contradictions, artificial intelligence, human, philosophical anthropology

References (transliterated)

1. Mittelstadt B. Principles alone cannot guarantee ethical AI // *Nature Machine Intelligence* – Volume 1, November 2019 – p.501-507. DOI: 10.1038/s42256-019-0114-4
2. Afanas'evskaya A.A. Pravovoi status iskusstvennogo intellekta // *Vestnik saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* – 2021, №4 (141), – s.88-92 DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-88-92
3. Preparing for the Future of Artificial Intelligence. 2016. Washington, DC. Executive Office of the President National Science and Technology Council Committee on Technology – 2016 – [Elektronnyi resurs]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf (data obrashcheniya: 14.03.2023)
4. Shatkin M. A. Agentnost' tsifrovyykh platform: tsennostnyi podkhod // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika* – 2022, №3 – s.293-297. DOI: 10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297
5. Leshchev S. V. Iskusstvenno-intellektual'naya agentnost' v prostranstve gumanitarnogo izmereniya // *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* – 2021 – s.65-68.
6. Mertsalov A. V. Agentnost', tozhdestvo lichnosti i moral'naya otvetstvennost' // *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* – 2022, №5 – s.72-90.
7. Gluzdov D. V. Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya vzaimodeistviya iskusstvennogo i estestvennogo intellekta // *Vestnik Mininskogo universiteta*. 2022. T. 10, № 4. S.15. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-4-15
8. Yakovleva E. V., Isakova N. V. Iskusstvennyi intellekt kak sovremennaya filosofskaya problema: analiticheskii obzor // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2021. №6. – S.30-35. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35
9. Roche C., Wall P. J., Lewis D. Ethics and diversity in artificial intelligence policies, strategies // *AI and Ethics*. – Springer Nature, 2022. DOI: 10.1007/s43681-022-00218-9 – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43681-022-00218-9>
10. Smirnov S. A. Mesto cheloveka v antropologii budushchego // *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'*: Monografiya / Otv. red. L. P. Kiyashchenko, T. A. Sidorova. – Novosibirsk: Akademizdat – 2022 – S.54-62 DOI: 10.24412/13-36976-2022-1-54-62
11. Thomas S. AI is the end of writing. The computers will soon be here to do it better. // *The Spectator* – 11Mart 2023 – [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/ai-is-the-end-of-writing/> (data obrashcheniya: 14.03.2023)
12. Jones M. Is ethical risk getting the better of artificial intelligence? // *TechHQ*, 2021 – 2 February 2021 – [Elektronnyi resurs]. URL: <https://techhq.com/2021/02/is-ethical-risk-getting-the-better-of-artificial-intelligence/> (data obrashcheniya: 14.03.2023).
13. Tsurkan D. A. Problema chelovecheskogo konstituirovaniya i lichnostnogo samoopredeleniya v tsifrovyyu epokhu riska: dis. ... kand. filosof. nauk. – Kursk, 2020 – Rezhim dostupa: <https://cloud.kursksu.ru/kursksu.ru/pages/2020/December/9/5HhGA8Yy.pdf> (data obrashcheniya: 14.03.2023)
14. Kwame N. E, Cobbina S. J., Attafuah E. E., Opoku E., Gyan M. A. Environmental sustainability technologies in biodiversity, energy, transportation and water management using artificial intelligence: A systematic review // *Sustainable Futures* – 2022, Volume 4 – [Elektronnyi resurs]. URL:

- <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666188822000053> (data obrashcheniya: 14.03.2023), DOI: 10.1016/j.sfr.2022.100068
15. Gorodnova N. V. Primenenie iskusstvennogo intellekta v proektakh «Smart-ekologiya» // Diskussiya. 2021. №2-3 (105-106), DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10094
 16. Abduganieva Sh.Kh., Nikonorova M.L. Tsifrovye resheniya v meditsine // Krymskii zhurnal eksperimental'noi i klinicheskoi meditsiny – 2022, T.12, №2 – c.75-83 DOI: 10.37279/2224-6444-2022-12-2-73-85
 17. Korobkov A.D. Vliyanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta na mezhdunarodnye otnosheniya // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2021 – S.1-25 DOI: 10.24833/2071-8160-2021-ol1
 18. The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://standards.ieee.org/industry-connections/ec/autonomous-systems.html> (14.03.2023)
 19. YuNESKO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence – 23 November, 2021 – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137_eng (data obrashcheniya: 14.03.2023)
 20. Pulella P., Dastin J. Vatican joins IBM, Microsoft to call for facial recognition regulation // Reuters – FEBRUARY 28, 2020 – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.reuters.com/article/us-vatican-artificial-intelligence/vatican-joins-ibm-microsoft-to-call-for-facial-recognition-regulation-idUSKCN20M0Z1> (data obrashcheniya: 14.03.2023)

Sociohumanitarian issues of preconception genetic screening programs

Vetrov Vladimir Andreevich

Editor, Center for Scientific and Information Research on Science, Education and Technology, INION RAS,
Moscow

117218, Russia, Moscow region, Moscow, Nakhimovsky ave., 51/21

 vetrov21v10@gmail.com

Abstract. Preconception genetic testing for carriage of recessive mutations is an important genetic test that allows for better planning of the method of conception (natural or IVF), the course of pregnancy, and the need for additional screening of the developing fetus. Despite the obvious benefits that ECS brings to public health, uncertainty about issues and concepts such as determining disease severity, the social consequences of routine screening, and target setting create ethical controversies in defining conditions appropriate for inclusion in a screening panel. The development of a large-scale screening program exacerbates uncertainties and requires methodological elaboration. The author identifies and reviews problem areas of pre-conceptual genetic carrier testing not from the side of ethical implications, specific (or perceived) cases, but looks for their source in the underdevelopment of basic concepts and intuitions in assessing the severity of genetic disease. Analytical and empirical tools in this situation appear to be insufficient. The author concludes that a satisfactory consensus can be reached only with the participation of socio-humanitarian scientists in its development, including epistemological, existential, sociological and other humanitarian dimensions in the analysis. Sociohumanitarian expertise is a necessary element for finding a systematic solution for pre-conceptual genetic screening programs.

Keywords: philosophy of technology, genetics, expanded carrier screening, technology assessment, health care, pre-conception, genetic testing, reproduction, bioethics, ethics of technology

References (transliterated)

1. Capalbo A., Poli M., Rierra-Escamilla A., et al.. Preconception genome medicine: current state and future perspectives to improve infertility diagnosis and reproductive and health outcomes based on individual genomic data. // *Human Reproduction Update*. 2021. Vol. 27. Issue 2. P. 254–279.
2. Angastiniotis M.A., Hadjiminas M.G. Prevention of thalassaemia in Cyprus // *Lancet*. 1981. No. 1. P. 369-371.
3. Cunningham S., Marshall T. Influence of five years of antenatal screening on the paediatric cystic fibrosis population in one region // *Arch Dis Child*. 1998. Vol.78. No. 4. P. 345-348.
4. Kingsmore S. Comprehensive carrier screening and molecular diagnostic testing for recessive childhood diseases [Elektronnyi resurs]: *PLoS Curr*. 2012. No. 4. URL: <https://currents.plos.org/genomictests/article/comprehensive-carrier-screening-and-molecular-diagnostic-testing-for-recessive-childhood-diseases/> (data obrashcheniya 19.07.2023)
5. Kirk E.P., Ong R., Boggs K., Hardy T., Righetti S., Kamien B., Roscioli T., Amor D.J., Bakshi M., Chung C.W. Gene selection for the Australian reproductive genetic carrier screening project ("Mackenzie's Mission") // *Eur J Hum Genet*. 2021. No. 29. P. 79–87.
6. Beauchamp K.A., Muzzey D., Wong K.K., Hogan G.J., Karimi K., Candille S.I., Mehta N., Mar-Heyming R., Kasenitit K.E., Kang H.P., Evans E.A., Goldberg J.D., Lazarin G.A., Haque I.S. Systematic design and comparison of expanded carrier screening panels // *Genet Med*. 2018. Vol.20. No. 1. P.55-63.
7. Committee Opinion No. 690 Summary: Carrier Screening in the Age of Genomic Medicine // *Obstet Gynecol*. 2017. Vol.129. No. 3. P. 595-596.
8. Henneman L., Borry P., Chokoshvili D., Cornel M.C., van El C.G., Forzano F., Hall A., Howard H.C., Janssens S., Kayserili H., Lakeman P., Lucassen A., Metcalfe S.A., Vidmar L., de Wert G., Dondorp W.J., Peterlin B. Responsible implementation of expanded carrier screening // *Eur J Hum Genet*. 2016. Vol. 24. No. 6
9. Lazarin G.A., Hawthorne F., Collins N.S., Platt E.A., Evans E.A., Haque I.S. Systematic classification of disease severity for evaluation of expanded carrier screening panels // *PLoS One*. 2014. Vol. 9, No. 12. P. 1-16.
10. Deignan J.L., Astbury C., Cutting G.R., Del Gaudio D., Gregg A.R., Grody W.W., Monaghan K.G., Richards S. CFTR variant testing: a technical standard of the American College of Medical Genetics and Genomics (ACMG) // *Genet Med*. 2022. No. 22. P. 1288–1295.
11. OECD: *Guidelines for quality assurance in molecular genetic testing*. 2007.
12. Wilson J.M.G., Jungner G. *Principles and practice of screening for disease*. Geneva: WHO, 1968.
13. Health Council of the Netherlands: Genetische screening. The Hague: Health Council of the Netherlands, 1994 (na nemetskom).
14. Krahn, T., & Wong, S. (2009). Preimplantation genetic diagnosis and reproductive autonomy // *Reproductive BioMedicine Online*. No. 19. P. 34-42.

15. Lawson K. Perceptions of deservedness of social aid as a function of prenatal diagnostic testing // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. No. 33. P. 76–90.
16. Kihlbom U. Ethical issues in preconception genetic carrier screening. // *Ups J Med Sci*. 2016. Vol. 121. No. 4. P. 295–298.
17. Dive L., Newson A.J. Reproductive carrier screening: responding to the eugenics critique // *J Med Ethics*. 2022. Vol. 48. N. 12. P. 1060–1067.
18. Rubeis G, Steger F. A burden from birth? Noninvasive prenatal testing and the stigmatization of people with disabilities // *Bioethics*. 2019. Vol. 33. No.1 P. 91–97.
19. Scully J.L. *Disability and the challenge of genomics* / In: Gibson S., Prainsack B., Hilgartner S., et al., eds. Routledge Handbook of genomics, health and society. London: Routledge, 2018. P. 186–194.
20. Scully J.L. From «She Would Say That, Wouldn't She?» to «Does She Take Sugar?» Epistemic Injustice and Disability // *Int J Fem Approaches Bioeth*. 2018. Vol. 11, No.1. P. 106–124.
21. Maxwell S., Bower C., O'Leary P. Impact of prenatal screening and diagnostic testing on trends in Down syndrome births and terminations in Western Australia 1980 to 2013 // *Prenat Diagn*. 2015. Vol. 35, No.13. P. 1324–1330.
22. Massie J., Petrou V., Forbes R., et al. Population-Based carrier screening for cystic fibrosis in Victoria: the first three years experience // *Aust N Z J Obstet Gynaecol*. 2009. Vol. 49 No. 5. P. 484–489.
23. De Wert G.M., Dondorp W.J., Knoppers B.M. Preconception care and genetic risk: ethical issues // *J Community Genet*. 2012. No. 3. P. 221– 228
24. Holtkamp K.C., Mathijssen I.B., Lakeman P., et al. Factors for successful implementation of population-based expanded carrier screening: learning from existing initiatives // *Eur J Public Health*. 2017. No. 27. P. 372– 377.
25. Haga S.B. First responder to genomic information: a guide for primary care providers // *Mol Diagn Ther*. 2019. No. 23. P. 459–466.
26. Silver J., Norton M.E. Expanded Carrier Screening and the Complexity of Implementation // *Obstet Gynecol*. 2021. Vol.137. No. 2. P. 345-350.

Different logics of social and political analysis

Ilinskaya Svetlana

PhD in Politics

Associate professor, Head of the Department of Philosophical Problems in Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12, p.1, office 421

✉ svetlana_ilinska@mail.ru

Sirina Ekaterina Arturovna

Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12/1

✉ ekasirina@gmail.com

Abstract. The article is a detailed consideration of the poststructuralist concept, which is developed in the work "Logic of Critical Explanation in Social and Political Theory" by D. Glinos

and D. Howarth, and will arouse the interest of all those engaged in discursive research. In the work of professors of the University of Essex, the forces of social and political philosophy carried out a deep study of the discursive paradigm, first conceptually outlined in the work of S. Mouff and E. Laclo "Hegemony and socialist strategy", which has not yet been translated into Russian. The "new ontology" proposed by Mouff and Laclos became the basis for the original scientific school. The reviewed monograph is presented as a new round of development of this research direction. Based on the ontological attitudes of the discursive paradigm, Glinos and Howarth propose a postpositivist model of social sciences based on abduction, a problem-oriented approach (problematization), the need to take into account both the "hermeneutic" and "materialistic" components, both the objective and subjective sides of the social. The schemes they form for socio-political analysis seem analytically valuable. Of course, there are alternatives to them, but one of the key consequences of the discursive paradigm is the installation not on the competition of ontic approaches, but on their unification, since it is important to rely on what one or another approach brings to social knowledge, and not what it contradicts to another approach.

Keywords: model, logic, paradigm, ontica, new ontology, discursive research, critical analysis, political, social, methodology

References (transliterated)

1. Van Deik T. Diskurs i vlast': Repräsentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii: Per. s angl. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.
2. Il'inskaya S.G., Sirina E.A. Diskursivnye issledovaniya i vyyavlenie ideologicheskikh konstruktorov // Lichnost', kul'tura, obshchestvo. 2022. №3-4 (115-116). S. 108-129.
3. Nagornaya A.V. Khart K. Diskurs, grammatika i ideologiya: funktsional'naya i kognitivnaya perspektiva. Rets. na: Hart Ch. Discourse, grammar and ideology: Functional and cognitive perspectives. L.: Bloomsbury, 2016 // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykoznanie: Referativnyi zhurnal. 2017. №1.
4. Oleshkova A.M. Kriticheskii diskurs-analiz v traditsii N. Ferklo: sotsial'no-filosofskii aspekt // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2020. № 6 (96). Ch. 4. S. 15-18.
5. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru / Per. s angl. pod redaktsiei V.L. Inozemtseva. M.: Logos, 2003. 289 s.
6. Glynos J., Howarth D. Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory. Routledge Innovations in Political Theory. Routledge, 2007. 264 p.
7. Kun T. Metafora v nauke / Per. s angl. A.L. Nikiforova // Kun T. Posle «Struktury nauchnykh revolyutsii». M.: AST Publishers, 2014. S. 424-449.
8. Delez Zh. Logika smysla. M.: Akademicheskii Proekt, 2011. 472 s.
9. Smirnov A.V. Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu. M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2021. 448 s.
10. Khabermas Yu. Filosofskii diskurs o moderne. 12 lektsii. Per. s nem., 2-e izd., ispr. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2008. 416 c.
11. Gramshi A. Tyuremnye tetradi: v 3-kh ch. Ch. 1. M.: Politizdat, 1991. 560 s.
12. Avtonomova N.S. Derrida i grammatologiya // Derrida Zh. O grammatologii / Per. s fr. i vst. st. N. Avtonomovoi. M: Ad Marginem, 2000. S. 7-110.
13. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema. Per. s nem. / A. Antonovskii. M: Logos, 2004. 232 s.

14. Sossyur F. Zametki po obshchei lingvistike. M.: Progress, 1990. 280 s.
15. Lakan Zh. Trevoga (Seminary, kniga Kh (1962/63)) / Per. s fr. A. Chernoglazova. M.: Izd-vo «Gnozis», izd-vo «Logos», 2010. 424 s.
16. Laklau E. Nevozmozhnost' obshchestva // Logos. 2003. №4-5 (39). S. 54-57.
17. Orisheva O.F. «Politicheskoe» i «sotsial'noe» v postmarksistskoi teorii gegemonii // Trudy BGTU. Seriya 5. Iстория, философия, филология. 2010. S. 136-139.
18. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, New York: Verso, 2001 (1985). 208 p.
19. Baker P., Gabrielatos C., KhosraviNik M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press // Discourse & Society. 2008. №19, p. 273-306.
20. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs. Obshchelovecheskoe. M.: OOO «Sadra»; ID YaSK, 2019. 216 s.
21. Vitgenshtein L. Filosofskie issledovaniya / Per. s nem. L. Dobrosel'skogo. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018. 352 s.
22. Laklau E. O populizme // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2009. №3. S. 54-68.
23. Gololobov I.V. Teoriya politicheskogo diskursa Ernesto Laklau: Vvedenie // Byulleten' antropologiya, men'shinstva, mul'tikul'turalizm. Krasnodar, 2003. Vyp. 3. S. 129-136.
24. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti / Per. s angl. Ya.I. Svirskogo // Voprosy filosofii. 1991. №6. S. 46-52.
25. Baisha O.A. Diskursivnyi razлом sotsial'nogo polya: Uroki Evromaidana. M.: ID NIU VShE, 2021. 184 s.
26. Muff Sh. Vitgenshtein, politicheskaya teoriya i demokratiya / Per. s angl. A. Smirnova // Logos. 2003. №4-5 (39). S. 153-165.